

UNIVERSITAS
PETROPOLITANA
MDCCXXIV

Die slawische Phraseologie: Entlehnungen und Kalkierungen in der slawischen Phraseologie

Kollektivmonografie

Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии

Коллективная монография

Отв. ред.

Харри Вальтер (Германия)
Валерий Михайлович Мокиенко (Россия)

Редакционная коллегия:

Т.В. Володина (Белоруссия), И.В. Кузнецова (Россия),
С.А. Савченко (Россия-Тайвань)

Грайфсвальд – Санкт-Петербург 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214
«Человек и общество в зеркале новой русской
фразеологии»

Rezensenten/рецензенты:

Prof. Dr. Ludmila Stepanova (Olomouc)
Prof. Dr. Ewa Komorowska (Szczecin)
Vladimir Arifulin (Greifswald)

Impressum:

Harry Walter, Valerij M. Mokienko (Hrsg.)
Die slawische Phraseologie: Entlehnungen und Kalkierungen in der slawischen
Phraseologie. Kollektivmonografie.
Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской
фразеологии. Коллективная монография.

Greifswald: Universität Greifswald, 2020. – 180 S.
ISBN: 978–3–86006–471–9.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ЗАИМСТВОВАНИЯ И КАЛЬКИ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Глава 1. КАЛЬКИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Фразеологические кальки как источник обогащения национальных языков Мокиенко В. М.	5
Омлет, сыр в мышеловке и кони на переправе: исконное и заимствованное в русской и немецкой паремиологии Вальтер, Х.	17
О четырех новейших фразеологических кальках в хорватском языке Финк, Ж.	25
Латинские образцы польской диалектной фразематики Рак, М.	32
Фразеологические заимствования в русском языке: вторая волна адаптации Никитина Т.Г.	39
О заимствованиях в украинской фразеологии Венжинович Н. Ф.	42
Влияние русской фразеологии на современный разговорный украинский язык, суржик и жаргон Кузнецова И. В., Савченко А.В., Хмелевский М.С.	46
Польские фразеологические кальки в русском языке (исторический аспект) Николаева Е. Н.	52
К проблеме изучения заимствований из немецкого языка в русской фразеологии Рязановский Л. М.	58
Заимствования и кальки из морской и речной терминологии (из истории некоторых выражений) Гулякова И. Г.	63
Современные и старые фразеологические кальки в русском языке Павлова Л.П.	67
Глава 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	71
Балтийско-славянские фразеологические параллели Воробьева Л. Б.	71

Принципы построения «Словаря исторических крылатых фраз современного русского языка с немецкими параллелями» Вальтер, Х., Зыкова Е.И.	75
Французско-хорватские и французско-сербские языковые контакты в области фразеологии и их репрезентация в словарях Брунс, Т.	83
Заемствованные элементы в русских пословицах и поговорках, относящихся к уму или глупости Вальчак, М.	89
SORRY JAKO: англицизмы в современной политической фразеологии в Чехии и России Рычева Е.А.	97
Влияние английского языка на фразеологию польского молодежного жаргона Вильк, Г.	104
Что за <i>номера</i> в русской фразеологии? Цветаева Е.Н	111
Глава 3. КАЛЬКИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	117
О фразеологической кальке в поэтическом дискурсе Мещерякова О. А.	117
Заемствованная лексика и фразеология в русской афористике Королькова А. В.	123
Ассоциативное поле и содержательный диапазон фразеологизма Селиверстова Е. И.	129
Выражение «Человек для...» в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина» Еськова А. Д.	136
О переводе фразеологизмов иностранного происхождения в афоризмах С.Е. Леца Гаш, А.	139
Трансформации русских паремий в мемуарах Н.С. Хрущева Картер Е. В.	147
Сокращения	156
Литература	157

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ЗАИМСТВОВАНИЯ И КАЛЬКИ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Глава 1.

КАЛЬКИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Валерий Михайлович Мокиенко, Санкт-Петербургский университет,
Россия
mokienko40@mail.ru

Фразеологические кальки как источник обогащения национальных языков*

Фразеологические кальки рассматриваются как источник обогащения национальных славянских языков. Толкуется сам термин *фразеологическая калька*, выявляются экстралингвистические и лингвистические причины калькирования. К экстралингвистическим относится прежде всего конкретная общественно-политическая ситуация и тенденции международных контактов. К собственно лингвистическим – способность принимающей языковой системы усваивать заимствования и адаптировать их. В настоящее время основным источником фразеологического калькирования являются англицизмы. При всей общности этого направления калькирования каждый славянский язык и здесь проявляет специфику. Этот процесс демонстрируется на примере калек в русской фразеологии.

Идиоматика (resp. фразеология) традиционно считается сокровищницей национальной специфики любого литературного языка. Весьма часто эту констатацию сопровождают фразой «по праву считается». Тем не менее именно «право» на такую констатацию во многих случаях всё-таки далеко не бесспорно. Лишь после скрупулёзного, опирающегося на большой массив надёжного материала и объективную методику его лингвистического анализа можно, как кажется, отделить собственно национальные идиомы от интернациональных. Переоценка национальной специфики фразеологии имеет давние корни, уходящие в философский, этнографический, фольклористический и лингвистический романтизм первой половины XIX века, когда во многих европейских странах велись интенсивные и эмоциональные поиски «национального духа» своего народа. Лингвистический анализ многих

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

фразеологизмов – напр., русских (Мокиенко, Николаева 2002) – показывает, что они возникли отнюдь не на народной и не на собственно национальной, а на общеевропейской культурно-философской почве. А именно – на почве романтизма XIX века, в русле исканий Иоганном Готфридом Гердером национальной самобытности и народного «духа» – типа нем. *German Geist* ‘германский дух’ или фр. *esprit français* ‘французский дух’, которые перекликаются с воспетым А. С. Пушкиным *русским духом*, который «*Русью пахнет*», или со знаменитой «загадочной русской душой». Кстати, даже такой «чисто национальный» оборот-символ, как *русская душа* имеет общеевропейские культурологические истоки, является – как это ни парадоксально – интернационализмом (Lauer 1997).

Большой толчок к поискам национальной специфичности дало увлечение поисками «языковой картины мира», инициированное А. Вежбицкой. Целенаправленные поиски национальной маркировки картины русского мира в трудах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. Н. Караулова, В. В. Колесова, С. Е. Никитиной, В. Н. Телии, Н. И. Толстого, Е. С. Яковлевой и др. позволили нащупать некоторые фрагменты этой картины – такие, напр., как «Время», «Пространство», «Душа», «Судьба». Как показывает конкретный анализ некоторых из этих полей, напр., поля «Судьба» (Мокиенко 2000), А. Вежбицкая и её последователи несколько упрощенно и потому субъективно интерпретируют языковой материал, переоценивая на основе такой интерпретации национальную (особенно негативную) специфику русского менталитета.

В полной мере это относится и к выводам последователей А. Вежбицкой – фразеологам. Ведь справедливая констатация Д. О. Добровольского о наличии особой «фразеологической картины мира» (Dobrovolskij 1992) заставляет более ответственно относиться к экстралингвистическим интерпретациям фразеологии как особого языкового материала. Тем более, что уже упомянутая инерция оценки фразеологии (идиоматики) как особого «аккумулятора» национальной специфики делает её полигоном соблазнительных культурологических реконструкций. Наиболее яркий представитель этого направления – В. Н. Телия, напр., анализируя целый ряд русских фразеологизмов, характеризующих (с её точки зрения) женщину, приходит к печальному выводу о патриархальности русского мужского менталитета, в котором женщине отводится роль «гастрономического» объекта (Телия 1996, 231, 246, 262-268).

Специальный сопоставительный анализ приведённого В. Н. Телией «анти-женского» фразеологического материала показывает, однако, что подавляющее его большинство не является собственно русским, а либо представляет собой отражение общих средневековых европейских патриархальных воззрений на женщину, либо заимствовано из европейских (особенно французского и немецкого) языков. Тем самым квота «собственно национального» в негативно-оценочном фразеологическом поле, исследованном В. Н. Телией, резко сокращается. Поэтому В. Айсман, оценивая такие попытки реконструировать национальный менталитет на основе русского фразеологического материала, настоятельно подчёркивает необходимость объективных

«неутомимых» поисков соответствий с другими европейскими языками и более строгого отграничения русской «фразеологической картины мира» от соответствующей картины мира других языков (Eismann 1999, 357).

Что же даёт фронтальное межъязыковое сопоставление для реконструкции национального фонда русского языка?

Оно позволяет, как мы видели, весьма эффективно отсеять субъективные «национализированные» интерпретации тех или иных идиом. Сужение же диапазона собственно национальных рамок фразеологической системы даёт возможность объективно оценить масштабы взаимодействия большинства языков Европы. Такое сопоставление убедительно показывает, что вопреки расхожему представлению о концентрированно национальной маркированности идиоматики она – как это ни парадоксально – является более интернациональной, чем лексика. Этот факт, однако, не лежит на поверхности, потому что большинство идиом европейских языков «переодеты» в собственные языковые одежды. В заимствованной лексике чаще всего источник заимствования оставляет чёткие фонетические, словообразовательные, морфологические и т. д. языковые следы – ср. рус. *слесарь*, укр. *слюсар*, бел. *слесар*, болг. *шлосер*, пол. *ślusarz* и др., во всём формальном многообразии отразившие форму нем. *Schlosser*. Для фразеологии же такой «прямолинейный» путь заимствования нетипичен. Даже в тех языках, где буйствовал языковой пуризм и велась решительная борьба с германизмами, немецкая идиоматика активно усваивалась и надёжно сохранялась языковой памятью. В чешском языке, например, именно языковой пуризм привёл не только к мощной германизации фразеологической системы, но и к образованию дублетов, т. е. функционированию как полных калек с немецкого, так и полукалек, напр.: *mám smůlu – mám pecha* ‘мне не везёт’ (с нем. *ich habe Pech*), *mám štěstí – mám kliku* ‘мне везёт’ (с нем. *ich habe Glück*).

Фронтальное сопоставление фразеологических фондов языков Европы, к сожалению, остаётся (говоря по-русски, по-чешски или по-немецки) пока ещё «музыкой будущего» (ср. чеш. *hudba budoucnosti*, нем. *die Musik der Zukunft*). Однако звуки – и довольно громкие – увертюры к этой музыке можно услышать уже сейчас. Ведь полвека интенсивных исследований по европейской фразеологии не потрачены напрасно. Толковые двуязычные и многоязычные фразеологические словари, сотни монографий, десятки тысяч статей обогатили нашу базу данных массой ценного материала. И хотя фронтальное его описание и осмысление ещё впереди, уже сейчас этот материал убедительно свидетельствует о преемственности фразеологического фонда Европы и о готовности многих языков быть как «донорами» идиоматической европеизации, так и её «реципиентами».

Определённый вклад в аргументацию этого положения внесли участники Ленинградского-Санкт-Петербургского фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина, выпустившие в свет более полуста книг по русской и славянской фразеологии, в которых идея «европейскости» нашего фразеологического фонда демонстрируется на конкретном материале не только литературных языков, но и многих диалектов. Особенно показательны здесь, пожалуй, историко-этимологические словари и

библиографические справочники, где такого рода информация является одним из главных искомым (Бирих – Мокиенко – Степанова 1994, Бирих – Мокиенко – Степанова 2005; Ивченко 1998; Stěpanova 1998, Lichtenberg 2001). Вот наугад выхваченные лишь из одного такого справочника (Бирих – Мокиенко – Степанова 2005) фразеологизмы-европеизмы: *брать/ взять на бордаж, доводить до абсурда, как аршин проглотил, мерить на свой аршин, быть под башмаком, много воды утекло, мылить голову кому, ни жив ни мёртв, бросать камешек в чей огород, под колпаком у кого, лёд сломан, встать с левой ноги, смотреть сквозь пальцы, пустить красного петуха, пускать пыль в глаза, семи пядей во лбу, как рукавом тряхнуть, вот где собака зарыта, живой труп, собачий холод, под шефе, отложить в долгий ящик* и многие другие.

За каждой из таких русско-европейских ФЕ стоит и разная хронология, и особое «контактное» пространство, и свой собственный культурологический фон. Все они тем не менее входят в сокровищницу и русской, и европейской фразеологической системы. При этом степень маркированности «европейским прошлым» у ФЕ-европеизмов весьма различна. Одни из них сразу угадываются как не собственно русские по происхождению (*в ажуре, брать на буксир, брать на цугундер*), другие не возбуждают даже подозрения в своей «неисконности» (*бросать камешек в чей огород, быть под башмаком, встать с левой ноги, ни жив ни мертв, мылить голову*), третьи – даже усиленно выдаются лингвистами и популяризаторами науки о языке за «чисто» русские, национально специфические (*мерить на свой аршин, пустить красного петуха, семи пядей во лбу, пускать пыль в глаза, отложить в долгий ящик*). Историкам русского и других европейских языков предстоит ещё ниспровергнуть немало этимологических мифов о чисто национальной специфике таких выражений.

Пути европеизации фразеологического фонда языков Европы различны. Преимущественно, конечно, это древнейшие надёжные каналы культурной связи – Библия, античная и классическая литература, мифология, искусство. Однако нельзя недооценивать и устного взаимодействия в пределах европейского ареала, дающего каждому языку своеобразные фразеологические плоды.

Различить идиоматическое заимствование от заимствования лексического гораздо труднее, ибо устойчивые словосочетания почти всегда приобретают исконно языковое обличье, сразу входя в плоть и кровь русской образной системы. Имея много общего в чисто лингвистическом механизме заимствования идиоматики, каждая современная языковая система, однако, накладывает и свои условия реализации этого процесса.

Общим лингвистическим механизмом идиоматической европеизации является **калькирование**. Суть его давно известна и весьма чётко определяется современными словарями лингвистических терминов. Так, в словаре О. С. Ахмановой *калька* (англ. *translation loan-word, calque*, фр. *calque*, нем. *Übersetzungslehnwort*, исп. *calco*) определяется как «семантическое заимствование, заимствование путём буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи». При этом разграничиваются *лексические кальки* (нем. *Ausdruck* < лат. *ex+pressio*, лат. *anticipatio* < греч. *prylēpsis*... рус. *впечатление* < фр. *impression* и др.); *фразеологические кальки* (рус. *присутствие духа* < фр.

prèsence d'esprit; целиком и полностью < нем. *im Ganzen und Vollen*; *коротко и ясно* < нем. *kurz und bündig*) и синтаксические кальки (англ. syntactic calque) – синтаксическая модель, сложившаяся в данном языке под непосредственным воздействием другого языка (Ахманова 1966, 188). Немецкая терминологическая система более дифференцирована в обозначении калек, причём как в наборе самих наименований этого явления (*Kalkierung, Calque, Lehnprägung*), так и в их интерпретации. Отмечая, что эти три обозначения кальки являются «*zusammenfassende Beziehung für Lehnbedeutung und Lehnbildung*», составители терминологического словаря «*Metzler Lexikon. Sprache*» подчёркивают недостаточную разграниченность этих терминов: «*Letzterer Begriff wird vielfach wiederum als Oberbegriff für Lehnübersetzung, Lehnübertragung und Lehn-schöpfung verwendet... Eine einheitliche Terminologie hat sich bisher nicht etabliert. Lehn-schöpfung – relativ freie semantische Nachbildung eines fremdsprachigen Ausdrucks: dt. Sinnbild < griech. symbolon. Die Lehn-schöpfung ist von der Lehnbedeutung schwer abzugrenzen.... Lehnübersetzung bezieht für die Übersetzung eines fremdsprachigen Ausdrucks in die Nehmersprache, z. B. dt. Lautsprecher < eng. loudspeaker. Lehnübersetzung ist oft schlecht gegen die Lehnübertragung abzugrenzen, bei der ein fremdsprachiger Ausdruck nur «annähernd» in die Nehmersprache übersetzt wird, z. B. dr. Wolkenkratzer < engl. Skyscraper*». Для фразеологической кальки здесь предлагается термин *Lehnwendung* – «*Bezeichnung für fremdsprachige Redewendungen, Zitate oder Geflügelte Worte, die wörtlich in eine Nehmersprache übernommen werden, z. B. frz. l'art pour l'art, ital. la dolce vita; Entlehnung. Teils werden auch Übersetzungen fremdsprachiger Wendungen als Lehnwendung bezeichnet (etwa das süße Leben)*» (Metzler Lexikon. Sprache 2005, 375).

Как видим, специфика фразеологической кальки по сравнению с калькой лексической в терминологических словарях почти не выявляется. Вместе с тем она во многом определяет как пути проникновения фразеологических заимствований из одного языка в другой, так и их функционирование в принимающей языковой системе. Во многом эта специфика определяется категориальными свойствами фразеологизма как особой языковой единицы – раздельнооформленностью, относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, семантической целостностью и экспрессивностью (Мокиенко 1989, 5). Раздельнооформленность делает фразеологическое калькирование равноположенным синтаксическому, что отражается на структуре соответствующей идиоматики. Относительная устойчивость и воспроизводимость заставляет любую фразеологическую кальку восприниматься в языке-реципиенте как автоматизированное словосочетание (несмотря на оживляемую новыми языковыми средствами образность). Семантическая целостность обеспечивает репродукцию кальки в том фразеологическом значении, в котором она употребляется в языке-источнике. Наконец, экспрессивность накладывает мощный отпечаток на идеографическую избирательность фразеологических калек по сравнению с кальками лексическими: если большинство калькируемых лексем относятся к сфере номинации (отсюда их тяготение к различным терминологическим или полутерминологическим блокам наименований), то кальки фразеологические в основном «зациклены» на

коннотативной номинации, характеризующей и оценивающей в основном антропогенные семантические зоны. Последнее свойство чрезвычайно важно уже потому, что идеографическая карта фразеологических калек является универсальной, что во многом облегчает их быструю адаптацию в новой языковой среде. Если для большинства лексических калек буквальный перевод внутренней формы привносит в принимающую языковую систему обозначение нового (или обновляемого) понятия, то фразеологическая калька как правило перезаряжает образность и экспрессивность уже известных в языке-преемнике обозначений – «Безделья», «Пьянства», «Глупости», «Множества» и т. п.

Отмеченное различие лексических и фразеологических калек наглядно обнаруживается на своеобразном лексико-фразеологическом «гибриде» – так называемых **полукальках**, где один компонент являет собой прямое лексическое заимствование, а другой – буквальный перевод с языка-источника. Их в европейских языках относительно немного, вероятно, потому, что они тяготеют (во всяком случае по внутренней форме), подобно лексическим калькам, к терминологической, а не коннотативной сфере номинации. Таковы, напр., русские выражения *пить на брудершафт* ‘подносить к губам бокалы с алкогольным напитком, скрестив свою руку с рукой другого человека таким образом, чтобы образовались как бы соединенные кольца, – шуточный акт установления дружеских отношений с переходом на «ты»’ – полукалька с нем. *Brüderschaft trinken*, где *Brüderschaft* ‘братские отношения, братство’; *на цугундер [притянуть]* (устар.) ‘подвергнуть наказанию, расправе’, которое связывают либо с нем. армейским *zu hundert* – ‘«к сотне» (ударов)’, являвшемся приказом о наказании провинившегося, либо с нем. *zu Hunden* (букв. «к собакам»), идиш (евр.-нем.) *a Hund, a Hund dyr* в бранном значении ‘сукин сын’; *брать / взять на абордаж кого, что* ‘действовать решительно, напористо по отношению к кому-, чему-л.’ – полукалька с фр. *prendre à l’abordage* ‘приставать к кому-л., подступать вплотную’ (первоначально – ‘подойти к борту корабля вплотную и сцепиться с другим кораблем для боя’, поддержанная голландским морским термином *attacqueeren en abordeeren*, заимствованным в Петровское время; *делать / сделать хорошую партию* ‘удачно жениться, выйти замуж’ – полукалька с фр. *faire un bon partie* либо с нем. *eine gute (vorteilhafte) Partie machen*.

Осознание структурной, функциональной и семантической специфичности фразеологических калек по сравнению с лексическими позволяет, как кажется, более уверенно идентифицировать их в европейских языках, определять наиболее интенсивные идеографические зоны их употребления, а также с большей долей вероятности идентифицировать их источник. Разумеется, такие задачи имеют преимущественно диахроническую направленность и потому их решение зависит в первую очередь от надёжности историко-этимологического анализа фразеологии конкретного языка.

Попробуем продемонстрировать на конкретных примерах возможности таких лингвистических решений, опирающихся на наш опыт историко-этимологического словаря «Русская фразеология», выдержавшего 3 издания (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 2001, 2005). В силу лимита места многие детали этимологического анализа и отсылки на авторов конкретных

исторических расшифровок ФЕ опускаются – заинтересованный читатель легко найдёт их как в корпусе словаря, так и в обширной библиографии к нему.

Каждый период развития литературных языков Европы устанавливает свои приоритеты фразеологического калькирования. И каждый из них становится определённой языковой доминантой европеизации и интернационализации. Основным «иррадиатором» фразеологических калек в современных языках является, в отличие от XVIII, XIX и XX в., не язык художественной литературы, а язык средств массовой информации. Оперативность современных информационных систем в мире, многократно активированная интернетом, вводит в орбиту европейских языков массу новых ФЕ с молниеносной быстротой. Известно, что на авансцену этого процесса выходят лексические и фразеологические кальки с английского (Англицизмы 2004). Выходят, несмотря на то, что в некоторых странах (напр., во Франции) время от времени объявляется борьба против англицизмов.

Славянские языки, в том числе и русский, также сейчас интенсивно вовлечены в процесс интернационализации через каналы английской (resp. американской) идиоматики. Показательно, что многие из них имеют именно «масс-медиаальную» направленность, тяготея к экспрессивной характеристике отсутствующих прежде явлений.

Не случайно многие из современных фразеологических калек с английского маркированы публицистическим стилем: *мыльная опера* (ирон.) – ‘название сериалов из цикла «семейной мелодрамы»; слащавая житейская история’ – англ. *soap opera* (ср. нем. *Seifenoper*); *мозговой трест (центр)* ‘группа интеллектуалов, генерирующих какие-л. новаторские идеи, проекты’, ‘источник идей, проектов’ – англ. *brain’s trust*; *утечка мозгов (умов)* ‘уход из учреждений, предприятий, а также эмиграция из страны способных специалистов, видных учёных’ – англ. *brain drain*; *политика большой дубинки* ‘политика грубой силы’ – англ. *big stick policy*; *политика дальнего прицела* ‘о методах руководства с помощью угроз’ – англ. *powers politics*; *белая смерть* ‘о соли, сахаре’ – англ. *white death*; *чёрный ящик* ‘явление, не поддающееся наблюдению; какой-л. объект, внутреннее устройство которого неизвестно’, ‘о чём-л. непонятном, неизученном, загадочном’ – англ. *black box*; *бархатная революция* ‘о мирных и бескровных изменениях политического строя, о постепенных и спокойных изменениях в важных для жизни общества делах’ – англ. *velvet revolution* и мн. др.

Разумеется, каждое из названных выражений имеет свою историю и нередко маркировано собственными национальными коннотациями (такую информацию читатель также найдёт в нашем историко-этимологическом словаре русской фразеологии). Так, чеш. *sametová revoluce* является калькой с английского *velvet revolution*, ставшим обозначением мирного перехода власти от коммунистического руководства к демократически избранным органам после демонстраций 17 ноября 1989 г. в Праге. В Чехии авторство выражения нередко приписывается бывшему президенту В. Гавелу, оно породило синонимы *plyšová revoluce* (букв. «плюшевая революция»), *něžná revoluce* («нежная революция»), причём введение последнего в обиход также

связывается с именем В. Гавела. Ср. также серб. *плишане револуције* ‘о студенческих демонстрациях в Белграде (март 1991 г.)’, *јогурт-револуција* ‘о демонстрациях против автономных властей в Новом Саде, когда политиков забрасывали пакетами с йогуртом’, латыш. «*песенная революция*», укр. *померанчова революція* и др.

Показательно, что тяготение именно к публицистическому дискурсу подчёркивают фразеологические англицизмы, прямо относящиеся к сфере масс-медиа: *средства массовой информации* ‘печать, радио, телевидение как инструмент воздействия на массовое сознание’ – англ. *mass media* (ср. нем. *Massenmedien* и др.); *жёлтая пресса (печать)* ‘о низкопробной, лживой, падкой на дешёвые сенсации печати’ – англ. *yellow press*. Время их проникновения в европейские языки, конечно же, различно, но сам факт публицистической маркированности показателен.

Собственно, фразеологические кальки с английского уже давно обогащали европейские языки. Широкое распространение, например, получили такие обороты, как *держать порох сухим* ‘быть бдительным, всегда готовым к защите, обороне’ – англ. *keep your powder dry*; *руки прочь от кого, чего!* ‘требование невмешательства в чьи-л. дела, сохранения неприкосновенности чего-л.’ – англ. *hands off!*; *песок сыплется из кого* ‘об очень старом, дряхлом человеке (обычно мужчине)’ – англ. *the sands are running out*; *человек с улицы* ‘неизвестный человек, человек без рекомендаций’ – англ. *a man in the street*; *стирать публично грязное бельё* ‘говорить открыто, во всеуслышание о своих семейных или личных неурядицах’ – англ. *to wash up one's dirty linen in public* (ср. фр. *laver son linge sale en famille*, нем. *seine schmutzige Wäsche waschen* и др.); *честная игра* ‘поведение, выдержанное в рамках нравственных правил, без лжи и предательства (в совместных делах, при соблюдении уговоров и т. п.)’ – англ. *fair play*; *вариться в собственном соку* ‘работать, решать проблемы без учёта опыта других, не выходя за рамки своего коллектива, своего учреждения и т. п.’ – англ. *to stew in one's own juice*; *быть на ковре* ‘о человеке, получающем выговор, разнос от вышестоящего’ – англ. *to be on the carpet*, *вызывать / вызвать на ковр кого* ‘вызывать кого-л. в кабинет начальника для выговора, разноса’ – англ. *to call on the carpet*; *вести себя как слон в посудной лавке* ‘быть очень неуклюжим; вести себя неосторожно, нетактично’ – англ. *like a bull in a china shop* (ср. *se conduire comme un éléphant dans un magasin de porcelaine*, нем. *wie ein Elefant im Porzellanladen* и др.). История этого ряда фразеологических калек имеет более глубинную хронологическую проекцию и поэтому более сложна, чем история новейших англицизмов, обычно лежащая на поверхности. Так, последний оборот – о слоне (или быке) в посудной лавке стал предметом отдельной монографии (Trokhimenko 1999).

XVIII–XIX века стали для многих европейских литературных языков «золотым веком» идиоматики, поскольку на смену архаичных сакральных и актовых книжных стандартов, запрограммированных греческими, латинскими и старославянскими образцами, в эти языки бурно ворвалась живая народная речь и мощные потоки заимствований из других языков. Для славянских языков этого времени характерны две доминанты фразеологического калькирования – германизмы и галлицизмы. В России, например, европеизация Петровского

времени стала толчком к калькированию многих немецких и голландских идиом, а во второй половине XVIII-го – начале XIX-го – французских (Bierich 2005). Задача исследователей – по мере возможности дифференцировать эти две доминанты, ориентируясь на конкретные языковые источники (вплоть до авторства отдельных текстов) и хронологическую маркировку калькирования.

Обильный материал для обобщений и относительной статистики даёт анализ такой идиоматики в «Историко-этимологическом словаре» русской фразеологии. Приведём примеры фразеологических калек с немецкого: *играть первую скрипку* ‘быть главным в каком-л. деле’ – нем. *die erste Geige spielen*; *смотреть сквозь пальцы на кого, что* ‘сознательно не замечать чего-л. предосудительного, недозволенного’ – нем. *durch die Finger sehen*; *задавать / задать перцу кому* ‘ругать, наказывать кого-л.’ – нем. *Pfeffer geben j-m*; *яблоку негде упасть где* ‘оченьлюдно, тесно, много народу где-л.’ – нем. *es konnte kein Apfel zur Erde fallen*; *из рук в руки* ‘непосредственно от одного к другому (передать и т. п.)’ – нем. *aus einer Hand in die andere (gehen), aus einer Hand in die andere (reichen)*; *обводить / обвести вокруг пальца кого* ‘ловко обмануть, перехитрить кого-л.’ – нем. *um den [kleinen] Finger wickeln können*; *знать кого как пёструю (рябую) собаку* (устар.) ‘о ком-л. широко известном, всем знакомом’ – нем. *j-d ist bekannt wie ein bunter Hund*; *политика свободных рук* ‘о политике без соглашений, стесняющих свободу действий’ – нем. *die Politik der freien Hand* и мн. др. Многие из таких калек в славянских языках становятся своеобразными «окаменелостями», сохраняющими исходную форму и значение потерявших ныне актуальность немецких фразеологизмов. Таково, напр., выражение *откладывать / отложить (положить) в долгий ящик* ‘оттягивать исполнение какого-л. дела на неопределённое время’, которое в Петровское время стало калькой с нем. *etwas in die lange Truhe legen*. В современном немецком языке этот оборот устарел и употребляется лишь в варианте *auf die lange Bank schieben*.

Некоторые фразеологические кальки-германизмы проникают в другие языки, пройдя в немецкой речи весьма интенсивную языковую «фильтрацию». Таков, напр., оборот *древнейшая профессия* из нем. *das älteste Gewerbe der Welt* как обозначение проституции, известный и в живых и шуточных вариантах – *horizontales Gewerbe, liegendes Gewerbe, Gunstgewerbe, Kunstgewerbe*. Они, в свою очередь, вероятно, – кальки с англ. *the oldest profession*. Столь же интенсивна и «обкатка» выражения *ночная бабочка* ‘проститутка’ (ср. чеш. *noční motýl*, пол. *ćma nocna* и др.) – калька с нем. *Nachtschwärmer*, входящего в целый ряд обозначений проститутки с эпитетом «ночная»: *Nachtfalter, Mitternachtsmotte, Nachtschwalbe, Nachtschattengewächs, Mitternachtsdame, Mitternachtsfee, Mitternachtswalküre* и др. (Вальтер – Мокиенко 2002).

Проблема идентификации некоторых оборотов как калек с немецкого нередко прямо зависима от их конкретной этимологической интерпретации. Так, *газетная утка* ‘лживое известие, напечатанное в газетах’ имеет свыше 10 разных расшифровок. Признание одного из толкований значения оборота – от нем. *Ente* ‘утка’ как латинской аббревиатуры *NT – non testatur* ‘не засвидетельствовано’, которая по-немецки читается как «en-te», т. е. как *Ente*, – вводит рус. *газетная утка* в ряд фразеологических германизмов.

Не меньшее число фразеологических европеизмов является кальками с французского, напр.: *жечь свечу с обоих концов* ‘пытаться добиться наибольшей выгоды’ – фр. *brûler la chandelle par les deux bouts*; *после ужина горчица* ‘о чём-л., полученном с опозданием, когда в этом отпала надобность’ – фр. *après le dîner la moutarde*; *бросать / бросить тень на кого, что* ‘порочить кого-л., вызывать сомнение в чьей-л. добропорядочности; очернять кого-, что-л.’ – фр. *jeter une ombre sur qn, qch.*; *быть под башмаком у кого* ‘находиться в полном подчинении у кого-л.’ – фр. *être sous la pantoufle*; *заморить червячка* ‘немного утолить голод’ – фр. *tuer le ver* ‘выпить натошак рюмку спиртного’; *вставлять / вставить палки в колёса кому, чему* ‘намеренно мешать в каком-л. деле’ – фр. *mettre des batons dans les roues*; *уходить / уйти по-английски* ‘уходить не прощаясь, незаметно, без предупреждения’ – фр. *partir à l'anglaise*; *прекрасный пол* ‘о женщинах’ – фр. *le beau sexe*; *с птичьего полёта; с высоты птичьего полёта* ‘с большой высоты, сверху (видеть, обозревать что-л., любоваться чем-л.)’ – фр. *à vol d'oiseau*; *мёртвый сезон* ‘время затишья в курортных местах (в осенне-зимний период); период застоя в какой-л. деятельности’ – фр. *morte saison* (ср. нем. *tote Saison* и англ. *the dead season*; *оборотная сторона медали* ‘противоположная, всегда отрицательная, теневая сторона чего-л.’ – фр. *le revers de médaille*; *язык хорошо подвешен у кого* ‘кто-л. обладает красноречием, умеет спорить, гладко говорить’ – фр. *avoir la langue bien pendue*; *искра Божия у кого* ‘о чьей-л. врождённой одарённости, проблеске таланта’ – фр. *feu sacré*; *знать как свой карман что* ‘очень хорошо знать что-л.’ – фр. *connaître qch., qn. comme sa poche* (ср. нем. *etw. wie seine (eigene) Tasche kennen, etw., jdn. wie seine Westentasche kennen* или *etw., jdn. wie seine Hosentasche kennen*; *лёд сломан (разбит, тронулся); сломать лёд* ‘об исчезновении враждебности, холодности в отношениях; о начале примирения’, ‘о решительном, резком начале чего-л. важного, значительного; о переломном моменте чего-л.’ – фр. *la glace est rompue* (ср. англ. *to break the ice*, итал. *rompere il ghiaccio* и др.); *быть не в своей тарелке* ‘быть в плохом, подавленном настроении’, ‘чувствовать себя скованно, неуверенно, не на месте’ – фр. *ne pas être dans son assiette* (где *assiette* – от глагола *asseoir* «сидеть» и буквально значит «посадка»).

Структурно-семантический параллелизм европейской фразеологии часто делает точную идентификацию направления калькирования и квалификации исходного языка заимствования весьма сложным. Так, лингвисты колеблются между диагностикой тех или иных выражений как германизмов или галлицизмов, напр.: *положа руку на сердце* ‘откровенно, искренне’ – нем. *Hand aufs Herz* или фр. *la main sur son coeur*; *отдавать / отдать честь* ‘приветствовать, приложив руку к головному убору’, ‘оказывать должное внимание кому-л.’ – нем. *Ehre erweisen* или гол. *eer bewijzen* или фр. *donner (accorder) honneur*; *между (меж) двух огней* ‘в положении, когда опасность грозит с двух сторон’ – нем. *zwischen zwei Feuer kommen (geraten)* или фр. *être entre deux feux*; *жить на широкую (большую) ногу (на большой ноге)* ‘жить богато, широко, не считаясь с затратами’ – нем. *auf grossem Fuss leben* или фр. *vivre sur un grand pied [dans le monde]*; *être sur un grand pied*; *мёртвая точка* ‘неподвижное, бездействующее состояние’ – фр. *point mort* и нем. *ein Toter*

Punkt; бросать / бросить камешек (камешки) в чей огород ‘делать в чей-л. адрес осуждающие или иронические намеки’ – фр. *jeter des pierres dans le jardin de qn.* и *Steine in den Garten werfen*; [быть] вне себя ‘в крайне раздраженном или возбужденном состоянии’ – нем. *aüßer sich sein* или с фр. *être hors de soi*; до последней капли крови ‘до последней возможности, жертвуя всем, самоотверженно и не боясь смерти’ – нем. *bis zum letzten Blutstropfen (kämpfen)* или фр. *jusqu’a la derniere goutte de sang*; взять быка за рога ‘начать сразу с самого основного, главного’ – фр. *prendre le taureau par les cornes* или нем. *den Stier (Bock) bei den Hörnern packen (fassen)*; с первого взгляда ‘сразу, успев только посмотреть, взглянуть’ – фр. *au premier aspect* или нем. *auf den ersten Blick*; убивать / убить время ‘проводить время, отвлекаясь чем-л. от скуки, тратить время бесполезно и бесцельно’ – фр. *tuer le temps* или нем. *die Zeit totschaften* и мн. др.

Определение исходного источника калькирования осложняется ещё несколькими факторами. Во-первых, многие фразеологические европеизмы уходят корнями в более древние языковые и культурологические глубины – прежде всего в античную литературу, мифологию и Библию.

Античное происхождение, напр., имеют обороты *ворона в павлиньих перьях* (фр. *le geai paré de plumes du paon*, нем. *j-d schmückt sich mit fremden Federn*, лат. *alienis se coloribus adornate*); *львиная доля чего-* (фр. *la part du lion*, англ. *the lion’s share*, нем. *Löweanteil*, ит. *la parte del leone* и др.); *страусова тактика (политика)* (нем. *Straußenpolitik*, англ. *an ostrich policy*, фр. *une politique d’austruche* и др.); *от всего сердца* (фр. *de tout mon cœur*, нем. *von ganzem Herzen*, фр. *de grand cœur (faire quelque chose)*, лат. *magno corde aliquid facere* и др.); *как с неба упал (свалился)* (фр. *tomber des nuages*, лат. *quasi (sicut, ut) de caelo delapsus, de caelo decidit* и др.); *строить воздушные замки* (фр. *faire (bâtir) des châteaux en Espagne*, ст.-фр. *lors ferat chatians en Espagne*, ит. *fare castelli in aria*, англ. *castles in the air*, нем. *Schlösser in die Luft (Luftschlösser) bauen*; датск. *at bygge slotte i luften*, гол. *luchtskastelen bouwen*, пол. *budować zamki na lodzie*, лат. *in aere piscari* «ловить рыбу в воздухе», *arare aequor, in aere aedificare (substracto fundamento)* и др.

Священное Писание стало источником большого числа фразеологических библеизмов, имеющих в разных языках немало вариантов. «Большой словарь русских библеизмов» (Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2008), например, насчитывает около 3 000 слов и оборотов, восходящих к Библии. Как показывает специальный анализ, немало из них пришли в современный русский литературный язык не из канонического синодального текста русской Библии, но – посредством калькирования из других европейских языков. Отсюда, собственно говоря, проистекает параллелизм многих фразеологических библеизмов в языках Европы. Ср. типичные примеры такого рода: *разрушать / разрушить до основания* ‘полностью уничтожить’ – фр. *ruiner du fond au comble*, нем. *bis auf den Grund zerstören* и др.; *пальцем не пошевелить (не двинуть)* ‘не сделать ни малейшего усилия (для чего-л.)’ – фр. *ne pas bouger le petit doigt*, нем. *keinen Finger rühren nach etw.*, лит. *nė pirštų nepajudinti (nepa-krutinti, nepridėti), nė pirštų nesukeisti*, латыш. *ne pirksta nepakustināt*, лат. *manum non vertere, ne digitum quidem ejus causa porrigendum* и т. п.

Во-вторых, ещё более усложняет задачу точной идентификации источника фразеологического калькирования в конкретном языке проблема разграничения генетического и типологического (Мокиенко 1982). Хотя нередко в историко-этимологических справочниках то или иное выражение трактуется как калька (resp. исконно национальный оборот), специальный лингвистический анализ приводит к выводу об их более широких межъязыковых проекциях и типологической, а не генетической близости. Таковы, напр., фразеологизмы *птичье молоко* (нем. *Vogelmilch* и др.) (Gerhardt 1975), рус. *через пень колоду* и нем. *über Stock und Stein* (Janda 1999), укр. *дати гарбуза*, болг. *дадоха нь тиква въ рѣка* – исп. *dar una calabaza* и др. (Mokienko 2002, 249–252).

Германисты, слависты и романисты обычно недооценивают потенциальную возможность подобных типологических схождений и склонны предельно конкретизировать их источник. Так, оборот *покупать / купить коша в мешке* ‘приобретать что-л., не зная заранее ничего о качестве, достоинствах приобретаемого’, известное как в славянских, так и в неславянских языках (напр., фр. *acheter chat en sac (poche); acheter chat en poche de gibeciere pour le liuvre*; нем. *die Katze im Sack kaufen*; итал. *comprare la gatta nel sacco*; лат. *emere catullum in sacco* и др.) имеет весьма противоречивые интерпретации. Оно связывается со средневековым анекдотом о том, как мошенники старались продать коша в мешке вместо зайца или кролика. Его излагают, в частности, в рассказах о Тиле Уленшпигеле (XIV в.), который продал скорняку кошку, зашитую в заячий мешок. Ср. исл. *kaupa köttin í sekknum*. Латинская параллель, однако, свидетельствует о древности этого фольклорного сюжета, а диалектные записи (напр., в белорусском) – о самостоятельном происхождении идиомы во многих языках. В европейских языках фразеологизм зафиксирован издревле – напр., в англ. 1300, в нем. 1515, фр. XVI в., пол. 1570–1571 и др., во многих из них «кот» варьируется «зайцем» (нем.) или «свиньёй» (алб., англ., эст., финск., шотл.-гэльск., греч., ирл., лит., ливонск., латыш., норв., швед., уэльск.). Известность выражения в таких разных по происхождению языках, как славянские, большинстве индоевропейских (алб., датск., англ., фр., нем., фризск., исп., ит., португальск., греч., армянск. и др.) и неиндоевропейских (финск., эстонск., венг., вепск., удмуртск., китайск. и др.), позволяет считать его универсальным. Ср. также такие параллели, как греч. «продавать рыбу на морском берегу» и турецк. «Рыба в море не продаётся на рынке» и др. (Paczolay 1997, 342–345). Этот обильный языковой материал свидетельствует о типологической природе сюжета нашего фразеологизма и является предупреждением против его скороспелой квалификации как кальки.

Вопрос глобализации и национализации различных языков – обще-европейская политическая и культурологическая проблема. Фразеология как часть языковой системы реагирует чрезвычайно эффективно на процессы интеграции и национализации в Европе и даёт значимый языковой материал для анализа этой важной оппозиции. В исторической перспективе фразеологический фонд многих европейских языков, в том числе и русского, обрёл большое количество калек, прежде всего из античного наследия, из Библии и из классической литературы.

В любом языке можно обнаружить мощные потоки заимствований из конкретных культурологически маркированных регионов. Так, для чешского и хорватского характерны германизмы, для русского – германизмы и галлицизмы, русизмы и полонизмы – для белорусского и украинского и т. д. Многие заимствованные фразеологизмы играют интегрирующую роль, влияя при этом не только на лексику и синтаксис, но и на фонетику и морфологию. В то же время в европейских фразеологических системах различных периодов проявляется в различной степени и противоположная тенденция – определённая фразеологическая национализация, отталкивание от всего, что внешне выглядит «чужим» и вызывает подозрение в заимствовании. Отсюда – появление специфически народных выражений, стремление культивировать в национальном языке диалектные компоненты и культурологически маркированные элементы. При всех стремлениях отказаться от процессов языковой интеграции или избежать их, именно во фразеологии такие попытки являются наименее эффективными, поскольку калькирование во многих случаях «маскирует» иноязычный источник и нередко даже делает его национально маркированным. Учёт специфики фразеологического калькирования может значительно расширить круг интернациональной идиоматики в каждом современном языке и тем самым оценить фразеологию как мощный канал языкового объединения Европы.

Харри Вальтер, Грайфсвальд, Германия
walter@uni-greifswald.de

Омлет, сыр в мышеловке и кони на переправе: исконное и заимствованное в русской и немецкой паремиологии

Динамические процессы послевоенного периода оставили глубокий след в языках Европы, в том числе и в русском, и немецком. Интенсивность и экстенсивность распространения фразеологических инноваций и специфика фразеологии как особого языкового уровня, отличающегося антропоцентричностью и особой квотой экспрессивности, требует их основательного лингвистического исследования. Возникает вопрос: что является в неологизмах собственно новым и что они унаследовали, несколько модифицировав, из предыдущего.

Проблема лингвистического изучения европейской паремиологии лишь недавно начинает завоёвывать место в общем контексте сопоставительного межъязыкового анализа. Это и понятно: до недавнего времени пословицы и поговорки являлись традиционным объектом исследований фольклористов и этнографов, что было вполне оправдано как жанровой спецификой паремий, так и их культурологической функцией. В качестве фольклористической единицы их и лингвисты справедливо рассматривают, с одной стороны, как одно из народных литературных произведений «малого жанра», с другой – как один из языковых элементов с ярко выраженной кумулятивной культуроло-

гической функцией (Мокиенко 2017, 10 сл.). Лингвистическое исследование пословиц в основном ведётся сейчас в синхронных аспектах: семантическом, функциональном и структурном (Walter 2013, 14–16). Диахронический же аспект исследования паремиологии, традиционно вызывавший постоянный интерес у фольклористов и этнографов XIX века, до сих пор у лингвистов так и остаётся вне поля зрения. Во многих сборниках пословиц – в том числе и русских, которые интенсивно сейчас издаются, историко-этимологические, культурологические и сопоставительные справки либо вовсе отсутствуют, либо воспроизводят интерпретацию классиков паремиологии XIX века. Характерно, например, что фундаментальное собрание М.И. Михельсона (Михельсон 1902-1903) многими современными популяризаторами используется некорректно, на что уже обращал внимание В.М. Мокиенко (Mokienko 2018, 53; 156–158). Нередко из нескольких интерпретаций, предлагавшихся им, каждый популяризатор без аргументации выбирает лишь одну, столь же произвольно оперируя и его богатым европейским сопоставительным материалом (немецким, французским, итальянским, латинским и древнегреческим). В русистике большинство описаний паремиологии обходится лишь собственно русским материалом, без сопоставления с другими языками.

Одна из кардинальных проблем лингвистического исследования пословиц в диахроническом ракурсе – разграничение *национального* и *интернационального*. Проблема эта стара как паремиологический мир и до сих пор осложняется многими моментами. Издавна паремиология рассматривалась как диалектически противоположная фольклорная и языковая данность: и как ярко национальная, самобытная, отражающая специфику культуры соответствующего народа, и – а *contra* – как проводник интернационального, как некий общечеловеческий ментальный и образный языковой код, позволяющий разным народам передавать друг другу универсальные морально-эстетические ценности.

Продемонстрируем проблему на примере паремий, имеющих неоднозначную и любопытную историю.

Первый пример: **Man wechselt die Pferde nicht mitten im Strom (Fluss)**. Значение пословицы полностью совпадает в немецком и русском языках: *Неразумно или даже опасно менять членов преуспевающей команды или коллектива, пока поставленная цель не достигнута* (букв.: Нехорошо менять лошадей в середине многоводной реки); **Коней на переправе не меняют**.

Пословица в немецком и русском языках – современная калька с английского, где она считается крылатым выражением. Она интернациональна, а где этимон? Афоризм воспринимается американцами как фраза Абрахама Линкольна, сказанная им 9 июня 1864 г. во время предвыборной борьбы на должность президента США. В самой цитате, однако, А. Линкольн сам говорит, что эта фраза – пословица, которую употребил один голландский фермер в форме: *It is not best to swap horses while crossing the river*. („Es ist nicht das Beste, die Pferde zu wechseln, solange man den Fluss überquert.“ – «Не лучшее решение менять лошадей во время перехода реки»). (Duden Bd. 12, 291; DZR 2007, 229-230; ср. Ewart 1983, 37). Известный специалист по исследованию пословиц и фольклора В. Мидер сообщил, что ему известны и более ранние фиксации

пословицы – 1840 и 1846 гг., что свидетельствует о том, что А. Линкольн не был автором афоризма, а лишь цитировал народную поговорку.

Популярная крылатая фраза американского президента активно калькируется во многих современных языках, обогатив их именно благодаря своей прозрачной и яркой образности. Достаточно быстро она приобрела в английской речи форму фразеологизма и была включена во фразеологические словари – напр., в словарь А.В. Кунина: *to change horses in the midstream; change (swap, swop) horses while crossing a stream* (АРФС, 397).

"Man wechselt die Pferde nicht im Strom", heißt es. (Der Tagesspiegel, 20.06.1999) „Hat Sie der Wechsel an der Spitze des BND überrascht? Sensburg: Der konkrete Tag ja, aber nicht der Vorgang an sich. Gerhard Schindler ist jetzt 63 Jahre alt und stand unmittelbar vor dem Ausscheiden. Der Wechsel wäre dann genau in den Reformprozess gefallen. **Man wechselt die Pferde nicht im Rennen**“ (Karsten Menzel. Der Westen. 26.4.2016) # **Never change a winning team!**

Как в немецком, так и в русском языках и поговорка, и фразеологизм вошли в активное употребление лишь в конце 20 века: одна из первых фиксаций в русском языке, например, – начало 80-х гг. О яркой образности и употребительности фразы свидетельствует её активное трансформирование, напр.: *Меняют ли коней на переправе? Дареному коню на переправе зубы не меняют. На переправе женщин легкого поведения не меняют. На переправе меняют коней... ежегодно* (Вальтер – Мокиенко 2010, 224).

Характерно, что и выражение, и поговорка в публицистических употреблениях сохраняют «дискурсную» политическую семантику, обозначающую нежелание менять властные структуры в трудных ситуациях. В то же время в публицистике она часто употребляется в текстах, относящихся к спортивной сфере – напр., когда речь идёт о нецелесообразности смены тренера футбольной, хоккейной команды и т.п., пока они успешно делают своё дело. Тем самым известный американизм в немецком и в русском языках претерпевает одинаковую семантическую эволюцию.

Другой путь заимствования прошла поговорка **Wenn man [ein] Omelette backen (machen) will, muss man Eier zerschlagen (zerbrechen)**. – *В большом деле не бывает без ошибок, издержек, жертв. Говорится в оправдание неизбежных мелких, с точки зрения говорящего, потерь, которые не затрагивают существа дела, не снижают его положительного значения.* рус. **Если хочешь (Кто хочет) приготовить омлет, то должен разбить яйца.**

Некоторые источники возводят поговорку к словам первого немецкого канцлера Аденауэра, убежденного в значимости европейских дел¹. Однако она намного старше. Во-первых, Оксфордский словарь поговорок (OLWP 1998, 191) фиксирует *You cannot make an omlette without breakind eggs* уже в 1859 г., во-вторых, немецкий словарь крылатых слов Г. Бюхманна возводит её к словам

¹ <http://www.rulit.me/books/konrad-adenauer-nemec-chetyreh-epoh-read-239625-37.html>. 18.9.2018.

петербургского генерал-губернатора Петра Людвиг фон Палена (Peter Ludwig von Pahlen, 1746–1826), которые он произнёс 23 марта 1801 во время бунта против царя Павла, который на вопрос «А что, если он сопротивляется?» (Aber wenn er sich sträubt?) ответил вышеназванной фразой (Büchmann 2007, 465). Судя по этим фактам, в немецком языке пословицу можно было бы как будто считать калькой с русского. Однако, во-первых, ни один из русских больших словарей крылатых слов или пословиц её не фиксирует; во-вторых, в большинстве немецких источников она отсутствует, и, наконец, её не отмечает даже такой источник, как собрание М.И. Михельсона, в котором последовательно отражены русские крылатые выражения и пословицы XIX – начала XX-го века. Пословица зафиксирована лишь в русских паремиологических словарях конца XX-го века, причём в варианте, где заимствованное слово *омлет* заменяется русским *яичница* (*яешня*): *Не разбивши яйца, яичницы не сделаешь*. (Спир. 1985, 16); *Не разбивши яиц, не сделаешь яичницы (яичницу)* (Ан. 1988, 223; Соколова 2009, 561). Всё это свидетельствует в пользу неисконного происхождения пословицы как в русском, так и в немецком языках. О статусе неологизма (в понимании В. Мидера 2012, IX), пожалуй, свидетельствует и её употребление в русской и немецкой печати и в интернете. Так, в современном немецком интернете она «обосновалась» довольно прочно:

Selbst die New York Times, die Stalins Völkermord in der Ukraine mit den Worten gerechtfertigt hat, um **ein Omelett zu machen, müsse man ein paar Eier zerschlagen**, fand The Untold History zu stalinfreundlich und warf Stone unnuancierte und selbstgerechte Übertreibung vor. (Die Zeit, 13.11.2012) Er sprach nämlich (anstatt von **zerschlagenem** Porzellan ...) von den **Eiern**, die „in die Pfanne gehauen“ werden müßten, wenn **man „ein Omelette machen“** wolle, und er schloß – offensichtlich bar jeden Gefühls für das Deplacierte seiner aus dem Küchenmilieu stammenden Vergleiche – in perfektem Französisch mit dem Zitat: „tant de bruit pour une Omelette!“ (Die Zeit, 29.07.1954) **Man kann keine Eierkuchen machen, ohne Eier zu zerschlagen**. (St. Galler Volksblatt. Nr. 4, Uznach, 14. 01. 1891) Im "Laatse Nieuws" und im "Morgen" wird die Vermutung angestellt, dass die Publikation der Namensliste ein politisches Ziel habe ... Sie weisen auch auf die "sehr dubiose Reputation" des "Kollegen" Jean Nicolas hin, die dieser in Journalistenkreisen hat. Nicolas, dessen Blatt der Yellow Press zugeordnet wird, gilt als unseriös und als Sprücheklopfer. Er brüstet sich mit Sätzen wie: "**Wenn man sich ein Omelett machen will, dann muss man eben Eier zerschlagen.**" Die Publikation der umstrittenen Namenliste verteidigte er mit dem Satz: "Ach, vielleicht stimmen einige Namen nicht, was soll's, das ist immer noch besser, als dass wieder ein Kind ermordet wird."²

Языковые факты позволяют предполагать, что и в русском, и в немецком языках пословица является калькой с французского. Ведь здесь она употреблялась в литературном языке уже в XVIII веке, а позднее активно

² <https://www.welt.de/print-welt/article527613/Kinderschaender-Liste-in-Zeitschrift-gestoppt.html>. 18.9.2018.

использовалась такими классиками, как Оноре де Бальзак и другими. В пользу такого предположения говорит и само слово *омлет*, которое заимствовано именно из французского, причем в русском языке довольно поздно (фиксация с 1907 г. – Черных 1, 598). Показательно также, что во французском языке поговорка развивает широкую вариантность, что обычно свидетельствует об исконности: *Quand on veut faire des omlettes, il faut casser des œufs; On ne fait pas d'omelette sans casser d'œufs! On fait pas d'omelette sans casser des colonnes; Pour faire une omelette, il faut casser quelques œufs; On ne peut pas faire une omelette sans casser des œufs.*

Выражение *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* активно употребляется в русских масс-медиа и стало символом бесплатного товара, который может оказаться весьма дорогим. Смысл выражения: ничего «бесплатного» не бывает, если за какие-то блага их получатель не платит, это обязательно делает кто-то другой или тот же получатель, но в иной, скрытой форме³.

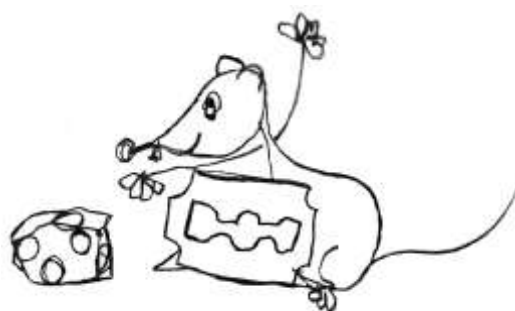
Ряд публикаций называет поговорку исконно русской. Как дьявол таится в деталях, так и здесь детали, связанные с процессом заимствования, чрезвычайно оригинальны и весьма противоречивы. Однако история этого, как я предполагаю, англицизма, все-таки достаточно сильно отличается от истории двух других калек с английского/американского: *сидеть в одной лодке* и *Коней на переправе не меняют*.

Во-первых, поражает интенсивность употреблений этой поговорки в интернете и в современных масс-медиа. Национальный корпус русского языка фиксирует множество ярких контекстов, свидетельствующих о том, что она уже глубоко укоренилась в разговорной речи. Вот несколько таких контекстов:

Он залог стабильности в нашем нестабильном мире. Но, как известно, **бесплатный сыр бывает** только в мышеловке. Чем же живые существа платят за возможность быстро приспособиться? ⁴ Микробы,

изредка меняющие несколько своих генов на заимствованные у соседей копии, возможно, платят за секс немного. (Александр Марков, Елена Наймарк. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий (2014). Рухнул в кресло, сипит: «Спасите!»

На своем опыте убедился сквалыга, что **бесплатный сыр бывает** только в мышеловке. Ведь такую технику только специалист высочайшего класса может наладить. Конфуз за конфузом на Бориса Петровича посыпались с

³ Рисунок: Регина Вальтер.

⁴ Фото: Х. Вальтер. Москва ноябрь 2019 г.

первой же секунды. (Любовь Стоцкая. На грош пятаков, или Скупой платит дважды // «Бизнес-журнал», 13.2.2004). Сыр мы ели 28 дней. А еще говорят, что **бесплатный сыр бывает** только в мышеловке... Виктория Дубнова Из почты «ОГ» (Виктория Дубнова. Наш человек на распродаже // «Общая газета», 1997)

Несомненным показателем активности употребления этой поговорки в русском дискурсе является и то, что некоторые писатели создают даже целые рассказы, основанные на её обыгрывании. Таков рассказ Ю. Новикова из его книги «Добро и зло в нашей жизни. Вопросы и ответы»: «Фраза о бесплатном сыре, который бывает только в мышеловке, — одна из любимейших в наше время. Миллионы людей повторяют её по самым разным поводам. Но, как это часто бывает, далеко не всегда задумываются о смысле произносимых ими слов. Давайте попробуем поподробнее разобраться, всегда ли верна данная мысль... На первый взгляд, мысль абсолютно верная, ведь ничто нам не даётся даром, за всё нам приходится платить, расплачиваться, отвечать. Во всяком случае, в повседневной жизни».

Характерны и речевые обыгрывания этой поговорки, превращающие ее, по сути, в антипоговорку (в понимании В. Мидера, В.М. Мокиенко и Х. Вальтера), например:

*О том, что **бесплатный сыр бывает только в мышеловке**, знают все. Но есть ТАКИЕ мыши, что уносят не только сыр, но и мышеловку!*

Бесплатный сыр достаётся второй мышке. Да, но висит-то он там БЕСПЛАТНО! Его можно съесть! А выражение и означает – любая халява обходится очень дорогой ценой.

Ср. нем., что полностью совпадает с русским:

Umsonst ist nur der Käse in der Falle – und nur für die zweite Maus.

От поговорки *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* образован и отпаремиологический фразеологизм *бесплатный сыр* – приманка, заманивающая в ловушку⁵.

Казалось бы, столь активное употребление поговорки и её варьирование могут служить доказательством её исконности в русском языке. Но этому препятствует ... хронология фиксаций этой поговорки. В самом деле: первой фиксацией (или, во всяком случае, одной из первых) в русской прессе, по моим данным, можно пока считать её употребление в «Аргументах и фактах» 1995 года (ШСП 2002, 248):

В. Серов при этом связывает поговорку с английским прототипом *There ain't no such thing as a free lunch* – *Бесплатных завтраков не бывает*, который

⁵ Плакат: <https://i.redd.it/dw86lpe5buu01.jpg>. 5.4.2019.

также (хотя и довольно редко) употребляется в русском языке. Он приводит и более конкретные источники и факты, повлиявшие на популярность поговорки: Из книги «Искушенный инвестор» (1959) американского публициста Бартона Крейна. Позднее это выражение было повторено и романе (гл. 11) «Луна — суровая хозяйка» (1966, в другом переводе «Луна жестко стелет») Р. Хайнлайна. Дать своему сочинению такой полемический заголовок Б. Крейна побудила реальность американской жизни — своеобразная рекламная акция (известная с середины XIX в.) многих баров, когда к заказанному клиентом пиву хозяин подавал и так называемый *free lunch*, то есть «бесплатную закуску» (этот перевод более точен). Разумеется, ничего бесплатного тут не было: стоимость закуски включалась в стоимость пива. Отсюда и фраза публициста (Серов 2004, 56). Выражение стало очень популярным после выхода в свет (1975) книги американского экономиста-неолиберала лауреата Нобелевской премии (1976) по экономике Милтона Фридмана (р. 1912; см. ниже) о новой экономической политике США. У книги было такое же афористическое название «Бесплатных завтраков не бывает» («There's No Such Thing As a Free Lunch»). Поэтому иногда авторство этого афоризма приписывается М. Фридману.

Некоторые источники приписывают авторство поговорки Маргарет Тэтчер, которая с 4-го мая 1979 до 28-го ноября 1990 годы была премьер-министром Великобритании. При этом, как кажется, сторонники этой версии не разграничивают упомянутую выше модель *There ain't no such thing as a free lunch* с поговоркой о бесплатном сыре в мышеловке, когда она давала своё интервью в прямом эфире ещё на советском телевидении. Когда Маргарет Тэтчер спросили о платной/ бесплатной медицине, она ответила, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке...

Как видим, дилемма «Своё и Чужое?» в этом случае намного запутаннее, чем с явными англицизмами. Носители русского языка воспринимают поговорку как свою собственную. Но хронология и аллюзии на фразу М. Тэтчер заставляют всё-таки предполагать иноязычный источник.

Любопытно при этом, что и некоторые англоязычные источники утверждают, что в английском языке это паремиологический русизм:

The only free cheese is in the mouse trap. **Russian saying.** — Gage, R. (2010). *Why You're Dumb, Sick & Broke... And How to Get Smart, Healthy & Rich!*, John Wiley & Sons. <http://quotes.yourdictionary.com/author/quote/132157>

Каков же выход из этого историко-этимологического противоречия? Мне кажется, что этот выход указывает нам известный американский паремиолог Вольфганг Мидер. В своём словаре современных американских поговорок (Mieder 2012, 37) он даёт точную хронологию фиксации поговорки *There's always free cheese in a mousetrap* в американском публицистическом дискурсе.

Сопоставляя приведённые факты, можно сделать вывод, что русский «сыр в мышеловке» на самом деле — сыр англо-американский, как и сама такая паремиологическая «мышеловка». Такой вывод подсказывает прежде всего хронологический приоритет фиксации этой поговорки именно в английском

языковом пространстве. Между прочим, и её немецкая параллель *Käse umsonst gibt es nur in der Mausefalle* – не что иное, как англицизм, ибо первая фиксация датируется лишь 1993 годом и пословица до сих пор не фиксируется ни одним современным немецким паремиологическим словарем. Даже «Школьный словарь пословиц», который фиксирует пословицу, не даёт никакой справки о её происхождении. Пора наконец это сделать вслед за Школьным словарём, коллеги лексикографы-создатели толковых словарей русского языка!

Конечно, некоторые евроскептики могут этот вывод оспорить, заметив – и не без оснований – что такой хронологический разрыв невелик: 60-е годы, когда зафиксирована английская пословица, и 90-е годы – не столь уж и большая разница для констатации происхождения из конкретного языка. Но здесь можно привести и более веский аргумент в пользу заимствования именно из английского. Это наличие старой паремиологической модели *There ain't no such thing as a free lunch* – *Бесплатных завтраков не бывает*. Именно в таком виде и употребила эту пословицу М. Тэтчер. А уже потом молва приписала ей и авторство, и более образный вариант с бесплатным сыром в мышеловке. Бесплатный завтрак, став бесплатным сыром, не случайно так понравился носителям русского и других европейских языков. Ведь *сыром* в России традиционно называли творог (ср. выражение *как сыр в масле кататься*) и слово изменило значение лишь в Петровское время, когда из Европы импортировали иноземные сыры – голландский, французский или немецкий. См., напр., чеш. *Zadarmo (Zdarma) je jen sýr v pastičce na myši*, или венг. *Nincs ingyen sajt csak az egérfogóban; Ingyen sajt csak az egérfogóban*⁶.

И сейчас, когда на Россию обрушились санкции, бесплатный санкционный сыр вызывает вполне логичное опасение – ассоциацию с мышеловкой. Тем более, что выражение импортировано из американского дискурса.

Проанализированные паремии убедительно свидетельствуют о необходимости скрупулезного анализа употребления пословиц в диахроническом контексте с привлечением максимально возможного количества источников из других языков и культур. Поверхностное и простое этимологизирование – как и бесплатный сыр: заманивают в мышеловку.

⁶ <https://www.info.cz/nazory/zadarmo-je-akorat-syr-v-pasticce-na-mysi-komentar-alexandry-udzenija-39724.html>. 28.2.2019; <https://www.maszol.ro/index.php/velemeny/64162-szekedi-ferenc-sajt-az-egerfogoban>. 28.2.2019.

О четырех новейших фразеологических кальках в хорватском языке

Тема настоящей работы относится к четырём новейшим фразеологическим калькам из английского языка, которые ещё не фиксируются хорватскими словарями. Можно говорить о трёх случаях. Первый относится к хорватскому обороту, в котором один компонент заменяется калькированным компонентом из соответствующего английского фразеологизма. Второй случай относится к калькированным фразеологизмам, употребляющимся параллельно с уже существующим хорватским фразеологизмом с одинаковым или близким значением. Третий случай относится к калькам, по отношению к которым нет соответствующего фразеологизма в хорватском языке. В работе рассматривается и употребление соответствующих калькированных оборотов в русском языке.

1. Тема настоящей работы относится к фразеологическому калькированию. Под фразеологической калькой подразумевается «фразеологическая единица, возникающая в результате точной или измененной передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов (обороты) средствами заимствующего языка» (Бирих – Волков – Никитина 1993, 90). Говоря о фразеологических кальках в русском языке, Н.М. Шанский подчеркивает, что «калькирование в ряде случаев приводит к возникновению таких русских сочетаний слов, в которых синтаксические связи и семантические отношения слов не соответствуют существующим в русском языке правилам и законам. Это обстоятельство может повлиять на развитие новых переносных значений и новых моделей фразеологизмов» (Шанский 1985, 100). По классификации Н.М. Шанского, кальки делятся на точные (воспроизведение лексико-грамматического состава иноязычного фразеологизма без каких-либо отступлений) и неточные (пословный перевод иноязычного фразеологизма с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче компонентов) (Шанский 1985, 101).

Несмотря на тот факт, что значительное иноязычное влияние на хорватский язык оказали латинский и греческий языки, на него влияли и другие языки. Весьма важными были языковые контакты с немецким и венгерским языками (в основном в северной части Хорватии), с одной стороны, и с итальянским (в основном в южной части Хорватии), с другой. Языковые контакты хорватского языка с английским начинаются ещё в XIX веке, но они становятся более интенсивными после Второй мировой войны. В течение этого времени происходит и заимствование, и калькирование как на лексическом, так и на фразеологическом уровне⁷. Многие фразеологические кальки из английского языка уже вошли в хорватский язык, весьма активно упо-

⁷ Подробнее о данной теме см. напр. в Turk (1994), Hrnjak (2001), Menac (2007, 109–133), Turk (2013, 261–279).

требляются и фиксируются толковыми и фразеологическими словарями. Приведём несколько таких оборотов: *zakopati ratnu sjekiru* (< *bury the hatchet*), *dati / davati zeleno svjetlo* кому, чему (< *give sb, sth the green light*), *gurnuti / gurati pod tepih što* (< *sweep sth under the carpet* (BrE), *sweep sth under the rug* (AmE, AustralE))⁸; *imati aferu s kim* (< *have an affair with sb*), *pojesti za doručak koga* (< *eat sb for breakfast*), *kostur iz ormara, kostur u ormaru* (< *a skeleton in the cupboard* BrE, AustrE, *a skeleton in the closet* AmE)⁹, *leptirići u trbuhu (želucu)* (< *butterflies in your stomach*), *visoko dignuti / dizati (postaviti / postavljati i sl.) letvicu* (< *set a high bar for sb*)¹⁰, *napraviti domaću zadaću* (< *do your homework*), причём первые три давно включены в словари, в то время как остальные упомянутые обороты появляются только в новейших толковых и/или фразеологических словарях¹¹.

2. В настоящей работе будут представлены четыре новейшие фразеологические кальки с английского языка, которые ещё не зафиксированы в словарях хорватского языка. По отношению к трём оборотам рассмотрим и ситуацию в современном русском языке. Упоминаются три разных случая калькирования.

2.1. Первый случай относится к оборотам, которые давно употребляются и в хорватском, и английском языках и которые являются структурными и семантическими эквивалентами. В качестве примера приведём фразеологизмы *biti (naći se) u čijoj koži* и *be in sb's shoes* с общим значением 'быть (оказаться) в чьём положении /обычно незавидном, плохом/' (русский эквивалент – *быть (оказаться) в чьей шкуре*). Приведенный хорватский фразеологизм и сегодня весьма активно употребляется, но в последнее время фиксируются примеры употребления, в которых компонент *koža* заменяется компонентом *cipela* ('ботинок, туфля'), калькированным из английского оборота: *biti (naći se) u čijim cipelama*. Ср. примеры употребления:

14. lis 2018. – Teško je to i nitko ne može to razumjeti jer **nije u svojim cipelama**, ističe Koscielny¹².

18. lip 2009. – da **sam ja u tvojim cipelama**, možda bih isto razmišljala ... (forum.roda.hr › Forum › Potpomognuta oplodnja › Potpomognuta oplodnja, доступ 12.03.2019)

Za mene to govori sve u nastupu oduševljenja, nakon što je Federer pokorio i New York, govorio je McEnroe. Volio bih **biti u njegovim cipelama** barem na jedan dan kako bih saznao kakav je osjećaj igrati na taj način¹³.

2.2. Второй случай относится к калькированным фразеологизмам, употребляющимся параллельно с уже существующим хорватским

⁸ Подробнее о фразеологизме см. в Fink (2010).

⁹ Подробнее о фразеологизмах см. в Fink (2010).

¹⁰ Подробнее о фразеологизме см. в Финк (2010).

¹¹ Исходя из факта, что английский язык оказывает значительное влияние на многие современные европейские языки, можно сказать, что приведённые кальки встречаются и в других языках.

¹² nogometne-vijesti.hr/iskreni-francuz-zelio-sam-da-izgubimo-na-sp-u-sve-mi-se-gadilo/, доступ 12.03.2019.

¹³ hrWac¹³, <http://arhiv.slobodnadalmacija.hr/20041108>.

фразеологизмом с одинаковым или близким значением. Это значит, что такая калька включается или в синонимический ряд оборотов с определённым значением или в семантическое поле, если её значение всё-таки немного отличается от значения уже зафиксированных хорватских единиц. Приводятся два таких фразеологизма.

2.2.1. Весьма интересным нам кажется калькирование культурологически окрашенного оборота *not your cup of tea* ('not what you like or are interested in')¹⁴. В английском языке оборот употребляется и по отношению к лицам, и по отношению к предметам, которые оказываются нам не по вкусу или по какой-то причине не нравятся. В письменной форме идиома впервые зафиксирована в романе Нэнси Митфорд *Рождественский пудинг (Christmas Pudding)*, 1932 г.: «*I'm not at all sure I wouldn't rather marry Aunt Loudie. She's even more my cup of tea in many ways*». В то время идиома в контексте появлялась и с отрицанием, и без него, в отличие от современного употребления, что подтверждается и формой, зафиксированной в словарях¹⁵.

В хорватских текстах и в устной речи оборот *nije moja šalica čaja* <što> в основном употребляется с отрицанием, чаще всего относится к неодушевленному предмету (к произведению искусства, обычаям, манере поведения и т.д.) и выражает негативное отношение к нему. Местоимение часто имеет форму первого лица единственного числа, из чего следует, что мнение о чём-либо выражается говорящим. Ср. примеры употребления:

Bili su kod mene u Beogradu, upoznali smo se, nazdravili, fotografirali se i poželio sam im sretan put u Temišvar gdje su imali koncert. Muzika koju oni sviraju **nije moja šalica čaja**, ali s velikim poštovanjem otići ću na njihov koncert u Zagreb¹⁶.

Nije moja šalica čaja, nikad se o tome ne bih ispovijedao za šarene revije, ali, brate, ako je nekome volja pričati o ljubavnicama i ljubavnicima, o nasilnim očevima i razvratnim materama [...], pa neka mu. (Jutarnji list¹⁷, 01.02.2014)

В хорватском языке есть три безобразных фразеологизма с соответствующим значением: *nije po volji (ćefu) komu što*, *nije po ćudi komu što* и *nije po ukusu komu što*¹⁸. Они имеют свои эквиваленты в русском языке: *не по вкусу (кайфу) кому что*, *не по сердцу (душе) кому что*, *не по нутру кому что*. Поэтому интересно посмотреть, употребляется ли английский фразеологизм в калькированной форме и в русском языке. Нам удалось найти всего несколько примеров употребления, и, надо сказать, часто упоминается и английская идиома, ср.:

¹⁴ В некоторых словарях идиома фиксируется и в форме *not be sb's cup of tea*.

¹⁵ <https://www.phrases.org.uk/meanings/my-cup-of-tea.html>.

¹⁶ (hrWac, <http://slobodnadalmacija.hr/Spektar/tabid/94/articleType/ArticleView/articleId/9365/Default.aspx>, доступ 12.03.2019).

¹⁷ Хорватская ежедневная газета.

¹⁸ Данные фразеологизмы могут употребляться с отрицанием или без него, поэтому они в словарях фиксируются следующим образом: *biti po volji (ćefu) komu*, *ćetu* и *biti po ukusu komu*, *ćetu*.

Мне ужасно нравится выражение, обозначающее «просто мне не по вкусу», оно пришло к нам из английского: «не моя чашка чаю». При нынешней моде на чай – оно отлично подходит к парфюмерии! Тем более, когда мы говорим не об отдельных ароматах, а о целом направлении – зачем обобщать?!¹⁹

Белобрысый и потный, он являлся ярким представителем северных народов, абсолютно не моя чашка чая... (НКРЯ, К. Сурикова, Несладкий кофе)

2.2.2. Рассмотрим ещё английский оборот <out> *in the middle of nowhere*, который является частью семантического поля «весьма далеко», причём указывает на самые отдаленные места, на захолустье, на глухое место ('in the place that is far away from where most people live'). В современном хорватском языке активно употребляется несколько семантически соответствующих фразеологизмов, в глубинной структуре которых ясно подчёркивается элемент отдалённости от центра культурной или общественной жизни, ср. *bogu iza leđa (za leđima)*, *bogu iza nogu* (досл. за Божьей спиной, за Божьими ногами), *gdje je bog (vrag) rekao laku noć* (досл. где Бог (чёрт) сказал спокойной ночи). Помимо приведённых оборотов фиксируются и другие, в которых указывается на большое расстояние, т.е. на основное значение 'весьма далеко', ср. *na kraju svijeta* (русский эквивалент – *на краю света*), *preko brda i dolina, iza gora iza dola* (русский эквивалент – *за горами за долами*), *preko (iza) devet (sedam) gora (brda, mora)* (досл. *за девятью (семью) горами (морями)*); русский эквивалент – *за семью холмами, за семью реками*). Во всех данных фразеологизмах, в том числе и в английском, образ является абсурдным, основанным на гиперболе, и таким образом подчёркивается основное значение. Несмотря на тот факт, что в хорватском языке есть возможность выразить данное значение образными и эффектными фразеологизмами, всё чаще можно услышать или прочитать неточную кальку английского оборота – *usred ničega*. Ср. примеры употребления:

– Jo nika ne vidim – reče Dejan mrzovoljno i činilo mi se da mu se ne ostaje dugo. Vojavao se kao i ja, ali drugih stvari. Ako njegov otac sazna, otkinut će mu glavu svojom debelom ručerdom. Sjedili smo tako **usred ničega** u noći i šutjeli. (K. Novak²⁰, Črna mati zemla)

Beringovo more na Aljasci zaledilo mi je dušu, ali srce je grijala znatiželja koja me već godinama nagoni na putovanja. I baš tamo, **usred ničega**, upoznao sam kapetana koji je podrijetlom s Premude²¹.

Помимо данной формы гораздо реже встречается ещё одна неточная калька *u sredini ničega*, ср. пример употребления:

¹⁹ <http://naturalperfumery.ru/2016/02/08/tea/>, доступ 12.03.2019.

²⁰ Kristian Novak – современный хорватский писатель.

²¹ hrWac, <http://blog.vecernji.hr/boris-velican/category/otocka-raspodija/page/6/>, доступ 12.03.2019.

– Ovo je savršeno mjesto za Siennin veliki dan, plaža se praktički nalazi **u sredini ničega**, tako da će na svečanosti biti samo najbliži članovi obitelji i prijatelji, a nitko im nepozvan neće smetati, kazao je glumičin blizak prijatelj²².

Когда речь идёт о русском языке, можно сказать, что ситуация является более или менее идентичной: несмотря на то, что активно употребляется несколько фразеологизмов с основным значением 'весьма далеко' (напр. *на краю света (земли), у чёрта на куличках (рогах); за горами (морями), за долами; в тридевятом царстве <в тридевятом государстве>* и т.д.), в разных текстах подтверждается неточная калька *посреди ничего* с тем же значением; ср. пример употребления:

В результате всей этой кутерьмы я оказался владельцем десяти гектаров саванны **посреди ничего** и руин на холмике посреди этих гектаров. (А. Круз, Земля лишних²³)

2.3. Третий случай относится к калькам, по отношению к которым нет соответствующего фразеологизма в хорватском языке. Значение такого английского фразеологизма передаётся или лексически, или каким-либо описательным оборотом. В качестве примера приводится один английский оборот и его калькированная на хорватский язык форма.

В современном английском языке активно употребляется идиома *the million-dollar question*, которая имеет и вариантную форму *the sixty-four-thousand-dollar question*. Сначала была в употреблении вторая форма. Почему именно 64.000 долларов? Данную сумму могли выиграть участники, верно отвечая на вопросы американской викторины *The \$64,000 Question*, которую показывали в 50-ые годы 20 века. А в 90-ые годы начали показывать викторину *Who Wants to Be a Millionaire?*, в которой главным призом был миллион долларов. На основе названия викторины возник фразеологизм *the million-dollar question*. Значение обоих вариантов относится к весьма важному и/или трудному вопросу, на который никто не знает ответа ('an important and difficult question which people do not know the answer to').

В хорватском языке сравнительно недавно стали употреблять неточную кальку *pitanje za (od) milijun dolara* с тем же значением. Калькирование, вероятно, связано с большой популярностью хорватской версии известного международного формата данной телевизионной викторины (хорватское название *Tko želi biti milijunaš*), которую показывали с марта 2002 по январь 2008 года и с сентября 2009 по июль 2010 года.

Надо подчеркнуть, что в хорватском языке есть фразеологизм со значением, только частично соответствующим первой части значения кальки ('важный вопрос') – *ključno (krucijalno) pitanje* (досл. основной (главный, принципиальный) вопрос), а в обороте *pitanje života i smrti* (русский эквивалент

²²hrWac, <http://www.dnevnik.hr/scena/film-tv/vjencanje-sienne-i-rhysa-na-meksickoj-plazi.html>, доступ 12.03.2019.

²³<https://books.google.hr/books?isbn=5040951957>, доступ 12.03.2019.

– *вопрос жизни и смерти*) подчёркивается не только важность, но и существенность вопроса. Из этого следует, что в современном хорватском языке нет фразеологизма, в значение которого включены все семантические элементы английского оборота (важность, трудность, незнание ответа), так как в хорватских единицах нет элемента, относящегося к незнанию ответа.

Приведём примеры употребления фразеологизма, в котором варьируется предлог:

...je Hollywood snimio već sedam-osam filmova, ali to svejedno ne znači da zli lord Voldemort stvarno postoji, niti da ljudi doista mogu letjeti na čarobnim metlama, kao što to čine mali Harry i njegovi čarobnjački prijatelji. **Pitanje za milijun dolara** glasi: zašto odrasli ljudi za jednu vrstu maštovite literature znaju da je proizvod mašte, dok drugu podvrstu istog tipa literature drže stvarnom, čak i stvarnijom od stvarnosti?²⁴.

U svim pivskim reklamama muškarce prikazuju kao retarduse, spodobе s posebnim potrebama, kretene koji sline kad Vatreni jašu jedan na drugome. Ne znam [...] odgovor **na pitanje od milijun dolara**. Jesu li muškarci kreteni u životu pa su zato takvi u reklamama, ili su kreteni samo u reklamama koje im pomažu da postanu kreteni i u životu?²⁵.

Интересно добавить, что в текстах можно найти и вариантную форму приведённого фразеологизма, в которой вместо компонента *dolar* употреблена актуальная хорватская денежная единица *kuna*, а это связано и с фактом, что в викторине максимальный приз – один миллион денежных единиц той страны, где проходит шоу:

Djevojke su mašti dale na volju pa su na sebe 'nabacile' i glitter glamour look po kojem je pjevačica popularna. **Pitanje za milijun kuna** glasi: što među dvojnicama Lady Gage radi Miss Chicaga koja uistinu ne sličī na Stefani?²⁶

Телевизионная викторина *Кто хочет стать миллионером?* в России тоже пользовалась большой популярностью. Это возможная причина калькирования английской идиомы. Но, надо сказать, что примеров употребления меньше, чем в хорватском языке. И здесь используются названия двух денежных единиц в качестве компонента; фиксируются и употребление без наименования денежной единицы. Ср. примеры:

Инициатива фонда «Всемирная алмазная марка» может помочь производи-телям бриллиантов и дилерам совместно выработать подходящую маркетин-говую стратегию со своими партнерами по розничной торговле, если сохранится первоначальный уровень интереса к

²⁴hrWac, [http://www.slobodnadalmacija.hr /Mozaik/tabid/80/articleType/ArticleView/articleId/131920/Default.aspx](http://www.slobodnadalmacija.hr/ Mozaik/tabid/80/articleType/ArticleView/articleId/131920/Default.aspx), доступ 13.03.2019.

²⁵ hrWac, <http://www.nacional.hr/clanak/46545/hrvatice-ukockastom-svijetu>, доступ 13.03.2019.

²⁶ hrWac, <http://dnevnik.hr/showbizz/glazba/foto-odrzano-prvo-natjecanje-dvojnica-lady-gage.html>, доступ 13.03.2019.

этой программе. Нет ни малейшего сомнения в том, что видовой маркетинг является насущным вопросом, но кто будет платить по счетам? Это **вопрос на миллион долларов!**²⁷.

Вопрос на миллион рублей: какой комплекс порекомендуете для длительного отдыха (2–3 мес)?²⁸.

– Что будет происходить с курсом рубля в течение года – это «**вопрос на миллион**» и даже не на один, – считает главный аналитик Нордеа Банка Денис Давыдов. (НКРЯ, Е. Обухова, Д Яковенко, Дышите глубже // «Эксперт», 2014).

3. Что можно сказать в заключении? Представленные новейшие, ещё не зафиксированные кальки, не являются единственными кальками, которые более или менее активно используются в хорватских современных текстах и в устной речи. В данный момент трудно сказать, останутся ли они в языке или нынешнее употребление является только данью моде. В русском языке, как уже сказано, нами найдено гораздо меньше примеров употребления трёх анализируемых калек.

²⁷ <http://j-r.ru/news/analitika/vidovoj-marketing-vopros-na-million-dollarov.html>, доступ 13.03.2019

²⁸ <https://ftour.otzyv.ru/read.php?id=227573&p=80>, доступ 13.03.2019.

Латинские образцы польской диалектной фразематики

В данном случае рассматриваются латинские кальки в польской диалектной фразеологии. Как оказалось, из польского литературного языка в польские говоры проникло множество фразем латинского происхождения. Их источники делятся на три вида: 1) античные (мифология и словесные выражения людей), 2) библейские (Священное Писание), 3) средневековые (легенды, басни и предания). Количество латинских фразематических калек в польских говорах невозможно точно подсчитать в связи с тем, что понятие «диалектная фразема» толкуется по-разному. Один подход подразумевает под «диалектной фраземой» единицу, неизвестную в польском литературном языке. Согласно другому подходу, трактующему говор как код, который не зависит от польского литературного языка, фраземой являются все единицы, зафиксированные в польских говорах, вне зависимости от их происхождения.

Несмотря на то, что польский язык не родственен латинскому, примеры влияния латинского языка на польский достаточно многочисленно представлены в разных разделах языка, начиная с акцентологии (некоторые слова, такие как *fizyka*, *matematyka*, *gramatyka*, согласно нормам польского языка, имеют такое же ударение, как и в латинском, т.е. ударным слогом будет третий слог с конца), словообразования, морфемике (окончание *-a* в формах *akta*, *grunta* тоже имеет латинское происхождение), лексики, синтаксиса, заканчивая стилистикой и фразематикой. О латинских заимствованиях в польском языке писали уже неоднократно (Анна Ленартович-Загрода (Lenartowicz-Zagroda 2014) сравнила более 200 работ, посвященных этой тематике), однако фразематические взаимосвязи между латынью и польскими говорами до этого времени не были темой отдельных работ. Запас общепольских фразем, которые являются кальками латинских, достаточно обширен. Исходя из списка, выложенного в интернете²⁹, их более 800 (восемьсот) единиц. Это фраземы, зафиксированные во всех лексикографических источниках, специализированных исследованиях, например, предназначенных для историков. Разумеется, только часть единиц употребляется в современном языке, и в основном образованными людьми. Однако мы не располагаем перечнем фразем, в которых только компоненты являются латинскими заимствованиями.

Польско-латинским фразематическим заимствованиям (а точнее фразематическим калькам с латыни) уделено много внимания в сборниках Юлиана Кшижановского *Mądrej głowie dość dwie słowie* (MG), *Nowej*

²⁹ https://pl.wikiquote.org/wiki/Sentencje_i_zwroty_%C5%82aci%C5%84skie.

księżde przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich (НКРР), а также в отдельной статье (Krzyżanowski 1960). В свою очередь Кристина Вейссенхофф-Брожкова (Weysenhoff-Brożkowa 1997) занялась старопольской фразеологией, переведённой на латынь, а именно латинскими фразеологическими кальками со старопольского языка.

Целью данной работы является обсуждение влияния латыни на польскую диалектную фразематику. Как оказалось, латинское влияние проявляется прежде всего в паремиографии. Обучение латинскому языку состояло, в первую очередь, в заучивании устойчивых выражений, а поскольку пословицы имеют главным образом поучительный характер (назидают, указывают на правильное поведение), то они являлись прекрасным материалом школьной дидактики. Таким же важным источником латинской фразематики была деятельность Католической церкви: до Второго Ватиканского собора в литургии использовали латынь. В результате *adagia* (пословицы древнеримского и древнегреческого происхождения) и *proverbia* (пословицы из Священного Писания) сформировали огромный пласт польской паремиологии.

Как известно, территориальные разновидности польского языка возникли на базе племенных диалектов (мазовшане – мазовецкий диалект, малополяне – малопольский, великополяне – великопольский, силезцы – силезский). Однако влияние на формирование современных диалектов имел также литературный польский язык. Его влияние на всех уровнях языка особенно усилилось после Второй мировой войны. Наличие в говорах фразематических калек из латыни следует объяснять, в первую очередь, влиянием польского литературного языка, тогда как непосредственное влияние в данном случае маловероятно, хотя абсолютно исключать его нельзя.

В подавляющем большинстве случаев взаимодействие это выглядит следующим образом: латинская фразематика → фразематика польского литературного языка → диалектная фразематика. Мы имеем тут дело с внешними заимствованиями (латинская фразематика → общепольская фразематика) и внутренними (общепольская фразематика → диалектная фразематика).

Хронологию заимствований этих латинизмов собственно говорами трудно установить ввиду отсутствия учёта диалектов в прошлом. В случае с этим пластом лексики мы можем рассматривать материал только синхронно.

Анализ материала

На фразематике латинского происхождения основываются, прежде всего, кальки пословиц (в данном случае не рассматриваются полукальки). В их пределах можно выделить три типа единиц в зависимости от их происхождения: 1) из римской античности (мифология и высказывания известных людей), 2) из Библии (Священного Писания, Учения Церкви), 3) из средневековых текстов (литература).

1. Кальки adagia

Кальки adagia были взяты в виде сопоставления античных пословиц и их аналогов в разных языках (напр. Arthaber 1900; Strauss 1994). Стоит обратить внимание на несколько примеров, которые вошли в польские говоры.

1.1. Латинская пословица *Invenit interdum caeca columba pisum* имеет аналоги во многих языках, сравните, например: *Trafilo sa ako slepej kure zrno* (словацк.); *I slepé kuře najde zrno* (чешск.); *wutrjechić něšto kaž slepa kokoška wačku* (верхнелужицк.); *slepa kura včasih zrno najde* (словенск.); *Ein blindes Huhn findet auch mal ein Korn* (нем.); *Even a blind hen may occasionally pick up a grain* (англ.); *Even a blind pig can find an acorn once in a while* (англ.); *Sometimes a blind pigeon finds a pea* (англ.); *Blind hóne kann og finna eit korn* (норв.); *En blind hóne finder også et korn* (датск.); *A vegades una gallina cega troba un gra* (каталонск.); *Akla vista arī graudu atrod* (латышск.); *Pime kana leiab vahel ka tera* (эстонск.); *Vak tyúk is talál szemet* (венгерск.).

Эта пословица широко известна также в различных польских говорах, сравните: *Trafilo sie jak ślepy kurze ziárko* (общедиялектн., напр.: Świątek 1893, 682; Rak 2005, 135); *Trefi sie i ślepy kurze zorko* (цешинск., Ondrusz 1960, 124); *Idzie mu o to, jak ślepej kurce o zorko* (цешинск., Ondrusz 1960, 50); *Skapało mu jak ślepej kurce zorko* (цешинск., Ondrusz 1960, 112); *Prziszel ku tymu, jak ślepo kurka ku zorku* (цешинск., Ondrusz 1960, 106). Конечно, отмечают эту пословицу также и кашубские словари: *To mu sę tak trefiło, jak ślepy kòkòszy zárko* (кашубск.); *těj sěj i slepô kura zôrko wëgrzebie* (кашубск.); *i slepô kura czasem zôrko naléze* (кашубск.).

Однако в этом случае языком, посредством которого происходило заимствование, мог быть не только польский, но и немецкий. Можно утверждать, что носители говоров или польского литературного языка не осознают иностранное происхождение данной пословицы в первую очередь потому, что поговорка связана с домашними, сельскими реалиями. Поэтому она может восприниматься как исконно польская, народная пословица.

1.2. Такую же широкую сферу употребления имеют древние пословицы *In risu agnoscitur fatuus* (лат.) и *Per risum multum poteris cognoscere stultum* (лат.), сравните, напр.: *Смех без причины – признак дурачины* (рус.); *По надмірному сміху ти зможеш пізнати дурня* (укр.); *Am Lachen erkennt man den Toren* (нем.); *Am Lachen und Plarren erkennt man den Narren* (нем.); *A fool is ever laughing* (англ.); *A fool will laugh when he is drowning* (англ.); *Too much laughter discovers fooly* (англ.); *Au rire on connaît le fou* (франц.); *Plus on est de fous, plus on rit* (франц.); *Es muy frecuente la risa an la boca de necio* (исп.); *É frequente o riso, na boca de quem não tem siso* (порт.); *Dal riso molto conosci lo stolto* (итал.).

Аналогом этой латинской пословицы в польском языке является

пословица *Poznać głupiego po śmiechu jego*. В интернете встречаются и другие её варианты: *Poznać głupiego po czynach jego* и *Poznać głupiego po słowach jego*.

Первая из упомянутых единиц встречается также в говорах, часто в сокращённом виде, ср., например: *Poznać głupigo po śmiechu* (цешинск., Cinciała 1885, 32). Ассоциация «смех = глупость» отвечает за мотивацию в целой серии фразеологизмов, ср., например: *Niy ma jak głupimu, śmieje sie, nie wiy czymu* (цешинск., Ondrusz 1960, 92), а также сравнения: *śmiać się jak głupi do sera* (лит., общедиалектн., напр. Rak 2005, 132), *śmiać się jak głupi piwu / placku / do jajeczniczy / do klusek / do wątroby* (НКРР III, 441–442); *śmiać się jak głupi do kołacza* (польск. разг.); *śmiać się jak sroka do sera* (НКРР III, 442); *śmiać się jak szkapa do owsa* (польск. разг.); *śmiać się jak Filip na jelito* (цешинск.).

Последний вариант используется в польских говорах в Цешинской Силезии (т.е. на территориях, где польский язык соприкасается с чешским) и отражает заимствования из чешского языка, ср.: *smát se jako Filip na jelito* (чешск.); *smát se jako Honza na jelito* (чешск.), *usmívat se jako Honza na jelito* (чешск.). Стоит добавить, что в чешском языке имя Гонза функционирует и как определение глупого человека, ср.: *být jako hloupý Honza; stát jako Honza; tvářit se jako hloupý Honza*.

1.3. Часто взаимосвязь польских паремий с латинскими более сложная. Древнегреческая пословица *Bous epì glottes*, перешла в латынь как *Bos in lingua* (дословно: «бык в языке») и была использована для определения человека, который не хотел признавать в суде свою вину. В Средние века на основе этой пословицы появился анекдот о судье, которого хотела подкупить одна из сторон, подарив ему быка. Другая сторона решила подкупить жену судьи, подарив ей корову. В результате при вынесении решения, судья принял сторону вторых, объясняя своё решение тем, что корова запрещает быку говорить (MG III, 201–203). Этот анекдот был переведён на польский язык, а в 1530 году появилась пословица *Bieda temu domowi, gdzie krowa doboda wołowi*. В НКРР (III, 760) приводится много сведений об этой пословице. В польских говорах, кроме номинального действующего лица, существуют и вариативные, например: *Bieda takimu dworowi, kaj rozkazuje krowa wołowi* (общедиалектн., напр. цешинск.; Ondrusz 1960, 16). Семантический и синтаксический анализ: «плохо там, где роли перевернуты» восходит не только к оппозиции «Бык – Корова», но также и к оппозиции «Петух – Курица», сравните словацк. *Nešťastný taký dom býva, kde kohút mlčí a sliepka spieva; Nešťastný taký dom býva, kde kohút mlčí a sliepka kričí; Nešťastný taký dom býva, kde kohút kotkodáka, a sliepka kikiríka* или «мужчина – женщина», ведь речь идёт именно об этой оппозиции, ср.: *Bieda w tej chałupie, w której baba chodzi w gaciach* (подгал., Rak 2007b, 171), *Beda tomu domu, kde chlap nosí kytľu, a žena gate; Beda tomu domu, kde chlap nosí kytľu a žena nohavice; Beda tomu domu, kde muž nosí praslicu a žena palicu*. Сокращёнными формами этой пословицы будут: *chłop chodzi w sukni, a baba w galotach* (цешинск.); *chłop chodzi w spódnicy*,

a baba w galotach (силезск.); *tam chłop chodzi w spódniku, a białka w buksach* (кашубск.). Или ограничивается только указанием на мужчину – *[ktoś] chodzi w babskiej koszuli* (келецк., Rak 2005, 38).

Критика мужчины в фразеологии приписывает ему женские черты, действия или качества, т.е. обесценивает его, ср.: *[ktoś] nadaje sie [do czegoś] (jak) do macania kur* (келецк., Rak 2005, 89); *[komuś] pasuje kury macać, a nie [robić coś]* (лит.). В польскую историю и политику вошло крылатое выражение Юзефа Хлопицкого: *Im kury macać, a nie rewolucję robić*, которое Юзеф Пилсудский переделал следующим образом: *Wam kury szczać prowadzić, a nie politykę robić*.

2. Кальки proverbial

Около 100 польских фразем библейского происхождения описал в своей книге Станислав Козьяра (Koziała 2001), а также собрали в своих словарях Ян Годынь (Godyń 1995) и Анна М. Коморницкая (Komornicka 1994). К Евангелию от Матфея (7,15): «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные» восходит фразема: *lupi in vestimentum ovium* (лат.), которая известна, вероятно, во всех европейских языках, ср.: *wilk w owczej skórze* (общепольск.); *vlk v ovčom rúchu* (словацк.); *vlk v beránčím rouše* (чешск.); *волк в овечьей шкуре* (рус.); *вовк в овечій шкурі* (укр.); *вук у жагњећој кожи* (сербск.); *volk v ovčji koži* (словенск.); *Wolf im Schafspelz* (нем.); *wolf in sheep's clothing* (англ.); *ulv i fåreklær* (норв.); *ulv i fårakläder* (шведск.); *loup déguisé en agneau* (франц.); *lobo con piel de oveja* (исп.); *lupo con la pelle dell'agnello* (итал.); *lobo em pele de cordeiro* (порт.); *A farkas gyakorta juhörbe öltözik* (венг.). Эта интернациональная, библейская по своему происхождению фразема, конечно, появилась и в польских говорах, сравните: *wilk w owcy skórze* (общедиалектн., напр. подгал., Rak 2007b, 93, 98, 169).

К Книге Иисуса Навина (6, 20) «Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом, и обрушилась стена до своего основания» восходит фразема *trąba jerychońska* (общепольск.). В польском литературном языке данное выражение употребляется для характеристики беспомощного, бездарного и, что важнее всего, приземлённого человека. В свою очередь, в келецком говоре данная фразема приобретает иное значение: плаксивый ребенок. Эта фразема существует и в других языках, ср.: *trúba jerichovská* (словацк.); *Jerichove trúby* (словацк.); *иерихонская труба* (рус.).

3. Кальки средневековых пословиц

Отсылкой к средневековой басне (в польском народном варианте её записал Оскар Кольберг (Kolberg 1875, 144–145), а точнее, к её остроумному заключению, является пословица *Quod non potest diabolus, mulier evincit*. В басне рассказывается о том, как старуха за дьявольский мешочек с деньгами рассорила дружных супругов (MG I, 48–51). Кроме польского языка *Gdzie diabeł nie może, tam babę pośle* (польск.) и его

говоров *Ka diabol ni moze, tam babe pošle* (общедиалектн.) эта пословица известна во многих других языках, сравните: *Kde čert nič nemôže vykonať, to pošle (postrčí) starú babu* (словацк.); *Куда чѣрт не носнеет, туду бабу пошлѣм* (рус.); *Wohin der Teufel nicht selbst kommt, da schickt er ein altes Weib* (нем.); *Wo der Teufel nicht selbst hin will, schickt er einen Pfaffen oder ein altes Weib* (нем.); *Ciò che non può il diavolo, l'ottiene la donna* (итал.).

Что интересно, по распространенному мнению, в Германии (ср. высказывания в интернете³⁰) в этом случае мы имеем дело с русским или польским заимствованием. Однако немецкий вариант басни и пословица были записаны в «Ingolstädter Wochen-Blatt» от 13 июля 1845 г. (с. 227–229). Как оказалось, этой пословицы не существует в современном английском языке. Особенно популярной эта пословица была в Германии в 2015 году. Тогда же она появилась в различных мемах, ср.:

Средневековая латинская пословица *Merito hunc manducant sues, qui se miscet inter furfures* в варианте с ценками *Hunc catulus comedit, qui se cum fufure miscet* известна также и в польском литературном языке *Kto się z plewami miesza, tego świnie zjedzą* (лит., общеупотр.), и в кашубском языке: *Jak wpadniesz w drank, to cę swinie zjedzą* (кашубск.); *Chto s swiniami légá, teho swinie zjedzą* (Сеунова 1866, 24), и в говорах, ср.: *Nie lýź miyndzy plewy, bo cie świnyne zežeróm* (цешинск., Ondrusz 1960, 88); *Kto się miesza między plewy, tego świnie zjedzą* (цешинск.); *Dać się z plewami, to i świnie*

³⁰http://www.russian-online.net/fragen/current_message.php?id=7377;
<https://gloria.tv/article/G76dYsoJoP3N6PV2CrBgkfhc2;>
<https://www.siebenbuerger.de/forum/allgemein/2184-zitat-des-tages/seite53.html>
[https://www.gutefrage.net/frage/was-bedeutet-folgenger-spruch-definition.](https://www.gutefrage.net/frage/was-bedeutet-folgenger-spruch-definition)

zjedzą (келецк.); *Nie miesáj sie z płowami, bo cie świnie zjedzom* (подгал., Dembowski 1894, 66); *Kto sie miésá w plewy, tego świnie zjedzą* (Świętek 1893, 667).

Огромное количество сведений об этой польской пословице содержит НКРП (III, 491). Она известна также в других языках, ср.: *Kto sa mieša medzi otruby, svine ho zežeru* (словацк.); *Tko se miješa u mekinje, pojest će ga svinje* (хорватск.); *Kdor se med pleve pomeša, tego požrejo svinje* (словенск.). В немецком языке в этой пословице тоже говорится о свиньях: *Wer sich unter die Kleine mischt, den fressen die Schweine*. Объясняя эту пословицу, Фридрих Зейлер (Seiler 1922, 95) отмечал, что, вероятно, первоначально в пословице речь шла о собаках, так как именно их кормили мякиной.

Таким образом, латинско-иноязычные (и функционирующие в говорах) фраземы не являются результатом влияния античной культуры, Церкви или Седневековья, а относятся к «натуральной фразеологии», к которой, по терминологии Ст. Скорупки, относятся фразеологизмы, возникающие в разных языках независимо друг от друга, т.е. являющиеся фразеологическими универсалиями (ср.: Skorupka 1949, 9–14; 1965, 119). В качестве примера можно привести пословицу *Cattus saepe satur cum capto mure iacatur* (лат.), *bawić się jak kot z mysz(k)ą* (лит.; общедиалектн., напр., Rak 2007b, 58); *pohrávat si s někým jako kočka s myší* (чешск.); *igrati se z kot kot mačka z mišjo* (словенск., Keber 1996, 193); *играть, как кошка с мышью* (рус.); *mit einem spielen, wie die Katze mit der Maus* (нем.); *Der Katze Scherz ist der Mäuse Tod* (нем.); *play cat and mouse* (англ.). Именно к этой интернациональной фраземе восходит и название детской игры «*кошки-мышки*».

Другие примеры, которые можно отнести к так называемой натуральной фразеологии:

а) *chodźić jak błędna owca* (лит.; общедиалектн.), *chodźić niby owca* (подгал., Rak 2007b, 90, 93, 169), *chodźić jak błędny* (келецк., Rak 2007b, 90); *chodí ako stratená ovca* (словацк.); *zablúdená, zatúlaná, stratená ovca* (словацк.); *зablудшая овца (овечка)* (рус.); *izgubljena (zalutala, zabludjela) ovca (ovčica)* (хорватск.). Мотивация данных пословиц восходит к Книге Исаяи (53, 6): «Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу», либо к Книге Псалмов (118, 176): «Я заблудился, как овца потерянная».

б) *jest [czegoś] jak gwiazd na niebie* (лит., общедиалектн., напр. Rak 2007a, 106), *tolko je toho ako hviezd na nebi* (словацк.); *annyi mint a csillag az égen* (венг.). Этот пример можно интерпретировать и как натуральный фразеологизм, и как фразеологизм, имеющий библейское происхождение, восходящий к Книге Бытия (15, 5): «И вывел его вон и сказал: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков».

Стоит добавить, что разделение заимствований и параллельных фразем в разных языках требует тщательного анализа языкового материала

и соответствующей методологии, о чём подробно писали в отношении немецких заимствований в русском языке В.М. Мокиенко (Mokienko 1993) и А.К. Бирих (Бирих 2018).

В заключение хочется поднять вопрос о том, насколько многочисленны латинские фразематические кальки в польских говорах. Как оказалось, точно этого нельзя подсчитать, и вот почему. Во-первых, мы располагаем не общедиалектным фразематическим словарем, а только работами, которые представляют собой общий обзор польской диалектной фразематики. Во-вторых, подсчёту этого запаса препятствует двоякий исследовательский подход. В дифференциальном понимании диалектная фразема – это фразема, которая неизвестна в польском литературном языке. Исходя из второго подхода (трактующего говор как код, который не зависит от польского литературного языка), диалектными фраземами являются все единицы, зафиксированные в говорах. Следовательно, разница в определении количества латинских фразематических калек будет весьма значительной.

Татьяна Геннадьевна Никитина, ПсковГУ, Псков, Россия
cambala2007@yandex.ru

Фразеологические заимствования в русском языке: вторая волна адаптации³¹

Представлены результаты комплексного анализа современных трансформаций фразеологизмов, заимствованных в русский язык из французского и немецкого языков. Рассмотрены коммуникативно-прагматические факторы и механизмы трансформаций. Показаны возможности лексикографической репрезентации трансформаций заимствованной фразеологии.

Как известно, при заимствовании языковые единицы, в том числе фразеологизмы, подвергаются адаптации в языке-реципиенте. Так, при беспереводном заимствовании большинство фразеологизмов графически переоформляются: рус. *шерше ля фам* ← фр. *cherchez la femme*. В случае с полукальками этот процесс затрагивает отдельные компоненты фразеологической единицы (ФЕ): рус. *пить на брудершафт* ← нем. *Brüderschaft trinken*. Графическое переоформление заимствования или его фрагмента при этом строится с учётом фонетической адаптации иноязычного материала и звуко-буквенных соотношений в русском языке.

Грамматическая адаптация наблюдается при калькировании фразеологических единиц и в полукальках в случаях несовпадения средств выражения определённых логико-грамматических отношений в двух

³¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете)

языках, напр., атрибутивных (рус. *медовый месяц* — фр. *lune de miel*) или объектных (рус. *пить на брудершафт* — нем. *Brüderschaft trinken*). При калькировании также срабатывают механизмы лексической адаптации, когда из ряда возможных выбирается оптимальный для русского фразеологизма переводной эквивалент компонента, ср.: фр. *se reposer sur les lauriers* → *почивать на лаврах*.

В настоящее время можно говорить о новом этапе адаптации фразеологических заимствований, когда они включаются в трансформационные процессы, протекающие в русскоязычном коммуникативном пространстве на лексическом и фразеологическом уровнях. Анализ материала интернет-сайтов (2018-2019 гг.) позволяет заключить, что для целого ряда заимствованных фразеологизмов вектор трансформации – это сдвиг значения за счёт варьирования образного стержня, напр., для ФЕ *шерше ля фам* – ‘причиной произошедшего является женщина’ → *шерше ля нефть*, *шерше ля муж* (о проблемах, возникающих между государствами из-за цен на нефть, о разладе в семье по вине мужа) и т.п. В других случаях варьирование ведёт к буквализации оборота и реализации идеи поиска в шуточных объявлениях (*шерше ля фарш*, *шерше ля кот*) или же совета в рекламных продуктах: *шерше ля Франс* (приглашение в тур по Франции). Подбор вариантов стержневого компонента определяется не только коммуникативно-прагматическими установками номинатора, но и формальными «требованиями» к результату трансформации: сохраняется ритмическая структура оборота, если варьируемый компонент ФЕ односложен и, как в отдельных зафиксированных случаях, созвучен французскому *femme*, хотя встретились и отступления от принципа ритмического сближения: *шерше ля бабушку*, *шерше ля мужика*. Эти примеры свидетельствуют и о новом витке грамматической адаптации, когда варьируемый компонент получает материально выраженную падежную флексию, а его родовая принадлежность не всегда соответствует артиклю *la* (*ля*) женского рода, что усиливает комический эффект трансформации. Наиболее чётко аллюзия к исходной мотивировке оборота прослеживается в трансформе *шерше ля FEMEN*, использованном в заголовках газетных материалов, рассказывающих об акциях активисток этого секс-экстремистского движения.

Характерным для второй адаптационной волны заимствованных фразеологизмов является онимизация их исходной формы. Так, в последнее время выражение *шерше ля фам* активно используется в качестве наименования салонов красоты, женских парикмахерских, магазинов женской одежды и нижнего белья.

Названием ресторанов и баров в самых разных городах страны становится фрагмент другого заимствованного фразеологизма – *на брудершафт*, обозначающего в исходной форме (*пить на брудершафт*) шуточный акт установления дружеских отношений с переходом на «ты»: подносить к губам бокалы с алкогольным напитком, скрестив свою руку с рукой другого человека таким образом, чтобы образовались как бы

соединенные кольца (Бирх – Мокиенко – Степанова 1994, 60).

В отличие от рассмотренного выше французского заимствования, здесь наиболее подвижным при трансформировании оказывается не именной образный стержень, а глагольный компонент оборота: *есть/ поесть на брудершафт, пообедать на брудершафт, отдохнуть на брудершафт* и др., при обозначении действия, совершаемого вместе с близким человеком или в хорошей дружеской компании. Имеются и иронически коннотированные употребления подобных трансформов: *Посидим на брудершафт* – подпись под фотографией больничного туалета, оборудованного унитазами без кабинок³². Семантический компонент совместности сохраняется в случае фразеологической отглагольной деривации (*отдых на брудершафт*) и при создании новых образных выражений по данной модели (*ночь на брудершафт*).

Приобретающее все большую семантическую самостоятельность предложно-именное сочетание *на брудершафт* под влиянием одноструктурного оборота [*быть*] на «ты» с кем-л. приобретает аналогичную синтаксическую валентность, реализующуюся в заголовках интернет-публикаций: *На брудершафт с драконом*³³, *На брудершафт со смертью*³⁴, *С галлюцинацией на брудершафт*³⁵. Здесь можно говорить и о контаминации с оборотом [*быть, остаться*] один на один с кем-л., т.к. зачастую подобные обороты приобретают и оттенок ‘наедине с кем-л., чем-л.’, ср., напр., в названии и тексте песни группы «Новый Союз» – *На брудершафт со своим страхом* (2013):

Куда бежать, если хода нет, чтоб избежать этой зоны бед?

*Надо решать лишь одним махом на брудершафт со своим страхом*³⁶

Слово *брудершафт* толковые словари русского языка представляют как заимствование из немецкого языка, фигурирующее исключительно в составе фразеологизма (БТС, 99). Однако в последнее время все чаще встречается самостоятельное употребление слова как обозначение описанного ритуала перехода на «ты»: *Брудершафт полезен. Если мне скажут: «Ты дурак», – это ещё полбеды, а если мне скажут: «Вы дурак», – без дуэли не обойтись*³⁷.

Задача фразеологов и лексикографов – фиксировать и интерпретировать результаты трансформаций заимствованного фразеологического материала с целью выявления тенденций в данной сфере, обнаружения специфики трансформационных механизмов, реализующихся на заимствованном и исконном материале, прогнозирования языковой динамики на фразеологическом уровне.

В заключение в качестве примера лексикографической фиксации

³² https://pikabu.ru/story/posidim_na_brudershaft_1849907

³³ <https://litnet.com/ru/book/na-brudershaft-s-drakonom-b74042>

³⁴ <https://clipon.club/40.html>

³⁵ <https://www.stihi.ru/2010/12/05/5756>

³⁶ <http://hip-hop.name/novyj-soyuz-na-brudershaft/>

³⁷ <https://alco-boss.com/prochee/pit-na-brudershaft.html>

современного состояния фразеологических заимствований приведём схему словарной статьи «Летучий голландец», разработанной по материалам, представленным в словаре А.К. Бириха, В.М. Мокиенко и Л.И. Степановой (Бирих – Мокиенко – Степанова 1994), и отобранном на интернет-сайтах (2018-2019 гг.).

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ. < Калька с нем. *Der fliegende Hollander* (восходит к средневековой легенде о капитане, который поклялся в бурю обогнуть мыс, преграждающий путь, даже если это будет стоить ему жизни или длиться вечно. За свою гордыню он был наказан судьбой: призрак капитана и его корабля с тех пор вечно носится по морю (Бирих – Мокиенко – Степанова 1994, 119). 1. *Часто шутл.* О постоянно путешествующем, странствующем человеке, скитальце. (Бирих – Мокиенко – Степанова 1994, 119). 2. *Часто шутл.* О непоседливом, суевликом человеке (Бирих – Мокиенко – Степанова 1994, 119). 3. *Шутл.-одобр.* О голландском футболисте (Р. Ван Перси, М. ван Бастен и др.), отличающемся высоким профессионализмом – быстротой перемещения по полю, эффектными выпрыгиваниями при игре головой³⁸ // мн. **ЛЕТУЧИЕ ГОЛЛАНДЦЫ.** О сборной Голландии по футболу³⁹. 4. В названиях плавучих ресторанов, комплексов отдыха на воде, гостиниц⁴⁰. 5. В названиях аттракционов, связанных с полетами, веревочных экстрим-парков⁴¹. ** **Летучий германец (немец).** 1. О неопознанном летающем объекте, якобы регулярно появляющемся в поселке Ядрово Волоколамского района, напоминающем «мессершмидт» времён Второй мировой войны⁴². 2. *Шутл.-одобр.* О немецком легковом автомобиле высокого класса – Mercedes-Benz, Volkswagen, BMW⁴³. 3. *Шутл.-одобр.* О немецком спортсмене, демонстрирующем высокие скоростные качества или высокие прыжки – С. Феттель, Ю. Клопп⁴⁴. ** **Летучий ирландец.** 1. Собака породы ирландский сеттер⁴⁵. 2. В названии питомника, где разводят собак породы ирландский сеттер⁴⁶. ** **Летучий итальянец.** Об итальянском поезде-призраке, который, начиная с середины XIX до настоящего времени, якобы появляется в разных странах, на разных континентах⁴⁷.

³⁸ https://www.eurosport.ru/football/bundesliga/2018-2019/story_sto6979548.shtml

³⁹ <http://bet-team.ru/sportnews/niderlandy-germaniya-prognoz-na-igru-ligi-naciy-1539312645/>

⁴⁰ <https://gollandec.ru/>; https://www.instagram.com/letuchiy_gollandec/

⁴¹ <https://novate.ru/blogs/081018/48021/>; <http://kuponcho.ru/offer-description/763107>

⁴² <http://www.nearyou.ru/0other/u16divo.html>

⁴³ [zr.ru>content/articles/15322-letuchij_germanec/](http://zr.ru/content/articles/15322-letuchij_germanec/); drive2.ru/r/bmw/1516186/; avtoklass.su/review/3-stati/obzory/1864-12145

⁴⁴ [caravan.kz>gazeta/letuchijj-nemec-neuderzhim...](http://caravan.kz/gazeta/letuchijj-nemec-neuderzhim...); [football24.ua>Новости футбола/letuchij_nemec_klopp...](http://football24.ua/Новости_футбола/letuchij_nemec_klopp...)

⁴⁵ setter.web-box.ru; [konura.info>forum/index.php?topic=654.5](http://konura.info/forum/index.php?topic=654.5)

⁴⁶ hochusobaku.ru > Питомники и заводчики собак > 1682

⁴⁷ [vk.com>topic-32482446_33348853](https://vk.com/topic-32482446_33348853)

**** Везучий голландец.** *Шутл.* Футбольный тренер Гус Хиддинк (Голландия), который добился больших успехов с российской и другими футбольными сборными⁴⁸.

**** Ползучий голландец.** *Ирон.* В названии песни Александра Лаэртского об алкоголике⁴⁹.

Наталья Федоровна Венжинович, Ужгородский национальный университет, Ужгород, Украина
vennata2017@gmail.com

О заимствованиях в украинской фразеологии

Рассмотрены примеры использования заимствованных фразеологических единиц в украинском языке в сопоставлении с английским и русским. Автор демонстрирует различные особенности заимствованных фразеологизмов. Делается вывод о том, что заимствования занимают довольно значительную часть украинской фразеологии, обогащая её, делая более насыщенной и выразительной.

Современная лингвистика ныне всё чаще обращается к изучению языковых явлений в лингвокультурологическом аспекте. Поскольку фразеологизмы образно отражают различные стороны жизни и деятельности человека, они не раз уже становились предметом научных изысканий. Целью нашей работы является описание нескольких заимствованных фразеологизмов в обозначенном аспекте и определение их роли во фразеологической системе украинского языка.

Интересными для нас представляются взгляды на указанную проблему украинских (Б. Ажнюк, 1989; В. Кононенко, 1996; А. Приходько, 2008; В. Ужченко, 2007) и зарубежных лингвистов (А. Зализняк и др., 2005; А. Мелерович, 2008). В трудах В. Мокиенко (2006; 2007) прослеживается возникновение первичного образа фразеологизма, представлены глубокие этимологические разработки, которые способствуют усвоению большого объёма информации об устойчивом фразеологическом выражении. Б. Ажнюк считает, что фразеологизмы «являются носителями не только предметно-логического значения, в их форме отражены, “сфотографированы” характерные черты этнокультурного облика данного народа» (Ажнюк 1989, 3). А. Мелерович (2008, 29) утверждает, что «исследование проблемы моделирования фразеологических единиц имеет новые перспективы в связи с изучением фразеологии в когнитивном аспекте как системы языковых средств, которая особым образом фиксирует процессы познания, отображения сознанием объективной действительности, а это служит своеобразным языковым кодом преобразования и сохранения информации об окружающем мире, выражения отношения к познаваемому миру».

⁴⁸ <https://rfs.ru/news/197317>

⁴⁹ megalyrics.ru/lyric/aliexandr...polzuchii...

Источниками материала нашего исследования являются словари и другие справочные издания (АУФС, БСУ, БФСРЯ, БРАФС, СФУМ, ФССРЛЯ).

В предложенной работе мы представим несколько примеров лингвокультурологического описания заимствованных фразеологизмов со значением 'большое количество, много'.

Англ. *Danaidean task* (БРАФС, 30); укр. *бочка Данаїд, бездонна (дірява) бочка* – 'большое количество чего-то, напрасно истраченное' (перевод наш. Н.В.) (СФУМ, 37); русск. *бочка Данаид, бездонная бочка* (ФССРЛЯ, I,76) – то же.

Бездонная бочка (бочка Данаид) – дочерей царя Даная. Данай, правитель острова Аргос, был знаменитым не только тем, что имел пятьдесят дочерей, но и тем, что обучал людей копать колодцы. Царевы дочери-данаиды помогали отцу искать источники. По словам мудреца, Данай должен был погибнуть от руки своего зятя. А их должно быть пятьдесят. И когда брат Даная – Египет, отец пятидесяти сынов, сделал всё, чтобы Данай отдал своих дочерей ему в невестки, отец уговорил невест убить своих мужей в первую брачную ночь. Это сделали все, кроме одной, которая на самом деле успела полюбить своего избранника. Сорок девять сестер были сурово наказаны: боги обрекли их наполнять водой бездонную бочку в подземном царстве – Аиде. Такая кара была не случайной – доброе дело делали данаиды в земной жизни – находили людям источники воды. После их преступления – убийства мужей – боги вернули данаид к первичному доброму делу – к воде, но уже как объекту мучения. Каждый, кто совершит зло, пожалеет о времени, когда он творил добро, но возврата не будет (БСУ, 64).

Англ. *the lion's share; the grater part (of sth.); the bulk (of sth.)* (из басни Эзопа) (АУФС, 61); укр. *левова пайка (частка) чого* – 'очень много или большая часть' (СФУМ, 481); русск. *львиная доля* (ФССРЛЯ, I, 558) – *тс*;

Фразеологизм в целом выступает в роли эталона большей части, большого количества чего-л. (БФСРЯ, 368).

Англ. *pour down (on s.o.) as if from a horn of plenty (as if from a cornucopia); rain down (on s.o.) in a never-ending stream* (БРАФС, 545); укр. *як (мов, ніби і т. ін.) з рога достатку (Амальтеї)*, книжн. – 'в большом количестве, щедро' (СФУМ, 602); рос. *как из рога изобилия* – об источнике неисчерпаемого изобилия чего-л. (перевод с лат. *cornu copiae* – рог, наполненный цветами и плодами, символ изобилия) (ФССРЛЯ, II, 259).

Речь идёт о роге козы Амалфеи, наполненном цветами, фруктами и овощами. Его почитали и считали своим символом божественная Гея, могущественный Геракл, богиня судьбы Фортуна и бог богатства Плутон. Амальтея – удивительная коза: она вырастила Зевса, которого прятали на Крите от Кроноса, жестокого бога, пожиравшего детей, он хотел съесть малолетнего Зевса. А Зевс, когда стал богом богов и людей, победил Кроноса и заставил его извергнуть всех детей целыми и здоровыми. Кроме того, благодарный бог-Громовержец забрал козу Амальтею на небо и

превратил ее в созвездие. Рог козы, вознесённой к звездам, многое подарил своим спасителям: из этого рога они могли брать всё, что и сколько пожелают – а богатство в роге не уменьшится. Т.е. неисчерпаемым может быть лишь достаток, источником которого является добро, способность отдавать, а не приобретать. (БСУ, 15-16).

Англ. *baker's (devil's, great, long, printer's) dozen* – по старому английскому обычаю, торговцы хлебом получали от булочника 13 хлебов вместо 12, что и составляло их доход (АУФС, 61); укр. *чортове число, чортова дюжина* (СФУМ, 764) – ‘тринадцать’; русск. *чёртова дюжина* (ФССРЛЯ, II, 754) – то же.

Дюжина – старинная мера счета (равняется 12), которая использовалась до введения в России в 1918 г. метрической системы мер, а также 12 однородных предметов. Чёртова дюжина – это тринадцать. Образ фразеологизма соотносится с числовым кодом культуры, в котором те или иные числа наделяются значимыми для культуры смыслами. В большинстве культур и религий числа имеют сложную и многозначную символику. В христианской традиции неприятие числа тринадцать и наделение его отрицательными значениями связано с присутствием 13-ти участников Тайной Вечери, один из которых предал Христа. В Европе 13 воспринимается как дьявольское, «ведьмацкое» и чёрно-магическое число. Несчастливое число 13 – *чёртова дюжина* – традиционно противопоставляется счастливому числу 12 – дюжине (12 Апостолов, 12 месяцев годового цикла и др.). Тринадцать является одним из любимых чисел дьявола, носителя мирового зла, на что в образе фразеологизма указывает имя прилагательное *чёртова* (БФСРЯ, 724).

Особенности выявления общих и специфических признаков соотносительных фразем языков тесно связаны с общностью и специфичностью их семантической мотивации, внутренней формы, образной основы. Несмотря на то, что значительная часть фразеологии восходит к одним и тем же источникам, многие соотносительные по значению фраземы существенно расходятся по мотивационным признакам, образной основе и метафоричности.

Первоначальное семантическое наполнение фраземы и её компонентов в современном употреблении обычно не проявляется, однако оно опосредованно воздействует на содержательный план, присущие ей модально-оценочные, усилительные значения, стилистическую квалификацию.

Мотивирующие основы соотносительных фразем языков могут расходиться в большей или меньшей степени, приводить к наличию в другом языке качественно отличных оборотов; при этом параллельно с фраземами иного образования могут употребляться свободные сочетания слов или отдельные слова, лишённые метафоричности и образности.

В процессе сравнения фразеологизмов материал чужих языков мы воспринимаем через призму родного языка, пропуская информацию через своё сознание, учитывая свой жизненный опыт. Если в украинском и

русском языках это делать легче, потому что у носителей этих языков есть много общего в истории, культуре, обычаях, традициях, то при анализе устойчивых выражений английского языка возникают трудности непонимания ментальных особенностей его носителей. В таком случае необходимо обращаться к справочной литературе, помогающей лучшему пониманию значения языковых единиц.

**Ирина Владимировна Кузнецова,
Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я.
Яковлева, г. Чебоксары, Россия**

irinak47@yandex.ru

**Александр Викторович Савченко, Государственный университет Чжэнчжи,
г. Тайбей, Тайвань**

savchenko75@mail.ru

**Михаил Сергеевич Хмелевский, Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия**

chmelevskij@mail.ru

Влияние русской фразеологии на современный разговорный украинский язык, суржик и жаргон⁵⁰

Фактическое русско-украинское двуязычие Украины, близкородственность обоих языков, языковая конвергенция и интерференция, языковой сдвиг у жителей крупных украинских городов в сторону русского, тесные исторические и культурные связи, распространённость массовой русской культуры и русскоязычных СМИ на большей части страны породили целый ряд языковых явлений в области украинской фразеологии на разговорном уровне и в жаргоне. В частности, речь идёт о заимствованиях, калькировании и языковом обыгрывании русских устойчивых единиц в современной разговорной украинской речи, а также авторских трансформациях в речи украинцев, пользующихся в бытовом общении русским просторечием либо суржи́ком, которые возникают спонтанно по уже существующим языковым моделям. В разделе рассмотрены примеры употребления в повседневной речи украинцев фразеологических единиц, возникших под влиянием русского языка и характерных в основном для общедно-разговорного украинского языка или его просторечной формы реализации.

Говорить однозначно обо всей Украине в языковом отношении, делая при этом обобщающие выводы, довольно сложно, в отличие от России, где строго установленная норма практически не имеет отклонений и функционирует от Калининграда до Владивостока (с редкими исключениями южной части страны,

⁵⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект "Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине" (№ 18-012-00754).

сельских местностей Севера или Сибири). Именно это можно считать главным отличием языковой ситуации в России от украинской «разноликости» – как в языковом, так и культурном плане, т.к. здесь многое зависит от региона, социального статуса говорящего, степени национального самосознания и образованности, а также весьма характерного для украинской языковой ситуации противопоставления «город – село». Немаловажным фактором включения в украинскую разговорную речь русизмов или трансформированных устойчивых единиц из русского языка является и гендерный, когда мужчина, отслуживший в советской армии или получивший образование в период СССР, которое велось исключительно на русском языке, намного чаще русифицирует свою речь, чем женщина, которая постоянно жила и работала в украиноязычной среде. Возрастной фактор также имеет определённое значение в рамках рассматриваемого вопроса, поскольку, с одной стороны, современная украинская молодежь, получая образование на украинском языке, пользуется им и в бытовом общении (Киев, Полтава, Львов), с другой – функцию сильно жаргонизированного стиля общения (в основном подростков, в том числе и украиноязычных) выполняет русский язык, чрезмерно перенасыщенный просторечными выражениями и бранной лексикой с целью создания некоего эффекта маргинальности («круто ботать по фене») по причине лакунарности данного стиля в современном украинском языке (Тараненко 2001, 16).

Данное явление осознанного перехода на русский язык встречается у украиноязычной маргинальной молодежи Центральной и Западной Украины – от рэперов, панков, асоциальных элементов до школьников-подростков – и выполняет функцию арго, жаргона, студенческого сленга, блатного языкового кода и является признаком принадлежности к той или иной неформальной группировке (тусовке). В этом смысле показательны ситуации, которые неоднократно наблюдались в ходе наших полевых исследований на Западной Украине, когда молодые люди в общении с девушками пользовались родным украинским языком, а, оставаясь наедине и разговаривая «о своём, о мужском», осознанно переходили на русский в его сильно жаргонизированном виде с перенасыщением русской нецензурной лексикой (Хмелевский 2017, 101). Это подтверждается как работами украинских филологов (Шовгун 2000, 9; Ставицька 2003, 15 и др.), так и нашими многолетними наблюдениями, что во многом обосновывает содержание и выводы настоящей работы.

Как пишет украинский социолингвист Л. Т. Масенко (Масенко 2004, 108), подобное явление может быть объяснено проблемой недостаточной разработанности украинского разговорного, обиходного языка, украинского просторечия, книжностью литературного языка и даже некой ущербностью языка в непринужденном повседневном общении. Таким образом, вследствие подобного социально-функционального расслоения языковых кодов возникает такой психологический факт, что, «общаясь на украинском языке, вы автоматически употребляете “высокий стиль”, а когда переходите на русский или суржик, то рискуете незаметно опуститься если не до уличного сленга, то до низкого стиля, панибратского» (Забужко 2000, 57).

В качестве отступления от общей канвы настоящего раздела следует подчеркнуть, что процесс влияния жаргонной лексики был взаимным и проходил в обоих направлениях (Мокиенко 2001, 366). Так, в современном русском языке (в основном в просторечии и жаргоне) мы встречаем немалое количество украинизмов и украинских конструкций, прижившихся в русском и уже не воспринимаемых как не родные.

Освещение этой темы не входит в задачи нашего исследования и не затрагивается, что, однако, не умаляет её перспективность и требует более основательного отдельного описания.

Итак, процесс влияния русского языка на украинское просторечие и жаргон обусловлен целым рядом причин и различных факторов, среди которых, в частности, можно выделить следующие:

- интерференция близкородственных языков как результат многовековых тесных контактов двух географически и культурно-исторически близких, но всё же разных по своему мировоззрению и менталитету народов – русских и украинцев (Курохтина 2010, 5),

- языковая и социально-культурологическая конвергенция, что логически объясняется предыдущим постулатом,

- исторические факторы – тесные политико-исторические и культурно-религиозные связи, общность и узнаваемость украинцами массовой культуры – всё это и многое другое наложило значительный отпечаток на сознание и менталитет прежде всего жителей Центральной и Юго-Восточной Украины,

- фактическое отсутствие просторечного украинского узуса, который, как подчёркивалось выше, в действительности реализуется в виде русско-украинского суржика либо просторечной формы русского языка, либо русского языка в своём специфическом преломлении с сильно расшатанной нормой,

- несмотря на языковые законодательные нововведения последних лет, русский язык в той форме, в которой он используется на большей части территории современной Украины, до сих пор остаётся языком обиходно-разговорного стиля, средством повседневного общения, в особенности в крупных городах страны.

Узнаваемые и нередко вставляемые в украинскую речь русские лексические единицы, включая фразеологизмы или их обыгрывания, представляют собой определённый маркер либо обиходно-разговорного стиля (в зависимости от региона, о чем говорилось выше), либо средство создания комического эффекта, либо же факт недостаточно глубокого владения украинцем обоими литературными языками, вследствие чего у него отсутствует глубинное понимание тех или иных языковых метафорических переносов в устойчивых единицах (в основном это касается Юго-Восточной Украины и крупных городов Поднепровья).

Классическими примерами могут служить такие употребления, как: *в центрі міста розбили парк* в.м. литературного *посадити, насадити* (глагол *розбити* в украинском имеет лишь одно значение: ‘разбить, уничтожить’); *треба приймати міри* в.м. *вживати заходів; попередити інфекції* в.м. *запобігти*

інфекції; приймати участь вм. *брати участь*; *ворона в павиному пір'ї* вм. исконно украинского фразеологизма *убрався в жупан – і думає, що пан*; *мається у віду* вм. *мається на увазі* и др. Подобные примеры устойчивых выражений являются результатом русско-украинской интерференции и довольно часто встречаются не только в разговорной речи, но и в официальной деловой речи, включая язык СМИ⁵¹.

Обратимся к современным заимствованиям и калькам в украинской фразеологии из русского языка, при этом отметим, что данное явление далеко не ново. Так, калькированная из тюркских языков поговорка *Собака лаєт, [а] караван іде* известна русскому языку с XIX в. В украинском языке поговорка *Собака гавкає, [а] караван [собі] іде* появилась относительно недавно, языком посредником стал русский (с вариантами *бреше, лає*) (Кузнецова, Юлдашова 2019, 106): *Хочуть відправити у відставку, щоб дестабілізувати ситуацію. Опір не дитячий. Але собака гавкає, караван іде*.

Представим структурально-модельную категоризацию подобных единиц, согласно которой их можно распределить по следующим семантическим группам:

1. Явные культурологические кальки, придающие разговорному украинскому языку дополнительное экспрессивное насыщение и выступающие как средство выражения сильной эмоции или как маркер просторечия и непринуждённого стиля общения. По уровню воздействия на собеседника некоторые из них во многом превосходят степень эмоционального воздействия на носителей русского языка, с другой стороны – наоборот, как пришедшие из другого языка они не всегда воспринимаются так остро и экспрессивно, как носителями русского языка. Здесь можно привести такие примеры, как: *З дисертацією – повний абзац!*; *Плаття собі купила – повний абзац!*; *з великого бодуна* (*бодун* – рус. разг.); *забити (забивати) косяка* – ‘набить сигарету наркотичным веществом, травой’; *в натурі* – ‘русское жаргонное выражение негативной эмоции, вставка-паразит’; *брати на понта* – украинизированный русский жаргонизм; *без стограм не розбереш* – русское жаргонизированное устойчивое выражение; *пролетіти як фанера над Парижем* – ‘потерпеть неудачу’ – явная культурологическая калька из русского просторечия; *на халяву оцот солодкий* – украинизированное русское устойчивое выражение; а также *прикинутися шлангом*; *шнурки в шклянці*; *переводити стрілки*; *прикинутись чайником* и т.п. – созданные под влиянием русского молодежного жаргона, широко распространённые и хорошо узнаваемые даже в украиноязычной среде.
2. Русские жаргонизмы в современном украинском просторечии и языке молодежи: *розколотити на випивон* – ‘заставить кого-либо угостить

⁵¹ Здесь и далее приводятся примеры из разговорной украинской разговорной речи, фиксации из которой собирались нами в ходе полевых исследований на Украине в течение 2007-2019 гг., современных украинских СМИ, а также из книги О. Пономарева «Культура слова» (Пономарів 2001), Краткого словаря жаргонной лексики украинского языка (Ставицкая 2003).

спиртным»; *галіміий як тисяча бубнів* – ‘про глупого и несолидного человека’; *знати фуфло* – ‘фантазировать, нести чушь’; *криша поїхала* (вм. укр. *дах* – ‘крыша’); *знати порожняка* – ‘лгать, врать’; русские штампы и устойчивые сочетания в украинском просторечии: *раздавити пузря / Пузир Петровича*; *вагон і возик* – «вагон и маленькая тележка»; *ліпити горбатого* – ‘врать, лгать, рассказывать что-либо смешное’; *при совку* (т.е. во времена Советского Союза, укр. *Радянський Союз*); *дати в лапу* – ‘дать взятку’, *заягти на дно*; *рвати кігти, сидіти на кольосах, сидіти на підсосі, грімуча суміш* (о смешении алкогольных напитков), *труби горять* – ‘о желании выпить в похмелье’ и т.п.

3. Ставшие уже устойчивыми и фиксируемые украинскими словарями единицы с прецедентными для русской культуры именами собственными, не характерными для украинского узуса: *Плюшкинський базар* – гоголевский каламбур – ‘место, где продают старые вещи’; *порвати як тузик грелку* (*Тузик* – только русская кличка собаки); *Вася – хлопець / Вася пітерський / Вася приморожений* – ‘глуповатый’; или ставшие устойчивыми сочетаниями в междометном значении ‘Всё пропало! Всё очень плохо!’ как средство экспрессивного выражения досады или раздражения: *повний Облом Іванович!*; *От тобі і повний Йосип Кобзон!*
4. Жаргонизация украинской речи представлена такими сочетаниями, возникшими под влиянием русского языка, как *біла гвардія* – ‘люди, употребляющие белые наркотики’, *Іхтіандра викликати* – ‘блевать в унитаз’, а также русские прецедентные тексты *мочити в сортирі (нужнику)*; *процес пійшов* – из произведения «12 стульев», актуализированное в 90-е гг. благодаря М.С. Горбачеву. Сюда же отнесём такие прецедентные для русского дискурса фразы, как *червона шапочка* – ‘солдат, уволенный из войск МВС’; *Дивись хто це йде?! – Це ж Микола! Зараз пойдєт гулять губернія!*, или же авторские, но хорошо узнаваемые украинцем ввиду общего для двух народов русского культурного пространства и массовой культуры: *Я повернуся за сімнадцять мгновеній весни!*; *Що ти тут мені встав, як Союз нерушимий республік свободних?!*
5. Устойчивые единицы из сферы криминального мира, попавшие в украинский сленг посредством русского блатного жаргона: *відбити бабки, кінчай базару!*, *відповідай за той свой базар, фільтруй базара* ‘думай, что говоришь’ (*фільтровать базар* – выражение, распространённое с 60-ых гг. на территории бывшего СССР; *базар* – ‘разговор’, тогда как украинская лексема *базар* данного значения не имеет); *в натурі* – «русское жаргонное выражение негативной эмоции, вставка-паразит ‘правильно, верно’»; *ліпити горбатого* – ‘врать, лгать, рассказывать что-либо смешное’; *знати порожняка* – ‘нести чушь,

говорить ерунду»; *знати фуфло* – ‘лгать, врать, фантазировать’ (из русского воровского жаргона); *бочку катити (покатити)*, где *бочка* – ‘сторожевая будка, охранная вышка на КПП’; *вік волі не бачити* – воровская клятва, *втирати окуляри* – крим. ‘обманывать’ и т.п.

Таким образом, на территории современной Украины исторически существуют и оказывают взаимное влияние друг на друга сразу несколько языковых кодов, обслуживающих различные уровни обиходно-разговорного языка повседневного общения, в том числе смесь украинского и русского языков в Центральных и Юго-Восточных регионах Украины, т.н. русско-украинский суржик на всех уровнях языковой формации, в том числе и на фразеологическом. Выделим наиболее показательные примеры, иллюстрирующие данное утверждение относительно русско-украинского суржика:

а) фразеологическая интерференция: в обиходно-разговорной речи украинцев: *по плану* – вм. *згідно з планом*, *за мою думкою* вм. *на мою думку*;

б) языковая интерференция в устойчивых сочетаниях в русско-украинском суржике: *мається у виду* – вм. *мається на увазі*; *в кінці кінців* вм. *в решті решт*, *приймати участь* вм. *брати участь* и т.п.;

в) русские фразеологизмы в украинской фонетической обработке, имеющие эквивалент или аналог в литературном украинском языке: *не ликом шитий* – вм. *не в тім'я битий*, *кинутися у вічі* – вм. *впасти в око* и т.д.;

г) лексические кальки (зачастую на жаргонном уровне): *прапор тобі в руки!*; *втирати окуляри*; *плювати в стелю* вм. *байдики бити* и т.п.;

д) русские фразеологически устойчивые выражения, перенесенные на украинскую языковую почву: *а віз і нині там*;

е) семантически некорректно употребляемые русские фразеологизмы в русско-украинском суржике, в основном авторские употребления, но довольно частые как манера речи у жителей центральных и юго-восточных регионов страны: *я мовчу, як та рыба об той льод*; *Це для мене Шишкін лес* – в значении ‘не разбираюсь, темный лес’ (соединение фразеологизма *темный лес* и фамилии русского художника, автора известной картины «Утро в сосновом бору»).

В связи с этим в качестве иллюстрации вышесказанному приведём весьма показательное высказывание украинского общественного деятеля и писателя В. Винниченко 1-ой половины XX в., которое цитирует в своём опусе современная украинская поэтесса и ценитель красивого украинского слова О. Забужко: «В начале нашего столетия Владимир Винниченко полушутя-полусерьезно заметил, что за судьбу украинского языка он будет совершенно спокоен только тогда, когда на нём заговорит криминальный мир – когда где-нибудь в тёмном закоулке ночью его остановит, блеснув на фоне фонаря ножичком, пьяное мурло и чистісінькою українською гавкне: “Руки вгору! В якій кишені гаманець?” (в каком кармане кошелек’), или приблизится женщина лёгкого поведения и, заманчиво улыбаясь, скажет что-то типа: “Сумуєш, котику? Може, підемо?”» (Забужко 1999, 340).

Итак, нами были представлены основы многоаспектного анализа влияния русского лексического и фразеологического фонда (включая прецедентные тексты, жаргонизмы и лексико-семантические кальки) на современную украинскую разговорную речь как один из способов пополнения лексического и фразеологического состава украинского просторечия. Таким образом, констатируется тот факт, что под влиянием русской массовой культуры в самом широком спектре её проявления (от классической русской литературы вплоть до языковой игры в русскоязычной жёлтой прессе, языка музыкальной культуры и медиа-культурных развлекательных русскоязычных программ) формируется пласт современного украиноязычного обиходно-разговорного дискурса, включая фразеологический уровень. Русская фразеология и русские прецедентные феномены нередко становятся источниками пополнения украинского просторечия и разговорно-жаргонной фразеологической неологии, стилистически маркируя непринужденность и неформальность коммуникации.

Проникновению и возникновению подобных устойчивых выражений в украинском языке во многом способствует «переходный» русско-украинский языковой код – суржик, а также превалирующее русскоязычие в юго-восточных регионах страны и билингвизм на всей территории Украины. Подобные вставки, кальки, трансформации из русского являются яркими маркерами обиходно-разговорной украинской речи, просторечия, неформального общения, принижённого стиля и жаргона, ими заполняется некоторая лакуна данного пласта в украинском языке.

Елена Каировна Николаева, РГГМУ, Санкт-Петербург
elena_kairovna@mail.ru

Польские фразеологические кальки в русском языке (исторический аспект)

На примере памятника польской литературы 1599 года «Апофтегмата» – «Krótkie a węzłowate powieści» Беняша Будного показан один из продуктивных способов проникновения польских пословиц в русский язык в XVII-XVIII вв. (который мы можем изучать и демонстрировать благодаря письменной фиксации) – это переводные художественные произведения. Многие выражения из этого средневекового произведения оказались зафиксированы в современном сборнике «услышанных в живой речи» пословиц, собранных М.И. Соколовой.

Проблема польских заимствований в русском языке неоднократно становилась предметом интереса исследователей (см. работы Ст. Кохмана, В. Витковского, Л.П. Гарбуль, В.М. Тамань, В.М. Шетеля, Е.М. Иссерлин, В.М. Мокиенко и др.). В большей степени это касается лексики русского языка, в гораздо меньшей – фразеологии в широком понимании этого термина, т.е. включая и пословичный материал. Известно, что в XVII в.

польский язык был языком-посредником между русской и западно-европейской литературой. Польско-русские литературные связи были весьма обширны (Николаев 2008). И один из продуктивных способов проникновения польских пословиц в русский язык в XVII-XVIII вв. (который мы можем изучать и демонстрировать благодаря письменной фиксации) – это переводные художественные произведения. Вследствие языковой близости славянских языков многие переводчики переводили польские пословицы и поговорки буквально, иногда просто транслитерируя отдельные компоненты: *Людие суть яко очи: иных видят, себе же никакко; островижевы вне дома, в дому же своем кротовы* (XVII в. рукописный сборник) – *Ostrowidzowie przed domem, w domu swoim kretowi własnii* (НКРР II, 750). *Ляхи <...> притчу правят: нерядом Польска стоит*, (ср. *Nierządem Polska stoi* – НКРР II, 1005); *Чорт ли в титуле, Коли пусто в шкатуле* (Пьесы любительских театров. М., 1976. С. 566) – *Co po tytule, kiedy pusto w szkatule* (НКРР III, 557). Иногда вследствие этого возникала межязыковая омонимия (омофония), ложные друзья переводчика. Так, Иван Новиков в своём произведении «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и скаски» (1785-1786) переводит пословицу *Jaki pan, taki kram* (букв. Каков хозяин, такова и лавка) как *каков пан, таков и храм*, ошибочно восприняв слово *kram* ‘лавка’ как ‘храм’ и разрушив тем самым внутреннюю форму пословицы (*каков поп, таков и приход*).

Дальнейшая жизнь подобных калек (и шире – заимствований) польских пословиц и фразеологизмов в русском языке различна: большая часть так и осталось на страницах произведений, но некоторые были приняты русским языком, зафиксированы в словарях и встречаются в произведениях других авторов. Я хотела бы остановиться на одном памятнике польской литературы 1599 года, который был очень популярен в России в XVII-XVIII вв. и сыграл определённую роль в формировании русского паремииологического фонда – «Апофтегмата» – «*Krótkie a węzłowate powieści*» Беняша Будного. «Апофегматы» (греч. мн.ч. Апофегмата) – сборники светской повествовательной литературы, содержащие *апофегмы* – остроумные изречения, анекдоты, занимательные и нравоучительные рассказы о знаменитых людях античности и средневековья (Сазонова 1992, 94). Основу подобных сборников составляли краткие рассказы из трудов античных писателей и философов (Плутарха, Овидия, Сократа, Платона). Они были очень популярны в средневековой Европе, потому что являлись занимательным «чтивом», развлекательным и одновременно поучительным. Особым успехом в восточнославянских странах пользовались «Апофегматы» Беняша Будного (переводчика, писателя, уроженца Литвы). Приводя случаи из жизни знаменитых людей Древней Греции и Рима, автор сообщал и их наиболее знаменитые изречения, а также густо насыщал комментарии к рассказам польскими народными пословицами. Впервые этот сборник был издан в Вильно в 1599 и только в первой половине XVII в. выдержал 11 изданий.

В России (как и в Белоруссии, и на Украине) «Апофегматы» распространялись и на языке оригинала (польском), и в переводах. В одной рукописи конца XVII в. сохранилась даже кириллическая транслитерация этого сочинения, предназначенная для тех, кто понимал польскую речь, но с трудом читал латиницу. Третий перевод Апофегмат (1711 г.) оказался первым печатным переводом, он был опубликован (по повелению Петра Первого) в 1711 г. в Москве и набран только что введённым гражданским шрифтом. В течение XVIII в. этот перевод выдержал 10 изданий, но продолжал распространяться и в рукописном виде. Судя по записям и заметкам на сохранившихся экземплярах произведения (рукописных и печатных), читателями «Апофегмат», как пишет Л.И. Сазонова (1992, 97), были дворяне, духовенство, купцы и даже крестьяне. Избранные апофегмы попали в «Письмовник» Н.Г. Курганова (1769), представлявший собой комплексное учебное пособие, литературную хрестоматию и своеобразную энциклопедию популярных знаний и потому ставший настольной книгой многих поколений русских. Популярность этого произведения подтверждает, например, и тот факт, что Стефан Яворской и Дмитрий Ростовский, известные культурные деятели России начала XVIII в., из этого произведения черпали изречения «для придания собственным писаниям той «эlegantности», которая так ценилась у писателей европейского барокко» (Панченко 1973, 144).

Всё это доказывает, что этот памятник польской культуры был широко известен в России, влияние его на русский язык, в частности, на паремологию могло быть (и оказалось) весьма значительным.

Приведу пример одного рассказа из Апофегмат:

«Лакедемончик вопрошен: почто взял жену зело малого возраста, рече: того ради, что от двою злу избирая, лучше избрах меньшее зло. Сим показал: яко диво на свете жена добрая» (по публикации: Małek, Nikolajew 2012, 408).

В 2016 г. польская исследовательница Э. Малэк опубликовала небольшую монографию «Собрание 4291 древних российских пословиц и Апофегматы Беняша Будного», где доказала, что одним из важных источников этого сборника пословиц стал перевод с польского произведения Беняша Будного (Małek 2016). Каждая заимствованная паремия описана Э. Малэк в отдельной статье, которая включает в себя 1) собственно единицу; 2) библиографические ссылки на все три издания словаря «Собрание 4291 древних российских пословиц» и словарь И.М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи»; 3) текст апофегмы из Петровского перевода «Апофегмат»; 4) ссылку на Большой словарь русских пословиц (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010) (далее – БСРП) с информацией о наличии и паспортизации описываемой единицы в этом словаре:

Больше верь своим очам, нежели чужим речам

Барс. 1770 (1), 11; Барс. 1770 (2), 12; Барс. 1787, 9; Сн. 1848, 20.

Болше верь очам своим, неже сказке людской (вар. речам чужим). (Ап. 2) – из Сократа

БСРП 2010, 623 – есть ссылка на *Барс. 1770 (1); Сн.1848 и ДП 2, 132.*

Приводится вариант **Больше (Болши) верь очам своим, неже речам чужим** со ссылкой на *Ап. и СлРЯ XVIII в. 3, 41* (в котором тоже цитируется издание Ап. 1716) (Маѣк 2016, 13).

Упомянутое собрание пословиц приписывается Павлом Симони (а впоследствии и другие паремииологи-фольклористы согласились с этой атрибуцией) профессору Московского университета, известному грамматисту XVIII столетия А.А. Барсову (Симони 1899, VI). Отпечатано оно было в 1770 г. в типографии при Московском университете. Именно начиная с книги Барсова, можно говорить о многотиражных, а следовательно, более доступных для широкой публики сборниках пословиц. (Было бы неточным утверждение, что русский лингвистический мир до того момента был лишён материалов по пословицам и поговоркам, однако всё это были рукописные материалы, в ограниченном количестве экземпляров («Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту» (рукописный сборник XVII столетия. 2800 выражений); «Пословицы и присловицы, каковы в народе издавна словом употреблялися...» (рукопись начала XVIII века); «Пословицы, собранные В.Н. Татищевым» (рукопись до 1736 г.) и др.).

Э. Малэк обнаружила в собрании Барсова 65 пословиц, восходящих к «Апофегматам», точнее – к их переводу Петровского времени. Она сравнила их фиксацию в трёх изданиях словаря Барсова (как было отмечено выше) и в словаре И.М. Снегирева, который включил в свои «Русские народные пословицы и притчи» материал Барсова, и, что ценно для нас, составителей Большого словаря русских пословиц, проверила их фиксацию в БСРП.

Мы решили проанализировать эти единицы на предмет их дальнейшей жизни в русском языке, проверив, вслед за Э. Малэк, их фиксацию в различных паремииологических сборниках. По наблюдениям Э. Малэк, в БСПР не зафиксировано 6 единиц из собрания Барсова, однако проверка показала, что 4 единицы были включены в этот список ошибочно, т.к. они присутствуют в БСПР, хотя не во всех есть указание на словарь Барсова:

Глупый ищет места, а разумного и в углу видать (видно). Барс. 1770, 39; СлРЯ XVIII в. 3, 158; Сн. 1848, 69; Соб. 1956, 56; Рыбн. 1961, 69; Тан. 1986, 41⁵².

Не благородного человека дело, еже в очи кого хвалить, а за очи хулить. Апофегмата, 1; СлРЯ XVIII в. 6, 88.

Дурно в очи хвалить, а за очи хулить. Сн. 1848, 107 (в словаре Барсова

⁵² Список сокращений см. БСРП

фиксируется в такой же форме).

Завистливый сохнет и о том, когда видит счастье в ком. Сн. 1848, 130.

Доброта без разума – пустота. Сн. 1848, 97; Мих. 1, 250; Раз. 1957, 150; Спир. 1985, 76; Тан. 1986, 50.

А вот оставшиеся две пословицы действительно оказались пропущенными: С. 29. **Злых боюсь, что злы, а добрых которые с ними сообщаются.**

С. 35. **Лучше поткнуться ногою, нежели словом.** В БСРП: **Лучше ногой запнуться, чем (нежели) языком.** ДП 1, 325; Д 1, 615; Раз. 1957, 192; Спир. 1985, 154.

Ссылки на «Апофегматы» в БСРП, как отметила Э. Малэк, действительно весьма спорадичны, это понятно, т.к. составители словаря не привлекали в качестве источников художественные произведения, а указания на «Апофегматы» приводились по Словарю русского языка XVIII в. (1984-2004). И, наверно, напрасно не привлекали, ведь ссылка на это произведение даёт возможность, как справедливо пишет Э. Малэк, во многих случаях отодвинуть нижнюю границу появления паремии в русском языке на несколько десятилетий (Małek 2016, 55). Не случайно составитель монументального паремиологического труда – НКРР – Ю. Кшижановский включил «Апофегматы» в число источников своего словаря, и во многих случаях записи Б. Будного являются первыми фиксациями («печатными свидетельствами существования и употребления») (Małek 2016, 55) пословицы в польском языке.

Ряд пословиц из этого польского произведения XVI в. продолжает жить в языке, что доказывает их фиксация в разных собраниях (но лишь отчасти, т.к. составители часто включают материал предыдущих сборников в свои, и пословицы кочуют из сборника в сборник, не присутствуя в живой речи):

Закон как (что) паутина: шмель проскочит (пробьётся), а муха увязнет. *Тат. нач. XVIII в., 53; СлРЯ XVIII в. 13, 83; Сн. 1848, 132; Мих. 1, 14; ДП 1, 191; Д 1, 589; Ил. 1915, 110; Рыбн. 1961, 150; Тан. 1986, 60; Ан.1988, 104.* В БСРП отмечено, что эта пословица фиксируется как минимум в 10 сборниках, однако почти не встречается в живой речи.

Но сборник «Народная мудрость. Пословицы и поговорки» М.И. Соколовой уникален (2009). Материалы этого сборника не вошли в «бумажное» издание Большого словаря русских пословиц (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010), т.к. он был издан почти одновременно с БСРП. Но сейчас он уже расписан и включен в электронный вариант «Фразеологической трилогии». Это действительно уникальный сборник, составленный не профессионалом-фольклористом, а, если я правильно поняла из вступления к этому сборнику, геофизиком по образованию и специальности, которая в 1956 году неожиданно увлеклась пословицами и до 1992 собирала их по всему Советскому Союзу (охватив Владимир, Суздаль, Ярославль, Калугу, Львов, Киев, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Кемерово, Татарск и ещё ряд мест). И собрала таким образом больше 24 000 пословиц. При этом М.И. Соколова записывала только

«услышанные в разговоре с людьми» (Соколова, 2009, 4) пословицы; т.е. в сборнике, по словам собирательницы, представлены пословицы, не выписанные из опубликованных источников, а услышанные в живой речи. Если исходить из этого утверждения, значит, зафиксированные в собрании М.И. Соколовой пословицы из «Апофегмат» сохранились не только в языке, но и в речи (хотя М.И. Соколова, вероятно, выписывает всё же некоторые пословицы из существующих словарей, например, из словаря В.И. Даля). Таких пословиц, восходящих к русскому переводу «Апофегмат» Б. Будного, оказалось в сборнике М.И. Соколовой достаточно много, причём чаще всего зафиксированных в той форме, которая встречается в «Апофегматах» (если есть отличия, то в списке приводятся варианты из словаря Барсова):

1. **Большому больше надо.** Сок., 189, 391.
2. **Большая мудрость самого себя узнать.** Сок., 248.
3. **Больше верь очам своим, чем речам чужим.** Сок., 183.
4. **Глупый ищет места, а умного везде увидят (и в углу видать).** Сок., 577.
5. **Глупому лучше молчать, чем много болтать.** Сок., 134.
6. **Деньги много могут, а правда царствует.** Барс. XVII70, 51; Сн. 1848, 88; СлРЯ XVIII в. 13, 50. **Деньги могут многое, а правда всё.** Сок., 428.

На эту пословицу обратила особое внимание Э. Малэк, указав, что в переводе этого фрагмента стихотворения Горация допущена ошибка: переводчик неправильно истолковал лексему *prawie* (почти), спутав её с существительным *prawo* (закон) в местном падеже. В сб. Барсова вошла форма из издания 1723 г. и закрепилась в других паремиологических источниках (Małek 2016, 21).

7. **Доброта без разума пуста.** Сок., 170.
8. **Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает.** Сок., 217.
9. **Кто гнев свой одолевает, тот крепок (силен) бывает.** Сок., 147.
10. **Кто говорит, что хочет, тот услышит, чего не хочет.** Сок., 61.
11. В Ап.: **Лучше поткнуться ногою, нежели словом. Лучше ногой запнуться, чем (нежели) языком.** Сок., 507.
12. **На себя работать не стыдно.** Сок., 560.
(Ср.: **На себя работать никогда не грешно.** Тан. 1986, 94.
На себя работать не скучно. ДП 2, 96; Тан. 1986, 94.)
13. **Не спрашивай у старого, а спрашивай у бывалого.** Сок., 386.
14. В Ап.: **Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку отчизна – вселенный круг. Рыбам – вода, птицам – небо, человеку – всё.** Сок., 75.
15. **Сам себя не хвали, и не хули.** Сок., 593.
Сам себя не хвали, сам себя не хули. Сок., 507.
16. **Хоть бы все законы пропали, только бы (б) люди правдой жили.** Сок., 433.
17. В Ап. : **Умерла та курица, которая несла золотые яйца** (ответ Александра Македонского Дарию, царю персидскому, на требование

дани). Умерла та курица, похоронила золотые яйца. Сок., 531.

18. Хоть бы все законы пропали, только б люди правдой жили. Сок., 433.

19. Счастье скоро покидает, а надежда – никогда. Сок., 321.

Удивительная вещь: изречения античных писателей и философов вошли в русский язык в XVIII веке посредством польского произведения XVI в. и не только фиксируются в сборниках русских паремий, но и продолжают жить в устной речи носителей русского языка.

Лев Михайлович Рязановский. СПбГУ, Санкт-Петербург
rjasanowski@mail.ru

К проблеме изучения заимствований из немецкого языка в русской фразеологии

В разделе ставится проблема заимствований в русской фразеологии из немецкого языка. В отличие от лексики, во фразеологии основную группу заимствований составляют кальки (*Übersetzungsentlehnungen*, *Kalkierungen*). Германизмы в русской фразеологии исследованы значительно меньше, чем галлицизмы, поскольку долгое время считалось, что французских заимствований намного больше, например, среди эквивалентных ФЕ-интернационализмов. Однако последние исследования показали обратное – немецких калек не меньше, проблема их изучения является актуальной. Анализируются в основном крылатые слова и демонстрируется процесс становления некоторых из них.

В отличие от заимствований в лексике, во фразеологии прямые заимствования (*Direktentlehnungen*), то есть прямой переход фразеологических единиц (ФЕ) из языка в язык не так распространены, как калькирование (*Übersetzungsentlehnung*, *Kalkierung*), когда переводятся компоненты выражений при сохранении их структуры (Eckert, Günter 1992, 142). Многие прямые заимствования перешли в русский и другие языки из латыни, например, оборот *ad graekas calendas* ‘никогда’, который часто использовался для дефиниции массы его немецких фразеологических синонимов в словарях (структурно-семантическая модель фразеологизмов с этим значением во многих языках является довольно объёмной, например, в немецком языке она насчитывает более 400 единиц).

Типичным примером калькирования является «главная» калька – *крылатые слова*, выражение *Geflügelte Worte*, которое Георг Бюхман вынес в название своего знаменитого словаря и тем самым определил целый класс устойчивых сочетаний, которые языки калькируют друг у друга. Значительную часть фразеологических калек в русском языке составляют заимствования из французского, имевшие место в XVIII-XIX вв.,

например, *переменить пластинку* – *changer le disque*; *иметь зуб против кого-л.* – *avoir une dent*.

Считалось, что заимствований из немецкого языка намного меньше, чем из французского, однако последние исследования показали, что различие не такое большое, а совпадающих по смыслу и структуре фразеологических единиц (ФЕ) в русском и немецком языке даже больше, чем различий (Мокиенко 2018, 15). Классическими примерами фразеологических германизмов в русском языке считались выражения *разбить наголову* – *aufs Haupt schlagen*; *делать большие глаза* – *große Augen machen*; *ниже всякой критики* – *unter aller Kritik* и др. Многие фразеологизмы-кальки, у которых известно их происхождение, относятся к упомянутому выше классу крылатых слов. Каждый язык вносит свой вклад в создание крылатых слов, которые и калькируются из этого языка в другие языки.

Рассмотрим несколько крылатых выражений – фразеологизмов, заимствованных из немецкого языка в русский:

Ходячая энциклопедия (Э.Т.А. Гофман «Выбор невесты», гл. 3–1819 г.), нем. *Ein wandelndes Konversationslexikon* – шутл. о человеке, который всё знает (Афонькин 2003, 278).

Тайны мадридского двора – заглавие русского перевода (1870 г.) романа Г. Борна (1869г.), нем. *Geheimnisse des Madrider Hofes* („Geheimnisse einer Weltstadt, oder Sünderin und Büßerin“).оборот шутливо обозначает нравы и интриги определённого круга, близкого к власти. (Афонькин 2003, 255).

Бронированный кулак, нем. *die gepanzerte Faust* – из речи Вильгельма II 15.12.1897 г. Цитата употребляется для характеристики милитаристских намерений (Афонькин 2003, 20).

Звёздный час, нем. *Sternstunde* – из книги С. Цвейга „Sternstunden der Menschheit“ – 1927 г., в которой описаны моменты завершения грандиозных проектов: покорение Южного полюса, прокладка трансатлантического кабеля и др. Выражение означает самые плодотворные отрезки в жизни человека, моменты наивысшего напряжения творческих сил (Афонькин 2003, 92).

ФЕ *комплекс неполноценности*, нем. *Minderwertigkeitskomplex* (A.Adler „Studie über Minderwertigkeit von Organen“) означает неуверенность в себе (Афонькин 2003, 122).

Во всех приведённых примерах мы видим субстантивные ФЕ, которые доминируют по количеству среди крылатых фразеологизмов, хотя есть немало глагольных, наречных и др.: *красной нитью проходить* (через) – *sich wie ein roter Faden ziehen (durch)* – (Goethe „Wahlverwandschaften“, 1809) (Афонькин 2003, 125-126). Глагольное выражение обозначает ‘пронизывать как господствующая идея, главная мысль’ и образовано от сочетания *красная нить (roter Faden)* – исконно нить красного цвета,

вплетённая в фирменные королевские английские корабельные канаты. Фразеологическое значение – ‘основная мысль’.

Наречный оборот *через мой труп* употребляется у Ф. Шиллера («Смерть Валленштейна», д. 5 – сцена 7, 1800 г.), аналогичное выражение можно увидеть и у Гердера в стихотворении «Гостеприимный хозяин» (Herder. *Der Gastfreund*): *Erst über meinen Leichnam sollst du hingehen* (Schiller), *Nur über meinen Leichnam geht der Weg* (Herder) (Афонькин 2003, 287). В данном случае перед нами начальное употребление оборота у двух известных авторов. Поскольку у Шиллера это было на год раньше и он в России более известен, то авторство должно быть за ним.

Рассмотрим другой случай, когда языки источников разные. Выражение *кинжал в грудь (в сердце)* (Ф. Шиллер. «Разбойники», д.1, явл. 2, перевод Н. Кетчера – 1928 г.). Нем. *Ein Dolchstoß in die Brust! Ihre Augen sind Wasser! Ihre Herzen sind Erz! Küsse auf den Lippen! Schwerter im Busen!* У А.Н. Островского: «*Кинжал в грудь по самую рукоятку!*» («Таланты и поклонники», д.1, явл.2 – 1881 г.). Два значения оборота: 1) коварный удар; 2) смертельный удар (Афонькин 2003, 117). У Островского мы видим новый контекст через 50 лет после Шиллера. Само же выражение является полукалькой. В немецком тексте употребляется вариант – *Schwerter im Busen* (мечи в груди).

Иногда бывают удивительные совпадения, когда крылатые слова с одинаковым значением появляются у разных авторов «параллельно, независимо друг от друга» (Райхштейн 1980, 55):

1. «*Свежо предание, а верится с трудом*» (А.С. Грибоедов. «Горе от ума», д. 2, явл. 2 – 1824 год). Перевод А. Лютер: *Es klingt nach alten, halbverklungenen Sagen und liegt kein Menschenalter noch zurück.*
2. *Die Botschaft hör ich wohl, allein mir fehlt der Glaube.* (Faust I – 1808). Перевод Н. Холодковского: *А я-то слышу весть, но не имею веры.*

Оба выражения стали крылатыми, каждое вполне самостоятельно из своего языка. Об этом свидетельствует и их перевод. В то же время значения оборотов совпадают: ‘информация интересная, но поверить в неё трудно’ (Берков – Мокиенко – Шулежкова 2000, 437).

В процессе калькирования, как в стихах, так и в прозе крайне важна роль переводчика. Так отрывок из Фауста „*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie, und grün des Lebens goldner Baum*“ цитируется В.И. Лениным в прозе: «Теория, мой друг, сера, но зелено вечное дерево жизни». Стихотворные переводы звучат так: «*Суха, мой друг, теория везде, / А древо жизни пышно зеленеет*» (Н. Холодковский 1873 г.); «*Сера, мой друг, теория везде, / Златое древо жизни пышно зеленеет*» (В. Брюсов – 1909) (Афонькин 2003, 259). Для другой, не менее известной цитаты из Гёте взят перевод Н. Холодковского: *Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день за них идёт на бой* (Фауст 2, 1878) – *Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben, der täglich sie erobern muss* (Faust 2, д.5 – 1831)

(Афонькин 2003, 133).

В стихотворных переводах и в переводах фразем-предложений мы видим, в основном, полукальки, где в языковых эквивалентах есть некоторая разница либо в компонентном составе, либо в структуре. Различия между оригиналом и переводом могут быть минимальными, например: *Мавр сделал своё дело, мавр может уходить* (Ф. Шиллер «Заговор Фиеско в Генуе», д. 3, явл. 4-1783г.) – *Der Mohr hat seine Schuldigkeit (seine Arbeit) getan, der Mohr kann gehen* (Афонькин 2003, 140).

Таким образом, «крылатые кальки и полукальки» образуются в результате перевода произведений известных авторов. Далее они либо становятся фразеологизмами, либо остаются крылатыми перифразами, афоризмами или цитатами.

Теперь посмотрим, как небольшое произведение не очень известного в России немецкоязычного автора после перевода на русский язык приобрело огромную популярность в России и в Советском Союзе. Все мы знаем слова: «Наверх вы, товарищи, все по местам! / *Последний парад наступает.* / Врагу не сдаётся наш гордый Варяг, / Пощады никто не желает!» (Берков – Мокиенко – Шулежкова 2000, 311). Эти строчки из известной песни о крейсере «Варяге» входят в сборники крылатых слов, как и многие цитаты из других песен. Вот оригинал первого куплета песни:

Auf Deck, Kameraden, all' auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze Warjag ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade!

Австрийский поэт и писатель Рудольф Грайнц был на берегу во время морского сражения крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец» против шести японских крейсеров и восьми миноносцев в районе бухты Чемульпо и написал, а затем опубликовал в немецком журнале “Jugend” (февраль 1904 г.) стихотворение „Der Warjag“, посвящённое этой неравной битве. В апреле 1904 г. стихотворение перевели на русский язык. Лучшим переводом был признан текст Е.М. Студенской. Вскоре музыкант 12-го гренадерского Астраханского полка положил эти стихи на музыку. Современный мотив – это результат взаимодействия четырёх авторов⁵³.

Таким образом, появление новых крылатых выражений, обусловлено здесь совпадением исторических событий и трудом австрийского и российских авторов. Решающим этапом популяризации (воспроизводимости) является создание песни. Выделим из первого куплета песни сочетание *последний парад – die letzte Parade*. Именно в крылатом выражении добавляется смысл «момент перед смертельным

⁵³https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%80%D0%B0%D0%B3%D1%83_%D0%BD%D0%B5_%D1%81%D0%B4%D0%B0%D1%91%D1%82%D1%81%D1%8F_%D0%BD%D0%B0%D1%88_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B4%D1%8B%D0%B9_%C2%AB%D0%92%D0%B0%D1%80%D1%8F%D0%B3%C2%BB, доступ 12.03.2019.

боем или перед гибелью», относящийся, в основном, к флоту и к пехоте. Появляются варианты выражения – ср. газетный заголовок *Последний звонок наступает* (о странных перекосах в некоторых школьных программах – так 80% экзаменационных вопросов по литературе в одной из школ касались «Нового Завета», «Домостроя», «Жития Александра Невского», Сергея Радонежского и святых Петра и Февроньи) (АН № 10 – 2019). Здесь, конечно, не идёт речь о гибели, но явно о негативных моментах. В сочетании *последний звонок* контаминируются выражения *последний парад* и *последний звонок* (как последний урок в школе и последнее предупреждение).

В отличие от крылатых слов, когда можно определить и авторов, и время их создания, считается, что время заимствования (калькирования) «не крылатых» фразеологических единиц установить крайне трудно (Мокиенко 2018, 17). Как отмечено выше, есть много немецких и русских ФЕ, у которых совпадает компонентный состав и структура. Возьмём пример из прессы, из интервью русскоязычного жителя Кёльна о кёльнских событиях 2016 г., которые официально старались скрыть: «Я разозлился. Это значит, кто-то хочет *замести всю историю под ковёр*. Не выйдет. Я свидетель и не буду молчать. За неделю я дал 110 интервью. Вся история выплыла наружу. (КП. 19.01.2016 г.). Немецкое выражение *Unter den Teppich kehren* букв. *заметать под ковёр* означающее ‘скрывать’, ‘не выносит сор из избы’, употреблялось в немецких и российских СМИ при освещении скандалов с эмигрантами. Поэтому, на первый взгляд, кажется, что в интервью употреблён буквальный перевод оборота с немецкого языка (такого перевода нет в двуязычных словарях (см. Девкин 1994), то есть появляется новый оборот.

Однако в интернете даётся масса не только немецких, но и русских примеров в такой форме: *Das ist eine Zusammenkunft, die man nicht so einfach unter den Teppich kehren kann.* – Они не могут *замести такое собрание под ковёр*⁵⁴. И немецкое, и русское выражение имеют массу лексических и фразеологических синонимов. Нашлось даже стихотворение, посвящённое русскому варианту:

*«Я заметаю под ковёр / Цитаты, даты, страх сомнений, / Ряд цельных умозаключений / Я заметаю под ковёр. / Я заметаю под ковёр / Твой глупо-идиотский выбор. / Но говорю тебе спасибо: / Его сметёшь ты под ковёр...»*⁵⁵. Хотя многое говорит о недавнем заимствовании выражения *заметать под ковёр* из немецкого, предстоит ещё много обработать материала, чтобы доказать это, в том числе при помощи эквивалентов из других языков. Ср. англ. *sweep under the carpet*.

Мы привели лишь несколько германизмов, заимствованных русским языком. Это, в основном, крылатые выражения из литературы, в том числе из немецкого текста, который стал популярной русской песней. Огромное

⁵⁴ <https://ru.glosbe.com/de/ru/unter-den-teppich-kehren>; <https://moslenta.ru/city/nelzya-zametatusor-pod-kover.htm>

⁵⁵ <https://stihi.ru/2015/06/10/6114>

количество ФЕ, совпадающих в немецком и русском языке по всем параметрам, даёт повод для исследования заимствований. Название одного из последних сборников по фразеологии В.М. Мокиенко „Da liegt der Hund begraben“ (Мокиенко 2018) подчёркивает важность проблемы, так как ФЕ *вот где собака зарыта!* заимствована из немецкого языка в XX веке; это выражение исследовано, казалось бы, со всех сторон, но изучение продолжается. Несмотря на то, что в последние годы был выявлен и изучен ряд германизмов, это далеко не всё, и процесс исследования продолжается, их исследование по-прежнему актуально, тем более, что разработаны продуктивные методики, например, метод структурно-семантического моделирования, с помощью которого исследованы кальки *отложить в долгий ящик; пускать пыль в глаза; ещё не вечер* и многие другие фразеологические единицы (Мокиенко 2018, 17).

**Ирина Геннадьевна Гулякова, СПбГУ, Санкт-Петербург,
Россия
irgengul@gmail.com**

Заимствования и кальки из морской и речной терминологии (из истории некоторых выражений)

Вследствие того, что современная русская морская и речная терминология, помимо исконно-русского источника, имеет в своей основе греческо-итальянскую и англо-голландскую судостроительную терминологию, в ней много заимствований и калек, в том числе фразеологизмов. В свою очередь, множество устойчивых выражений из морской и речной терминологии проникло в общелитературный язык. Обретя переносное значение, они зажили «двойной жизнью», функционируя и как термины, и как обороты обиходной и литературной речи.

Морская и речная терминология современного русского языка сформировалась на основе трёх источников: исконно-русской, греческо-итальянской и англо-голландской терминологии. Этим объясняется огромное число заимствований и калек в современной терминологии морского и речного дела и кораблестроения. Среди них немало устойчивых выражений. Некоторые из них проникли в общелитературный язык и получили в нём переносные значения, например.: *брать/взять на буксир, брать курс, бросить якорь, выбрасывать за борт, держать вахту, держать курс, держать нос по ветру, ждать у моря погоды, на всех парусах (мчаться, нестись, плыть), на всех парах (мчаться, нестись, плыть), на семи ветрах, находиться/оказаться за бортом, отдать концы, отдать швартовы, плыть (идти, следовать) в кильватере, плыть по течению, плыть против течения, под флагом чего-нибудь, попутный ветер (попутного ветра), пускать на самотек, сбиться с курса, сесть на*

мель, сидеть на мели, стоять на вахте, стоять у руля, у кормила власти (правления), тихая гавань, якорь спасения и др.

И сейчас, став метафорическими, эти выражения продолжают жить «двойной» жизнью – и как специальные морские выражения, и как фразеологизмы общелитературного языка.

Типичный пример этого – выражение *нестись на всех парусах*. В древнегреческом и латинском языках *плыть с надутыми парусами* значило ‘плыть с хорошей скоростью’ и одновременно ‘иметь во всём удачу, везение’. Исходный образ этих выражений ясен: чем больше поднято парусов, тем быстрее движется судно. Очевидна и связь между прямым и переносным значениями.

Само слово **парус** пришло в русский язык из древнегреческого в период становления торговых и военных отношений древних русичей с греками. Считается, что оно произошло от слова *pharos*, как и название мыса Фарос недалеко от Севастополя.

В древнерусском языке было и другое наименование паруса – **ветрило** (от глагола *вьтри* – ‘производить ветер, веять’). Оно стало основой фразеологического оборота *без руля и без ветрил*, пришедшего в русскую литературную и бытовую речь из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»:

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.

В русской поэтической речи и раньше употреблялись близкие к лермонтовскому выражения: *без кормила и весла* (В.А. Жуковский), *без ветрил, снастей и кормила* (К.Н. Батюшков), но именно Лермонтов придал созданному им сочетанию высокое образно-метафорическое значение. Однако устойчивым оборотом с переносным значением (двигаться) ‘без ясного направления, стихийно’ выражение *без руля и без ветрил* стало лишь спустя некоторое время, после употребления его Н.В. Гоголем в письме А.С. Данилевскому: «Гони прочь уныние и не думай никогда, чтобы *без руля и без ветрил* неслася жизнь твоя». В наше время это устойчивое выражение часто встречается в публицистике: «Но пока этот корабль плывёт *без руля и без ветрил*» (о Театре на Таганке, из статьи М. Шимадиной «Юбилей театра на Таганке...» // Известия, 2013.09.06; «Плывущая по жизни *без руля и без ветрил* Уитни Хьюстон, чьи гастроли дважды срывались из-за увлечения голосистой красавицы наркотиками, – скорее исключение из правил» (С. Бирюков, Дырка в афише // Труд, 2007.05.06).

Примечательно, что в этом и других примерах выражение *без руля и без ветрил* окружается сопутствующим морским антуражем. Выражение становится модным, но при этом не реализуется его культурный потенциал (прецедентный лермонтовский текст), а формируется поверхностный,

наиболее доступный образ

Рассмотрим некоторые другие, наиболее часто употребляемые идиоматические выражения, пришедшие из морской терминологии, например, *плыть в кильватере* (варианты: *идти, следовать в кильватере*). *Кильватер* – термин голландского происхождения, означающий ‘струя воды, оставляемая килем идущего судна’ (*киль* – ‘продольная ось корабля’, *ватер* – ‘вода’). *Идти в кильватере* в языке специалистов означает ‘держаться в струе впереди идущего корабля’, то есть ‘следовать тем же курсом’. Отсюда развилось переносное значение: *в кильватере плыть (идти, следовать)* значит ‘находиться в сфере чьего-то влияния, придерживаться тех же взглядов, следовать путём, указанным более сильным, «ведущим» партнёром», например: «*В кильватере* его картин прошли другие режиссеры: после Федора Хитрука им было дозволено делать то, что они делали» (А. Сопова, В. Иванова, «Федору Хитруку было позволено всё» // Известия, 2012.12.03). Следует обратить внимание на то, что это выражение зачастую принимает иронический характер и употребляется с оттенком неодобрения, например: «А отстаёт лишь от Латинской Америки, давно и прочно *идущей в кильватере* экономики США» (А. Проценко, Зелёное наваждение // Труд-7, 2005.04.23); «Второй по значимости евротурнир на фоне откормленной телевидением и спонсорами Лиги чемпионов смотрится грустным «жигулёнком», *плетущимся в кильватере* «Мерседеса» (А. Гусятинский, «Торпедо» сыграет с испанцами, «Спартак» – с румынами // Комсомольская правда, 2003.10.17). В последнем примере интересно употребление с сочетанием *в кильватере* глагола «плестись» вместо привычных *идти, плыть, следовать*. Заметим также, что чаще всего выражение это употребляется, когда речь идёт о политике, например: «Почти полвека 76-летний Рауль *следовал в кильватере* Фиделя Кастро, а сейчас должен определить будущее кубинской революции» (Кубинцы прожили ровно год без своего команданте // Известия, 2007.07.31). Можно объяснить это тем, что семантический потенциал данного выражения не годится для межличностных отношений: *следовать за кем-то, идти чьим-то курсом* – ситуация, типичная для политических отношений.

Выражение *отдать концы* в переносном значении ‘умереть’ возникло на основе морского и речного термина *отдать концы*, то есть ‘отвязать канаты, когда судно отшвартовывается’; *брать/взять на буксир* в общеупотребительной речи стало означать ‘оказывать кому-либо помощь в выполнении чего-либо’; *держаться нос по ветру* – ‘применяться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения, своё поведение’; *плыть по течению* – ‘действовать, поступать так, как вынуждают обстоятельства, принаравливаясь к обстоятельствам или пассивно подчиняясь им’; *сидеть на мели* – ‘находиться в крайне затруднительном положении, испытывать крайнюю нужду, лишения и т.д.’

Некоторые фразеологизмы образовались в общелитературном языке на основе отдельных слов морского языка, как, например, *тихая гавань* –

‘спокойное место, где можно укрыться, отдохнуть’ (*гавань* ‘укрытый с моря участок водного пространства, удобный для стоянки кораблей’); *якорь спасения* – ‘средство, помогающее найти выход из трудного положения’ (*якорь* – ‘конструкция ... для удержания судна на месте при стоянке’). В советское время особенно активизировался термин *вахта*, исходное морское значение которого – ‘особый вид дежурства на судне, требующий безотлучного нахождения на каком-либо посту’. Проникнув в общелитературный язык, он закрепился в нём в устойчивых сочетаниях *ленинская вахта, стахановская вахта, ударная вахта, юбилейная вахта, встать на трудовую вахту* и т.п., развив таким образом переносное значение ‘исполненная энтузиазма работа в ознаменование чего-либо или имеющая особую ценность’.

Некоторые фразеологические обороты не только восходят к общезыковым или литературным образам, но и отражают конкретные исторические события. К ним относится оборот *жечь/ сжигать/сжечь корабли* – ‘решительно (по)рвать с кем-либо или с чем-либо, (с)делать невозможным возврат прежних отношений’. По Плутарху, сожжение кораблей действительно имело место в XII веке до н.э. после падения Трои. Легенда гласит, что, когда троянцы, бежавшие на кораблях, оказались у берегов Тибра, их жены, которые устали от скитаний, сожгли корабли и таким образом привязали супругов к месту и дому. Этот поступок впоследствии нашёл своих подражателей и в английской, и в русской истории. В наши дни выражение *сжигать корабли* потеряло связь с историческими сюжетами, но не утратило своего высокого звучания. Чаще всего оно используется в художественной речи. Активно употребляясь в русской литературе XIX в., о чём свидетельствуют иллюстрации во фразеологических словарях из произведений Л. Толстого, А. Майкова, А. Фета и других писателей и поэтов, звучит оно и в поэзии XX века, и в современной поэзии: «Но мне хочется думать, что это не так, / что сжигать корабли скоро выйдет из моды», – поёт герой известной песни Владимира Высоцкого из кинофильма «Вертикаль»; яркий образ создаёт при помощи этого устойчивого выражения Юрий Шевчук, лидер группы ДДТ: «Осень, в небе жгут корабли, осень, мне бы прочь от земли...».

Если этимология одних фразеологизмов прозрачна, то происхождение других спорно. К последним относится выражение *дело табак* – ‘плохо дело’, ‘дело дрянь’. Авторы одних словарей (например, В.И. Даль, С.П. Неустроев) характеризуют его как волжское и связывают с бурлацким оборотом *под табак*: «Когда бурлаки шли бечевой по затопленной сакме (береговой тропе), то привязывали табак под мышки. И когда становилось настолько глубоко, что грозило подмочить табак, то они кричали коренному, что вода подходит «под табак», тогда переходили на судно и шли на шестах или завозом, т.е. тянулись посредством снасти, идущей от якоря, заведённого вперёд судна» (С.П. Неустроев, «Словарь волжских судовых терминов», 1914. Цит. по статье Богородского, Гуляковой, Мокиенко 1994, 17). Толкование фразеологизма *дело – табак*

тесно связано с выражением *под табак* и отражает, по мнению сторонников этой версии, отношение бурлаков к такому ценному продукту, как табак: если табак намокнет, дело будет плохо, ведь он дорог, да и достать его трудно, а что скрасит краткий отдых смертельно уставшему за день бурлаку, как не трубочка крепкого табаку!

Другие лингвисты усматривают здесь семантические переключки с экспрессивными европейскими выражениями, в состав которых входит слово *табак*, например: нем. *das ist starker Tabak* 'это уж чересчур', франц. *avoir du tabac* 'быть в затруднительном положении', испанск. *dar (para) tabaco* 'строго наказать, проучить'.

Итак, мы видим, что заимствования и кальки из морской терминологии прочно вошли в общелитературный русский язык.

**Людмила Панасовна Павлова,
Курсы иностранных языков при Профкоме
Дипломатической Академии, Москва
panasovna@gmail.com**

Современные и старые фразеологические кальки в русском языке

Работа посвящена вопросу перехода фразеологизмов из одного языка в другой в период их активных контактов. В качестве примеров приводятся современные фразеологические кальки из английского языка, и калька начала XVIII века «морского» фразеологизма нидерландского языка. Уделяется внимание вопросу сохранения компонентного состава в кальках, а также высказывается предположение, что фразеологическая калька становится элементом языка в случае, если осваивается, т.е. становится понятен её образ.

В русском языке есть большое количество фразеологических единиц, которые являются кальками фразеологизмов других языков. Они появились в разное время, в период активных контактов между языками, путём прямого перевода (калькирования).

Связано ли появление фразеологических калек с заполнением существующих в языке лакун? Вероятно, не всегда. Можно предположить, что в процессе заимствования иностранной ФЕ важную роль играет её образная составляющая, которая добавляет новые яркие краски характеристике известной ситуации.

Не во всех случаях при калькировании сохраняется полностью компонентный состав фразеологизма. В него могут вноситься некоторые лексические изменения, связанные с особенностями национальной языковой картины мира. В этом случае появляются полукальки. Поэтому в разных языках возникают расхождения по некоторым вопросам. Например,

«Каких двух представителей животного мира убили одновременно и с помощью чего?». В нидерландском языке это две мухи, убитые одним ударом (*twee vliegen in een klap*), в русском два зайца одним выстрелом (*двух зайцев одним выстрелом*), в английском две птицы камнем (*kill two birds with one stone*). Неизменным в компонентном составе приведённых фразеологизмов остаётся количественный показатель. Или вопрос, из чего делают слона: из комара или мухи? (В нидерландском языке из комара – *van een mug een olifant maken*.) Можно привести ещё много подобных примеров.

В современном мире значительную роль играет английский язык, он оказывает влияние на другие языки, на их лексический состав, в том числе и на фразеологию.

Современные фразеологические кальки в русском языке (по определению Л.Л. Федоровой (2002, 29) «образы ‘новорусской’ речи») во многих случаях являются переводом фразеологизмов английского языка. «Освоение» английских ФЕ (их калек и полукалек) носителями русского языка связано в первую очередь с пониманием образной составляющей фразеологизма. Говоря о переводе ФЕ с одного языка на другой, Л. Ф. Дмитриева (2008, 189) высказывает мнение, что калькирование фразеологических единиц может быть применено лишь в том случае, если в результате получается выражение, образность которого легко воспринимается русским читателем и не создаёт впечатления неестественности.

В качестве примеров рассмотрим четыре фразеологические кальки из английского языка, которые активно употребляются в настоящее время в российских СМИ, сопоставив их также с аналогичными ФЕ нидерландского языка:

- 1) «вишенка на торте» (*cherry on the cake*),
- 2) «скелет в шкафу» (*to have a skeleton in the closet*),
- 3) «бабочки в животе» (*butterflies in my stomach*),
- 4) «класть яйца по разным корзинам/ в разные корзины» (*to put all your eggs in one basket*).

Выбранные для анализа ФЕ можно считать новыми для современного русского языка, так как они не зафиксированы во фразеологических словарях, исключение составляет только ФЕ *скелет в шкафу*.

Вишенка на торте имеет в английском языке несколько синонимичных вариантов со значением «и наконец, и в заключение»: *icing on the cake, frosting on the cake, a cherry on top, the last straw*. Последний фразеологический синоним можно исключить из рассмотрения, т.к. это часть пословицы *It is the last straw that breaks the camel's back* («последняя соломинка ломает спину верблюда» – *последняя капля переполняет чашу*), в которой можно отметить негативную коннотацию, отсутствующую в других ФЕ. Британская идиома *icing on the cake* (букв. *глазурь на торте*)

имеет полный аналог в американском английском – *frosting on the cake*.

В русский язык из трёх возможных вариантов был калькирован только фразеологизм с вишней. Можно предположить, что он наиболее яркий и понятный для говорящих на русском языке. Маленькое яркое пятнышко, *последний штрих* в создании чего-либо очень похожи для нас на *точку, которую ставят*, заканчивая работу или на *точку над i*. Видимо, этой схожестью образов можно объяснить активное употребление данного фразеологизма в современном русском языке, хотя выше были названы существующие русские фразеологические эквиваленты. Но судьба таких ярких, часто употребляемых ФЕ predetermined, их экспрессивность и необычность постепенно стираются и превращаются в обыденность, становится штампом (Мокиенко 2005, 183)

В нидерландских текстах из СМИ также встречается подобная ФЕ *de kers op de taart*, главным образом в материалах о спортивных соревнованиях, хотя во фразеологических словарях она также не зафиксирована.

«Ze boekte vier wereldbekeroverwinningen op de 1.000 meter en bekroonde haar seizoen vorige maand al met de wereldtitel op de kilometer. Het wereldrecord is *de kers op de taart* voor de Amerikaanse».

Она одержала четыре победы на дистанции тысяча метров на чемпионате мира и завершила сезон в прошлом месяце, завоевав звание чемпионки мира на дистанции один километр. Мировой рекорд – это *вишенка на торте* для американской спортсменки. NOS, 09.03.19.

ФЕ *скелет в шкафу* является калькой английского выражения *to have a skeleton in the closet*. Оно было использовано английским писателем У. Теккереем в романе «Ньюкомы», написанном в 1855 году. В английском языке ФЕ означает ‘иметь семейную тайну’. В некоторых работах, например, на сайте Study-English.info можно ещё встретить описательный перевод этой ФЕ, т.к. она «не имеет в русском языке ни аналога, ни эквивалента и не подлежит дословному переводу». Однако в настоящее время калька этой английской ФЕ уже вошла в русский язык, её яркая впечатляющая образная составляющая стала нам понятна. Но в русском языке ФЕ имеет более широкую сферу применения, её используют, например, психологи в научно-публицистических материалах. По определению, данному во «Фразеологическом объяснительном словаре русского языка» А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (ФОСРЯ, 497), она означает ‘нечто, долгое время скрываемое субъектом как постыдное и компрометирующее его в глазах других людей’. В словаре ФЕ даётся с пометой «журналистское».

В нидерландском языке также есть подобная ФЕ *een lijk in de kast* (букв. *труп в шкафу*), которая имеет значение «щекотливый вопрос, который неожиданно всплыл». Она часто используется в политическом дискурсе, когда речь идёт об ошибках, допущенных прежними, уже

ушедшими в отставку, политиками (Van Dale *Idioomwoordenboek* 1999, 503). В нидерландском языке ФЕ получила свою особенность в лексическом составе: «скелет» был заменен на «труп». Фразеологизм получил своё дальнейшее развитие в выражении *выходит из шкафа* (*uit de kast komen*). Употребляется в ситуации, когда некая щекотливая информация становится всем известна.

Английский фразеологизм *butterflies in the stomach* был также калькирован, и не только русским языком (*бабочки в животе*). В нидерландском языке используется *vinders in de maag*, в немецком – *Schmetterlinge im Bauch*. Во всех трёх указанных языках ФЕ имеет английские «корни». Она используется для обозначения чувства влюбленности или восторга, которое испытывают женщины. Само выражение появилась в произведении Флора Конверса «Дом молитвы» в 1908 году и передавало чувство, которое охватило героя-мужчину во время резкого спуска поезда с горы. На распространение ФЕ в наше время повлиял показ американского киносерияла «Секс в большом городе».

Интересно отметить, что в животе бабочки *летают* в русском и в немецком языках, а в английском и нидерландском языках *находятся* в желудке.

ФЕ *раскладывать яйца по разным корзинам* является калькой английской поговорки *to put all your eggs in one basket*. Как указано в Американском словаре Кристина Аммера «*American Heritage Dictionary of Idioms*» (by Christine Ammer), 1992, она была впервые зафиксирована в английском языке в 1710 году и заменила собой старинное выражение *trust all one's goods to one ship* (букв. поместить весь товар на один корабль). Значение ФЕ – ‘надо быть предусмотрительным, осторожным; не стоит вкладывать всё в одно дело’.

В русском языке эта ФЕ существовала уже давно в разговорной речи, но в настоящее время она стала активно использоваться в СМИ, когда речь идет о банковских счетах и инвестициях. Данная калька английской ФЕ ярко демонстрирует, что прямой перевод фразеологизма не связан с существованием некоей лакуны в русском языке, в котором зафиксировано большое количество поговорок, предупреждающих о необходимости быть осторожным при принятии решения: *Семь раз отмерь, один – отрежь; Не узнавши броду, не суйся в воду; Искру туши до пожара, беду отводи до удара; Идя вперед, знай, как воротиться* и т.д. Калька английской ФЕ получила в современном русском языке новую жизнь, у неё высокая частотность употребления для обозначения осторожного поведения в области финансовых вложений.

Рассматриваемую ФЕ можно соотнести с нидерландской *Men moet niet al zijn eieren onder één kip leggen* (букв. *Не надо класть все яйца под одну курицу*), также имеющей значение ‘следует быть осторожным’.

Как уже отмечалось, за свою историю в периоды активного

взаимодействия с другими языками русский язык вобрал в себя много иностранных фразеологизмов. В начале XVIII века Россия тесно взаимодействовала с Нидерландами, которые тогда назывались Республика Соединенных провинций. Во времена Петра I в русский язык из нидерландского вошло много слов для обозначения диковинных предметов, а также большое количество морских терминов. В обоих языках есть определенное количество ФЕ, связанных с профессиональной деятельностью человека на море. Часто они очень похожи по своему лексическому составу и значению. Но утверждать, что в русском языке они являются кальками нидерландских фразеологизмов, нельзя. Например, «сидеть в одной лодке» – «*in één schuitje zitten*» (быть в одинаковых опасных, затруднительных условиях) появилась еще в Древней Греции. «Нестись на всех парусах» – «*met opgestoken zeilen varen*» знали и древние греки, и римляне (Мокиенко 2005, 176).

С точки зрения изучения калькирования ФЕ может представлять интерес соотношение русской ФЕ *бросить где-то якорь* с нидерландской *ergens zijn anker laten vallen*. По мнению Б. Л. Богородского (1969, 335) в русском словосочетании семантический сдвиг мог произойти в начале XVIII века. Использование этого профессионального словосочетания в его фразеологическом значении «обосноваться где-либо на суше» «может быть отнесено предположительно к Петровской эпохе». Вполне возможно под влиянием нидерландского языка.

Рассмотрев современные фразеологические кальки, можно сделать вывод, что образность появившихся недавно в русском языке ФЕ, которые в большинстве случаев являются переводами английских фразеологизмов, стала понятна носителям русского языка. Поэтому такие выражения вошли в русский язык и стали широко использоваться для усиления экспрессивности речи.

Глава 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Лина Бронисловна Воробьева, ПсковГУ, Псков, Россия
lina5558@yandex.ru

Балтийско-славянские фразеологические параллели

Рассматриваются русские и литовские фразеологические параллели, в которых при отсутствии полной образной эквивалентности семантика и общая структурная модель сохраняются.

Огромное сходство между системами русского и литовского языков

определяет тот факт, что на протяжении веков славянские и балтийские языки сосуществовали в непосредственной близости. Сравнительные исследования позволяют выявить соответствия и различия во фразеологических системах русского и литовского языков, обусловленные историческими, экономическими, территориальными, культурными связями двух народов.

Так, в русском и литовском языках обнаруживается целый ряд ФЕ, построенных по общей структурной модели и объединённых значением 'абсолютно не знать чего-л., не разбираться в чём-л.': рус. *понимать (разбираться) как свинья в апельсинах, разбираться как акула в алгебре, смыслит как Аксинья в апельсинах*, лит. *nutiokia kaip kiaulė apie debesį* (понимает как свинья в облаках), *išmano kaip kiaulė pipirą* (понимает как свинья в перцах), *nusimano kaip asilas aptiekoje* (понимает как осел в аптеке). Семантика предмета сравнения в логико-понятийном плане противоречит семантике глагола-основания сравнения, вследствие чего такие единицы имеют шутливо-ироническую окраску. Авторы историко-этимологического словаря отмечают, что данная структурно-семантическая модель обнаруживается не только в славянских языках (украинском, польском, чешском, болгарском, хорватском), но и имеет проекции в неславянских языках (немецком, турецком и др.) (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005, 629).

Привлечение диалектного материала позволяет выявить региональную образную специфику этой модели. Так, в псковских говорах зафиксировано сравнение *разбираться как баран по Библии*, в донских говорах *разбираться как сом по Библии, разбираться как сазан в Библии*, в кубанских говорах – *разбираться как свинья в колбасных обрезках*. Единицы, построенные по данной модели, обнаруживаются и в жаргонах: *разбираться как лангуст в Библии, вязать как свинья в кибернетике*. Логика мотивировки таких оборотов ясна: чем неожиданнее, абсурднее образ сравнения, тем выше экспрессивная нагрузка фразеологизма.

По данной структурно-семантической модели образованы славянские сравнения с образными конкретизаторами *коза, корова, курица, гуска, жаба, кот* и реже – *телёнок, дикая свинья, заяц, собака, кобыла* (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005, 629).

Русскому некомпаративному фразеологизму *ворона в павлиньих перьях* по образности соответствует литовское *apsirėdyti kaip varna pavo plunksnomis* (нарядиться как ворона в павлиньи перья). Однако семантика и ситуации употребления их различаются. Как отмечает Э.А. Вартастьян, русское выражение не только восходит к басне И.А. Крылова, где обыгрывается образ вороны, бахвалящейся павлиньими перьями, в которые она вырядилась. Фразеологизм имеет более древние истоки – он встречается у древнеримского комедиографа Лукиана, в средневековых баснях и притчах (Вартастьян 1963, 50). В русском языке *вороной в павлиньих перьях* называют человека, который присваивает себе чужие достоинства, чтобы казаться более значительным, и поэтому выглядит

смешным и жалким. Литовское сравнение *apsirėdyti kaip varna povo plunksnomis* в отличие от русской ФЕ характеризует человека не по внутренним качествам, а по внешним признакам: обозначает человека, выглядящего смешно и нелепо в каком-либо наряде. По этой же структурной модели построено и выражение *apsirėdyti kaip pelėda povo plunksnomis* (нарядиться как сова в павлиньи перья) в значении ‘безвкусно одеться’.

Несмотря на то, что в указанных единицах не прослеживается случаев полной образной эквивалентности, варьирование распространяющего компонента не меняет семантику фразеологической единицы.

Русско-литовская фразеологическая параллель *смотреть как баран на новые ворота* – *spoksoti kaip avinas į naujus vartus* в каждом из сравниваемых языков имеет синонимы: рус. *смотреть (уставиться) как баран в афишу, смотреть как в афишу коза, смотреть как баран в гумно, смотреть (глядеть) как корова на писаные ворота*. В литовском языке значение ‘о чьём-л. непонятливом, крайне озадаченном взгляде’ передаётся единицами *žiūrėti kaip kiaulė į debesį* (смотреть как свинья в облако), *spoksoti kaip avis į naujus vartus* (смотреть как овца на новые ворота), *spoksoti kaip karvė į naujus vartus* (смотреть как корова на новые ворота), *žiūrėti kaip ožys į naujus vartus* (смотреть как козёл на новые ворота).

Большим количеством сравнительных единиц с привлечением диалектного материала представлен синонимический ряд со значением ‘о чьём-л. абсолютно ненужном, неподходящем’: *(нужен, нужно) как пятое колесо в телеге (к телеге), (нужен, нужно) как пятое колесо в карете, нужен как пятое колесо до возу (кубан.), нужен как пятая ножка стулу, нужен как свинье азбука, нужен как свинье колодка, нужен как рыбке зонтик, нужен как собаке пятая нога, нужен как щучке зонтик, нужен как свинье седло, нужен как зайцу барабан, нужен как зайцу звонок, (нужен, нужно) как мёртвому горчицники, (нужен, нужно) как мёртвому припарка (припарки), (нужен, нужно) как мёртвому грамота, (нужен, нужно) как мёртвому кадило, (нужен, нужно) как мёртвому ладан, (нужен, нужно) как мёртвому плавки (жарг.)*. Фразеологические единицы образованы в результате совмещения несовместимых понятий. Этот способ образования ФЕ особенно продуктивен среди устойчивых сравнений. Разнообразны и интересны авторские трансформации данных сравнений, зафиксированные в текстах Национального корпуса русского языка: *нужен как собаке боковой карман, нужен как зайцу стоп-сигнал, нужен как архиерею гармонь, нужен как петуху тросточка, нужен как собаке мельница, нужен как мёртвому гулящая баба*. В литовском языке помимо эквивалента *reikalingas kaip šuniui penka koja* зафиксированы единицы с подобной семантикой, но с иной структурой: *reikalingas kaip ožys kopūstuose* (нужен как козёл в капусте), *reikalingas kaip kiaulė bulvėse* (нужен как свинья в картошке). Названные единицы используются как средство создания комического эффекта.

Исследование сходств и различий образно-символической основы

устойчивых выражений выявило, что в русском и литовском языках зафиксированы единицы, построенные по модели «попасть + как какая-л. птица + в ловушку». Литовские сравнения *įsipainioti kaip višta pakulose* (запутаться как курица в пакле), *įkliūti kaip gaidys į degutą* (попасть как петух в деготь), *pakliūti kaip akla varna į balą* (попасть как слепая ворона в лужу) подтверждают существование единых балто-славянских фразеологических моделей и общих мотивов во фразеологии, рассматриваемых в сопоставительном плане на широком славянском материале В.М. Мокиенко в книге «Славянская фразеология» (ср.: *попасть как кур в ощиц*, *попасть как гусь в лапшу*, *попасть как ворона в суп*) (Мокиенко 1980, 136-139). Анализ всей совокупности вариантов фразеологических моделей, отражающих попадание птицы в какую-нибудь ловушку, позволяет автору уточнить этимологию русского устойчивого сравнения *попасть как кур во щи*, где *кур* 'петух' попадает не *в щи*, а *во щип* – ловушку для дикой птицы в виде расщеплённой палки с распоркой.

В некоторых случаях одна и та же ФЕ может использоваться в двух языках с разной эмоционально-оценочной целевой установкой: рус. *глаза как у филина* (неодобр. 'о чьих-л. хищных, злобно блещущих глазах'), в литовском – *akys kaip arioko* ('об очень больших глазах' – без отрицательных коннотаций). В другой русско-литовской параллели можно отметить различие на денотативном уровне: лит. *vienas kaip ariokas* (один как филин) – 'об одиноком человеке'; русский аналог передаёт более ёмкое понятие с соответствующей оценкой: *неодобр.* 'об одиноком, замкнутом, угрюмом человеке'.

Исследуя фразеологические параллели, мы нередко наблюдаем случаи, когда в одном из сравниваемых языков фразеологизм имеет несколько значений с разными коннотациями (например, одобр., ирон.), а в другом – полисемия не развивается: в русском *петь (заливаться, разливаться) как соловей (соловьём)* – 1) одобр. 'о чьём-л. громком, красивом, залиvistом пении'; 2) ирон. 'о человеке, расточающем красивые, гладкие речи и обещания, но ненадёжном в деле' – в литовском *giedoti (dainuoti) kaip lakštingala (lakštutė)* – одобр. 'о красивом, приятном голосе'.

Исследование сходств и различий образно-символической основы устойчивых сравнений в двух языках может идти не только от конкретного компонента, но и от значения оборота. Так, в единицах, характеризующих говорящего без умолку человека, используются наименования птиц, ставших символом болтливости. При таком подходе выявляются как полные межъязыковые параллели (*трещать как сорока* – *tarškėti kaip šarka*), так и единицы, содержащие национально-специфические компоненты образа (рус. *шуметь как воробьи перед дождем* – лит. *tarškėti kaip žvirblis kanapėse* (чирикать как воробей в конопле).

Таким образом, можно сказать, что одни и те же наименования животных могут реализовываться в составе фразеологизмов по-разному:

их семантика может совпадать или одни и те же явления жизни этноса могут ассоциироваться с самыми разными объектами животного мира.

Кроме того, часто фразеологические единицы, построенные на основе одного и того же образного стержня и совпадающие в основном значении, в каждом из языков имеют специфические оттенки, передают различную эмоциональную оценку обозначаемого предмета, различаются ситуациями употребления, что объясняется национально-культурной спецификой ассоциаций и мировосприятия. Поэтому изучение фразеологических параллелей актуально в плане предупреждения как межъязыковой, так и межкультурной интерференции.

Харри Вальтер, Грайфсвальд, Германия

walter@uni-greifswald.de

Зыкова, Елена Игорьевна, СПбГУ

ezykova@mail.ru

Принципы построения «Словаря исторических крылатых фраз современного русского языка с немецкими параллелями»

История лексикографической обработки крылатых фраз/слов (далее КФ) достаточно хорошо известна. Жанр словарей крылатых слов уже более ста лет популярен в России и в Германии. Достаточно вспомнить словарь Георга Бюхмана (1864), издательства Дуден (начиная с 30-х годов XX века), М.И. Михельсона (Михельсон 1902,1903), справочник «Крылатые слова» С.В. Максимова (Максимов 1891, 1995), словари Н.С. и М.Н. Ашукиных, В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (Шулежкова 1993,1994, 2000, 2014) и мн. др.

В русской лексикографической практике описания крылатых слов прочно закрепился алфавитный принцип расположения материала, начиная со «Словаря крылатых слов» Ашукиных (Ашукины 1966). Такой же принцип положен в основу «Большого словаря крылатых слов» (Берков – Мокиенко – Шулежкова 2000, 2014), «Словаря крылатых выражений из области искусства» (Шулежкова 2003), «Большого словаря крылатых фраз отечественного кино» (Кожевников 2001), а также и в структуру двуязычных словарей: украинско-русского словаря крылатых слов (Дядечко 2001) и польско-русского (Chlebda – Mokienko – Szuleżkowa 2003).

В основу «Словаря исторических крылатых фраз современного русского языка с немецкими параллелями» авторы положили принцип лексикографического описания крылатых слов по стержневому слову. Стержневой подход позволяет более компактно описывать ассоциативные гнезда крылатых слов, что даёт возможность не дублировать лексические и историко-этимологические комментарии в разных местах словаря. Данный структурный метод был апробирован в словарях поговорок и устойчивых сравнений (Мокиенко – Никитина 2008), в кратком словаре-справочнике крылатых слов, который вышел в серии «Давайте говорить правильно» (Зыкова – Мокиенко 2005) и в словаре «От

«А» до «Zwickmühle». Историко-этимологические комментарии к немецкой фразеологии» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко (Вальтер – Мокиенко 2008, 2009).

При отборе материала под историческими крылатыми фразами мы понимаем устойчивые обороты разной структуры, связанные с историческими событиями, явлениями, личностями прежде всего в России и Германии.

Следует отметить, что главными принципами формирования словника и определения структуры словаря также стали наличие для русской крылатой единицы или – реже – отсутствие немецкого эквивалента, а также любопытные особенности варьирования и наличие лингвокультурологического комментирования, которые зачастую возникали при несовпадении образов русского и немецкого вариантов.

В соответствии с этими критериями было отобрано 120 единиц крылатых фраз.

Ещё одним принципом формирования словника был принцип частотности, т.е. в словарь включены наиболее активно употребляющиеся крылатые слова и выражения как в русском, так и в немецком языках. Поэтому одним из важных критериев отбора КФ в словник было количество их употреблений как в языке художественной литературы, так и в языке СМИ, о чём наглядно свидетельствуют контекстные иллюстрации русского и немецкого материала, включенные в словарную статью.

Словарная статья включает в себя **ключевое слово**, которое приводится с прописной буквы, **со строчной** указывается сама крылатая фраза и приводится его **стилистическая характеристика**, курсивом выделяется **дефиниция**, а ниже приводится **немецкий эквивалент**, также сопровождаемый стилистической пометой. Например:

ТОЧНОСТЬ

Тóчность – **вёжливость королей** (книжн. чаще неодобр.); *Деликатное напоминание о необходимости быть пунктуальным, обычно в случае чьего-л. опоздания. Говорят, чтобы упрекнуть кого-л. в необязательности или подчеркнуть чью-л. пунктуальность, точность, аккуратность в чём-л.*

Pünktlichkeit ist die Höflichkeit der Könige (книжн. чаще неодобр.)

В словаре используются **2 типа помет**, которые уже были апробированы в вышеуказанных словарях крылатых слов. Это пометы из сферы функционирования данного выражения (*разг., прост., книжн., фольк., устар.*) и пометы эмоционально-экспрессивной окраски (*шутл., ирон., одобр., высок., неодобр.*).

Известно, что вопрос о дефиниции крылатых слов достаточно сложен, что объясняется прежде всего их широким структурно-синтаксическим диапазоном: от отдельного слова до развёрнутой цитаты-афоризма. Типология дефиниций крылатых слов и выражений, представленная в данном проекте, была описана В.М. Мокиенко в предисловии к краткому словарю-справочнику крылатых слов из серии «Давайте говорить правильно» (Зыкова, Мокиенко 2005, 16-18). Она

такова:

1. Толкование крылатых слов-лексем соотносится с толкованием лексики.

Напр.:

ЕХИДНА. Злой, язвительный и коварный человек.

ОБЛОМОВ. Неодобр. О ленивом, праздном и апатичном человеке.

2. Дефиниции крылатых выражений-словосочетаний фразеологического типа сопоставимы с толкованием разного рода фразеологизмов, напр.: *КРАСНОКОЖАЯ ПАСПОРТИНА. публ. прост. О советском паспорте. ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ чего. Книжн. Большая и лучшая часть чего-л.*

3. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз с афористическим обобщением и без него соизмеримы с толкованиями коммуникативных сочетаний, напр.:

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? Шутл. А было ли что-л, о чем говорят, что обсуждают? или с толкованиями афоризма

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ... Одобр. или шутл. Употребляется как характеристика необыкновенности русских женщин.

4. Дефиниции синтаксически законченных крылатых выражений с обобщенно паремиологическим значением соотносимы с толкованием пословиц, напр.:

КОГО БОГ (ЮПИТЕР) ХОЧЕТ ПОГУБИТЬ (НАКАЗАТЬ, ПОКАРАТЬ), ТОГО ОН ЛИШАЕТ РАЗУМА. Посл. книжн. Потеря рассудка — самое страшное наказание для человека.

НЕЛЬЗЯ ДВАЖДЫ ВОЙТИ В ОДНУ И ТУ ЖЕ РЕКУ (ВОДУ). Посл. книжн. Невозможно абсолютно точное и полное повторение чего-л.

5. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз вопросительного или восклицательного типа соотносятся с толкованием соответствующих фразеологических коммуникантов, напр.:

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА! Обычно шутл. Выражение удивления при неожиданной встрече с людьми, которых не рассчитывал встретить.

Основной частью словарной статьи является подробный развёрнутый **историко-этимологический комментарий**. При этом для авторской цитаты указывается точно произведение и дата его написания, а в некоторых случаях, особенно для поэтических цитат, приводится авторский контекст-источник данной КФ.

Точность (аккуратность) – вежливость королей (царей). Pünktlichkeit ist die Höflichkeit der Könige (книжн. чаще неодобр.); (букв.: Пунктуальность – вежливость королей); *Деликатное напоминание о необходимости быть пунктуальным, обычно в случае чего-л. опоздания. Говорят, чтобы упрекнуть кого-л. в необязательности или подчеркнуть чью-л.*

пунктуальность, точность, аккуратность в чём-л.

Фраза приписывается французскому королю Людовику XVIII – последнему реально царствующему монарху, который правил Францией с 1814 по 1824 годы. Упоминается в форме *L'exactitude est la politesse des rois* Жаком Лаффи́том в I томе «Сувениров» – „Souvenirs de J. Lafitte“, 1844, 1, 150 (Büchmann 2007, 220; DZR 2007, 629; Wander 3, 1426; Берков – Мокиенко – Шулежкова 2000, 497; Займовский 1930, 26; Ашукины 1966, 19–20; Афонькин 1985, 39; Хлебда – Мокиенко – Шулежкова 2003, 45–46; Кирсанова 2007, 9).

В подтексте фразы звучит уверенность в том, что короли, приходя пунктуально, выказывают уважение к собравшимся (при том, что только короли могут позволить себе опаздывать, в то время как простые смертные должны быть пунктуальны) (Röhrich 2001, 4, 1211; DZR 2007, 629). Так, обычно поговорка употребляется в значении ‘быть точным, не опаздывать – поступать по-королевски’. Полная версия фразы имеет другое значение: Точность – вежливость королей, но обязанность для их подданных. То есть король вовсе не обязан быть точным (строго придерживаться распорядка дня, соблюдать часы приёма и т. д.). Его точность – это только его любезность, знак внимания к кому-то, а отнюдь не обязательный атрибут королевского статуса. Выражение иногда встречается и в иной, менее употребительной, редакции: *Аккуратность – вежливость королей*.

Высказывание Людовика приведено в письме немецкого журналиста и публициста Конрада Энгельберта Эльснера (1764–1828) к немецкой писательнице еврейского происхождения Рахели Левин (после крещения Фридерика Антония Фарнхаген фон Энзе (1771–1833)). Опубликовано было только в 1865 году в книге *Briefwechsel zwischen Varnhagen von Ense und Oelsner*. Но ещё раньше афоризм был приведён в «Воспоминаниях» банкира и политика Жака Лаффита, изданных в 1844 году (Band I, S. 119; Souvenirs de J. Lafitte, Paris, 1844, t. I, p. 150).

Поговорка традиционно переводится на русский не совсем точно. Абсолютным русским эквивалентом фр. *politesse*, англ. *courtesy* и нем. *Höflichkeit* является не вежливость, а учтивость. Понятия близкие, но не идентичные. Король, по крайней мере порядочно воспитанный, со всеми вежлив – не орёт, не плюётся, не дергает за парики и не ставит подножек на балу. Но быть учтивым он может себе позволить только с дамами и с немногими вельможами преклонного возраста. Поэтому появление его на балу или на параде точно в назначенное время воспринимается как проявление учтивости, которую он никаким иным способом оказать всей массе присутствующих не может. Между прочим, в английском и немецком вариантах поговорки просматривается тонкая семантическая связь между «придворностью» учтивости (*courtesy* и *Höflichkeit*, соответственно) и королевским титулом⁵⁶.

Кроме того, в комментариях авторами включены наиболее показательные трансформы как русской, так и немецкой единиц с целью

⁵⁶ <https://avva.livejournal.com/2403230.html>

продемонстрировать их лингвокультурологическую специфику. Например: *Pünktlichkeit ist die Tugend der Langweiler* (Symons 2005, 326); *Pünktlichkeit ist mein Leben, sagte die Schnecke, die zur Taufe eingeladen war und zum Traueressen ankam* (Wander 3, 1426). *Точность – вежливость снайперов, Grüßen ist die Höflichkeit der Könige* (букв. Приветствовать – вежливость королей) (Вальтер, Мокиенко 2010, 493). Показательно, что даже в современном этой поговорке сочинении – «Воспоминаниях о императрице Жозефине» – упоминается поговорка, которую считали парной к этой, а именно: «Опрятность – элегантность бедняков».

В большинстве случаев отобранные КФ являются интернациональными, что отражено не только в комментариях к русскому и немецкому вариантам, но и в приведённом перечне эквивалентов или аналогов из других европейских языков, например:

Ср. польск. *Punktualność jest grzecznością królów*; чеш. *Přesnost je výsada králů*; словацк. *Presnosť je výsadou kráľov*; англ. *Punctuality is the politeness of kings; Punctuality is the politeness of princes [and the courtesy of kings]; Timeliness is next to godliness*; фр. *L'exactitude est la politesse des rois*; ит. *La puntualità è la cortesiadei re*; исп. *La puntualidades la cortesía de losreyes*; венг. *A pontosság a királyok udvariassága*.

Одной из основных особенностей данного словаря является наличие **контекстных иллюстраций**, что позволяет создать достаточно полную картину реального функционирования крылатых слов и выражений в современном русском и немецком языках, показать их культурологический и коннотативный потенциал. Источниками контекстов стали произведения современной художественной литературы, материалы СМИ, в том числе и интернет-ресурсы.

Критериями отбора контекстов послужила необходимость проиллюстрировать все возможные нюансы употребления КФ, случаи разнообразного их каламбурного обыгрывания, а также показать использование крылатых выражений в источниках разного рода. Для каждого крылатого выражения или слова мы старались привести около **5 русских и немецких контекстов**, иллюстрирующих его с разных сторон. Например:

– Брось чемодан в палатку, начинаем. *Точность – вежливость королей*. – Он взглянул на часы (Дмитрий Каралис. Космонавт (2002-2003) // Нева, 2002); Вопреки пословице «*Точность – вежливость королей*», Елизавета задержалась на целый час. (В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни (2003)); *Точность – вежливость королей*, – говорил он обычно своим подчинённым и не забывал добавить: – В переносном, конечно, смысле. Чтобы никто не заподозрил его в монархических настроениях (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чайкина); – Вот и отлично! — встретил он меня... – три часа ровнехонько. *Аккуратность – вежливость царей* (М. Е. Салтыков-Щедрин, В среде умеренности и аккуратности. Господа Молчалины)

Er hat die *Höflichkeit der Könige* geübt und fühlt sich dabei wie ein Spießkerl. (Die Zeit, 03.04.2003) In Berlins Neuer Nationalgalerie öffnet Rem Koolhaas

seine Zukunftswerkstatt für urbane Architektur ... Wenn *Pünktlichkeit* die *Höflichkeit der Könige* ist, dann waren gestern Vormittag in der Neuen Nationalgalerie nur Bettelleute zugegen. (Der Tagesspiegel, 15.11.2003); Heute wird die Wendung «*Pünktlichkeit ist die Höflichkeit der Könige*» gebraucht, wenn es zu den Vorzügen eines Vorgesetzten gehört, auch Untergebene nicht warten zu lassen. (NL 23.01.2011⁵⁷).

Второй пример:

Человеку свойственно ошибаться; Ошибаться свойственно человеку (посл.): *Формула оправдания человеческих слабостей, недостатков, ошибок.*

Irren ist menschlich.

Крылатая фраза известна у многих европейских народов. В немецком языке она обычно цитируется в форме *Irren ist menschlich* – *Человеку свойственно ошибаться*. Афоризмы с таким назидательным смыслом фиксируются уже в древнегреческой литературе. Прообраз пословицы встречается, например, у греческого поэта Феогида, жившего за 500 лет до н. э. Он высказал мысль о том, что невозможно сохранить ни с кем тесных дружеских отношений, если сердиться на любую ошибку друзей, т. к. «ошибки неизбежны между смертными». В дальнейшем эта мысль повторялась в разных вариантах у Еврипида, Цицерона, Сенеки (Langenscheidt Sprichwörter 2001, 108; John 2005, 220; Duden Bd. 12, 165–166; DZR 2007, 221; Büchmann 2007, 424–425; Берков – Мокиенко – Шулежкова 2000, 538; Бирих – Мокиенко – Степанова 2005, 749; Зыкова – Мокиенко 2005, 310). Многие источники классифицируют фразу как кальку с широко распространенного латинского афоризма *Errare humanum est*, который, как утверждается, восходит к словам латинского проповедника и поэта Иеронима (Hieronymus, прим. 347– 419 или 420 н.э.). В одном из своих писем он пишет: „... *quia et errasse humanum est et confiteri errorem prudentis*“ (букв.: Поскольку для человека ошибаться естественно, то будет разумным признать ошибку; „*Epistulae*“ 57, 129. Афоризм встречается в речи („*Philippischen Reden*“ – «Филиппики», 12, 2) римского государственного деятеля, писателя и оратора Цицерона (Марк Туллий Цицерон, 106–43 до н. э.): *Cujusvis hominis est errare, nullius, nisi insipientis, in errore perseverare* (букв.: Каждому человеку свойственно ошибаться, но никому, кроме глупца, не свойственно упорствовать в ошибке).

В англоязычной среде «сокращённый» вариант распространился в XVIII в. Английский поэт возрождения Александр Поуп (Alexander Pope, 1688–1744) в своём эссе „*Essay on criticism*“ («Эссе о критике») в немецком переводе – „*Versuch über die Kritik*“) употребил сентенцию *To err is human, to forgive divine*, которая стала популярной и в немецкой речи: *Irren ist menschlich, Vergeben göttlich* (букв.: Ошибаться – человеческое, прощать – Божественное) (John 2005, 220; DZR 2007, 221 и мн. др.).

⁵⁷<https://www.blueprints.de/wortschatz/von-narziss-bis-pyrrussieg/puenktlichkeit-ist-die-hoeflichkeit-der-koenige.html>. 26.9.2018.

Универсальность содержания крылатой фразы породила её многочисленные синонимы и варианты. Приведём лишь несколько примеров из немецкого: *Menschlich ist es, Sünden zu treiben; teuflisch ist's, in Sünden zu bleiben; Niemand ist unfehlbar; Es irrt der Mensch, solange er strebt* (Goethe, Faust. Prolog im Himmel); *Auch der beste Gaul kann straucheln; Es stolpert auch ein Pferd, das vier Füße hat; Auch der geschickteste Fuhrmann fährt zuweilen aus dem Gleis.*

И в немецкой, и в русской речи эта широко известная пословица активно трансформируется, нередко образуя антипословицы, что свидетельствует о её популярности, напр., *Irren ist menschlich, auf einem Irrtum beharren, unmenschlich; Tiere irren selten, denn irren ist menschlich; Irren ist männlich; Wissen ist menschlich; Irre sind menschlich; Irren ist menschlich, aber wenn man richtigen Mist bauen will, braucht man einen Computer* (Mieder 1998, 128-133) – *Человеку свойственно нажираться; Человеку свойственно обжираться; Человеку свойственно ошибаться, но с помощью компьютера это ему удаётся намного лучше; «Человеку свойственно ошибаться...», – издаেকে начал командир воинской части разговор с женой санёра...* (Мокиенко, Вальтер, 2006, 540).

Пословица известна и фактически всем европейским языкам, напр., бел. *Чалавеку ўласціва памыляцца*; пол. *Błądzić jest rzeczą ludzką; Ludzka rzecz błądzić*; чеш. *Chybovati je lidské; Každý se může zmýlit*; словац. *Mýliť sa je ľudské; Každý sa môže pomýliť*; хорв. *Griješiti je ljudski*; словен. *Motiti seje človeško*; болг. *Човешко е да се греши*; англ. *To err is human*; голл. *Dwalen is menscheijk*; фр. *L'erreur est humaine*; исп. *Errar es humano*; рум. *A cadea in pacat e uman*; норв. *Det er menneskelig å feile*; швед. *Det är mänskligt att fela*; лит. *Klysti žmogiška*; фин. *Erehtyminen on inhimillistä*; венг. *Tévedni emberi dolog* и др. Массу подобных пословиц и их вариантов во многих языках отражают различные паремиологические собрания, напр.: Wander 2, 964-965; Strauss 1994, I, 1997-200; Sedlić 2001, 112-113; Вальтер, Мокиенко 2006, 139 и др.

Миф о власти и власть мифа **Человеку свойственно ошибаться**. Одни заблуждения довольно быстро им заявляются и преодолеваются, другие не очень очевидны и потому более устойчивы. Утверждаясь в нашем сознании, они встраиваются в существующую картину мира, участвуя в объяснении прошлого и настоящего, в прогнозировании будущего. (Сергей Любичанковский. Миф о власти и власть мифа // «Родина», 2007); – Я думаю, может, – сказал я. – *Человеку свойственно ошибаться*. И что, она теперь имеет право уехать? (Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003); Как же после этого жить?! – *Человеку свойственно ошибаться*. Не ошибается тот, кто ничего не делает. (Юрий Азаров. Подозреваемый (2002))

«Sorry», sagt Hillary Clinton, sie habe sich da wohl ein wenig missverständlich ausgedrückt, aber *irren sei menschlich*. (Die Zeit, 27.03.2008); „Klar, Ihr seid ja die good guys, also: Schwamm drüber, *irren ist menschlich*, aber nicht wieder tun, sonst schicke ich Euch meine Contras mit Ollie North auf den Hals.“ (Die Zeit, 26.06.1987); Daß *irren menschlich* (und daher auch *päpstlich*) ist, zeigen bei diesem Lehrschreiben die offenkundigen Widersprüche; sie gefährden die

Glaubwürdigkeit des Textes auch da, wo er durchaus mit weitgehender Zustimmung rechnen könnte. (Die Zeit, 07.04.1995).

И ещё один пример, отражающий события политической истории:
Четвёртая власть (публ.): *Средства массовой информации в демократическом обществе, которые имеют влияние на политический процесс. Die vierte Macht.*

Оборот впервые употребил английский историк Томас Бабингтон Маколей (1800-1859): «Галерея [специально отведённое в парламенте место для представителей прессы], где сидят репортёры, стала *четвёртой властью* Империи» (Серов 2003, 781; Берков – Мокиенко – Шулежкова 2014, 2, 550; Брунс 2017, 63). Во французском языке в обозначении явления реализуется понятие власти или силы, которое «имеет положительный оттенок; фр. *le quatrième pouvoir*, английское *the fourth estate* выражает идею сословного общественного строя (действующего во многих странах вплоть до XIX века). После традиционных трёх первых сословий – дворянства, духовенства и простого люда – теперь следует новое, четвёртое сословие. Оно определяется уже не своим социальным происхождением и своей ролью в государстве, а своей общественной функцией в сравнении с другими социальными факторами власти, которые объединяют общественность» (Брунс 2017, 63).

Роль газет, радио, телевидения, интернета и т. п. как влиятельной четвертой власти в государстве является неоспоримой, независимо от политической системы и общественных структур, внутри которых они действуют. Несмотря на то, что СМИ осуществляют свою деятельность преимущественно в рамках сферы политики, они, в конечном счёте, являются лишь одной из важных экономических сторон в обществе.

Любопытно, что даже самые престижные словари немецкого языка не фиксируют весьма актуальный сегодня политический термин (подробнее см. Брунс 2017, 63 сл.).

«Вот она, *четвёртая власть!*» – воскликнул, улыбнувшись, президент РСПП Аркадий Вольский, войдя вчера в зал заседания Союза промышленников и предпринимателей, где его с нетерпением ждали около 40 журналистов отечественных и зарубежных СМИ. (Оксана Карпова. Бизнес в растерянности (2003) // «Время МН», 31.7.2003); Постепенно, очень постепенно стали приходить к мысли, что гласность, слово правды, «*четвёртая власть*», оказывается силой, только если за её спиной стоят три других ветви власти, либо одна (как у нас), та, что съела две остальные. [Алексей Левинсон. Социология об истории // «Неприкосновенный запас», 2010); ... указав: неприкасаемых нет, не *четвертая власть* правила устанавливает, а пятая, криминальная. (Евгений ДОДОЛЕВ. Влад Листьев – чужой среди своих // Комсомольская правда, 2012.03.01)

Daneben war ... ein Freund von Theodor Heuß oder Gerhard Storz (dem Kultusminister) und einer der Männer, deren beherztem Politikverständnis es die alte Bundesrepublik verdankte, dass neben den drei Verfassungssäulen eine

aufgeklärte Presse als „vierte Macht“ die Rechtsstaatlichkeit garantierte. (Der Tagesspiegel, 23.06.2002); Zumindest nicht Redaktionen, die sich als Vertreter der vierten Macht im Staat und als Dienstleister der Demokratie verstehen. (Die Zeit, 12.06.2015); „Die vierte Macht“ bekommt Moritz Bleibtreu zu spüren. (Die Zeit, 12.03.2012)

В заключение хочется добавить, что это словарь учебного плана. Его адресатом являются прежде всего студенты, изучающие как русский язык и культуру, так и немецкий язык и культуру.

Томас Брунс, Трирский ун-т, Трир, Германия
brunst@uni-trier.de

Французско-хорватские и французско-сербские языковые контакты в области фразеологии и их репрезентация в словарях

0. Не подвергается сомнению точка зрения, что изучение французской и хорватской или сербской фразеологии до нынешнего дня создало большой фонд научных публикаций. Поэтому состав фразеологических единиц (ФЕ) этих языков можно считать хорошо изученным (ср. Petermann 1992, 407-430; Fink-Arsovski 2002, 121-124; Menac 2007, 254-266; Golubović 2009, 7-11).

Исходной точкой данной работы, однако, является тот факт, что до сих пор этимологии ФЕ уделялось намного меньше внимания, чем её синхронному аспекту. Это верно как для изучения отдельного языка, так и для сопоставительных исследований. Соответственно этому число лингвистов, занимающихся именно историко-этимологической стороной ФЕ, незначительно. Среди них особенно выделяется Драгана Мршевић, которая уже с 1980-х годов публикует работы по этой тематике, в том числе и статью о «синтактико-семантической динамике» ФЕ (синтаксичко-семантични динамизам; 1982, 87). Ею предложена следующая дефиниция:

«Под етимологијом фразеолошке јединица подразумева се како утврђивање порекла дате ФЈ, тако и успостављање њене унутрашње фразеолошке структуре. Полазећи од актуелног фразеолошког значења претпоставља се мотивационо значење, а у крајњој анализи и конкретно лексичко значење базног облика (прототипа ФЈ)» (Мршевић 1984, 103).

Дву- или многоязычные фразеологические словари, как правило, ограничиваются, независимо от их объёма и комбинации языков, презентацией и толкованием эквивалентов соответствующих языков, не принимая в расчёт исторические эпохи и направления распространения и воздействия ФЕ. В этом отношении такие словари ориентированы чисто синхронно и упускают из вида историко-этимологический компонент ФЕ. Нельзя не согласиться с мнением М. Белошевић:

«Већ на основу историјског прегледа досадашњих истраживања немачко-српских културно-језичких контаката [...] види се да удео немачког језика у фразеологији српског језика уопште није детаљно истражен» (Белошевић 2015,

12). Это суждение можно без всяких проблем распространить и на французско-хорватский и французско-сербский языковые контакты.

Показательным примером существующих языково-фразеологических контактов при географической дистанции между странами, с одной стороны, и отсутствующей обработки истории этих контактов в области фразеологии, с другой стороны, является языковая пара французский – хорватский. Поскольку ситуация относительно пары французский – сербский представляется схожей, данная работа опирается и на сербские источники. Для того, чтобы гарантировать как можно более широкую базу для сопоставления материала, привлекались и похожие словари других языков (английского, немецкого, русского).

Предлагаемая работа не понимается как решение уже существующей проблемы, а скорее, как постановка новой, во всякой мере пока не решенной проблемы. Она состоит из трёх частей: во-первых, проводится разбор двух специализированных библиографий для хорватского и сербского языков, при особом учёте двуязычных французско-хорватских (хорвато-сербских, сербских) фразеологических словарей. Во-вторых, привлечение подобных по типу фразеологических словарей для других языковых пар, сопоставление словарей по их объёму, концепции, содержанию и научной направленности делает возможным получить более выразительное представление о различных видах словарей, имеющихся на рынке. В-третьих, благодаря этому сопоставлению даётся обзор преимуществ и недостатков существующих словарей и предпринимается попытка выдвинуть предложения составителям дву- или многоязычных этимологико-фразеологических словарей.

1. Французско-хорватские и французско-сербские языковые контакты обнаруживают историю в полтора тысячелетия, учитывая также эпоху латыни как романского языка-основы. Эти контакты в лексикографической области обработаны очень по-разному. Фразеологическая контактология является в этом смысле полем, которому учёные до сих пор уделили относительно мало внимания.

Для поиска подходящих к теме словарей были рассмотрены две обширные и содержательные библиографии: для хорватского языка *Bibliografija hrvatske frazeologije* (2010, авторы: Fink Arsovski, Kovačević, Hrnjak) и для сербского языка обще-лексикографически ориентированный список *Библиографија српских речника* (2016, автор: Вукићевић).

Известно, что существует немало двуязычных французско-хорватских и французско-сербских словарей. Библиография Вукићевића приводит несколько десятков таких справочников для французского и хорватосербского/ сербского языков. Они, однако, являются общеязыковыми словарями и не учитывают проблем специализированной лексикографии. Фразеологические словари в этом ряду весьма редки. Д. Вукићевић упоминает лишь четыре таких справочника, начиная с 1924-го года. Причём не все они соответствуют жанру фразеологического словаря в собственном понимании этого термина. Fink Arsovski, Kovačević и Hrnjak в своей библиографии упоминают всего две работы из серии *Mali frazeološki rječnici*. В общем, результат поиска оказывается

разочаровывающим, и это, конечно, не вина библиографов.

2. Какие характеристики у названных выше словарей? Ввиду их объёма и концепции их следует считать рабочими пособиями, рассчитанными на повседневное употребление школьниками, студентами, переводчиками и другими заинтересованными лицами. Они ориентированы на синхронию и чаще всего отказываются от историко-диахронных толкований и связанного с ними научного аппарата. Указание на оригинальные исторические источники из литературы или средств массовой информации, как правило, отсутствует.

Поскольку число французско-хорватских и французско-сербских словарей, как мы видели, весьма ограничено, рассмотрим, кроме того, ещё несколько подобных по концепции дву- и трехязычных словарей для того, чтобы получить более полное представление о ситуации нынешней многоязычной фразеологии. Weinberger (2012) приводит для каждой ФЕ как из хорватского, так и из сербского языков контекстные примеры, источники которых даны, если они взяты из хорватского онлайн-корпуса⁵⁸. К тому же для обоих языков привлекаются и результаты поиска в Гугле. Ввиду того, что здесь отсутствует указание источников (URL-адрес, режим доступа), следует охарактеризовать их пригодность к научному использованию ограниченной. Отсутствуют также исторические пометы о происхождении и направлении заимствования.

Kovačević (2007) дополняет лишь маленькую часть приведённых им ФЕ контекстными примерами из литературных произведений. Другие примеры, которые, очевидно, не из таких текстов, не снабжены указанием источника. Причем подобные примеры составляют подавляющее большинство материала. И в этом словаре не указаны ссылки на исторические факты.

Шкляр, Эккерт, Энгельке (1977) используют исключительно примеры, взятые из литературных источников, включая соответствующие ссылки. Несмотря как на их весьма разные концепции и направленность, так и на их сильно варьирующийся объём, названные выше словари, в совокупности, могут считаться научными.

Другая ориентация наблюдается в случае следующих словарей: *Frazeološki rečnik srpskohrvatskog jezika. Srpskohrvatsko-slovački* (Kašić – Petrović – Spasić 1984), Matešić (1988), Милослављевић (2007), Головић (2010) и Sekić (2016) не приводят ни одного контекстного примера. Petronijević (2007), в свою очередь, приводит исключительно ФЕ из литературных произведений и их перевод (на немецкий язык), так что эти ФЕ относятся преимущественно к книжно-литературному функциональному стилю. Милослављевић делает в нескольких местах полезные метаязыковые комментарии о происхождении, частотности или качестве ФЕ, например, в статье *housetops* (Милослављевић 2007, 164), где он указывает: «Јавља се први пут у Јеванђељу по Луки (12:3)». В последних словарях сведения о морфологии, синтаксисе и стиле встречаются на очень разных уровнях: отчасти они совсем отсутствуют, отчасти они присутствуют

⁵⁸ <http://riznica.ihj.hr>

лишь в зачаточной форме. Такие минусы, скажем, скорее особенности, не обязательно снижают практическую значимость этих справочников. Наоборот, они могут даже увеличить её благодаря отсутствию именно теоретико-научного аппарата, но они делают эти словари менее пригодными для научных задач. Это особенно верно для историко-диахронического аспекта употребления.

Нижеприведенная таблица даёт синопсис важнейших характеристик упомянутых словарей. Номера в квадратных скобках отсылают к соответствующим словарям, указанным в списке используемой литературы.

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Предисловие даёт сведения о концепции словаря, ограничении материала, структуре словарных статей, определении опорного слова ФЕ, типографических особенностях	X	X	X	X	(X)	X	X	X	X	(X)
Алфавитный порядок статей по первому слову ФЕ	-	-	-	-	-	X	-	-	-	X
Алфавитный порядок статей по опорному слову ФЕ	X	X	-	X	X	-	X	X	X	-
Порядок статей по семантическим группам	-	-	X	-	-	-	-	-	-	-
Указание на источник ФЕ исходного языка	∅	∅	∅	∅	∅	∅	(X)	∅	∅	(X)
Указание на источник ФЕ ФЕ исходного языка	∅	∅	∅	∅	∅	∅	(X)	∅	∅	∅
Указание фразеологических синонимов языка-источника	∅	∅	(X)	∅	∅	(X)	∅	∅	∅	∅
Указание фразеологических синонимов языка-источника	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Указание вариантов ФЕ	X	X	X	X	X	X	(X)	X	X	X
Сведения об управлении	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X

Метаязыковые сведения (стиль и т.п.)	(X)	∅	∅	∅	∅	(X)	∅	∅	X	∅
Объяснение ФЕ посредством парафразы	∅	∅	X	∅	∅	∅	X	∅	X	(X)
Указание дословного (не фразеологического /не идиоматического) перевода	∅	∅	X	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
Приведение контекстных примеров с указанием источника	-	-	(X)	X	-	(X)	-	-	X	-
Приведение контекстных примеров без указания источника	-	-	(X)	X	-	(X)	X	-	-	-
Алфавитный указатель	∅	∅	X	∅	∅	∅	∅	X	X	∅

Условные обозначения:

X = присутствует, (X) присутствует не во всех случаях, ∅ = отсутствует, - = неверно

Из всего вышесказанного явствует, что действительно историко-этимологического фразеологического словаря для языковой пары французский – хорватский (хорватосербский / сербский) до сих пор нет. Для других языковых пар ситуация представляется подобной.

3. Из вышеизложенных наблюдений вытекают следующие требования к научно ориентированному, историко-переводческому фразеологическому словарю: необходима дефиниция ФЕ, которая соответствует всеобщему учению о характере фразеологизмов (которое могло бы, например, исключить коллокации и идиомы, у которых отсутствует один или более признаков ФЕ).

Лексикографическая работа должна опираться исключительно на оригинальные источники (существующие корпуса могут оказать важную помощь, прежде всего такие из них, которые содержат историко-этимологическую информацию. Желательно приведение первоисточников как для исходного, так и для сопоставляемого языков – таким образом даётся важное указание направления заимствования в случаях, где действительно оно существует. Стилистические пометы оказываются важными именно там, где имеются межъязыковые различия. Центральным элементом словарной статьи является указание на семантические сдвиги, сужения или расширения, которые могут повлечь за собой, между прочим, явление ложных друзей переводчика.

В отличие от обыкновенных одно- или многоязычных фразеологических словарей, историко-фразеологический словарь должен быть в состоянии свидетельствовать (в форме сопоставления) о возможных

морфолого-синтаксических и семантических изменениях. Это касается, прежде всего, возможных изменений в области типов эквивалентности, а значит, и сдвигов в соотношении полной, частичной и суррогатной эквивалентностей (ср. Brehmer 2009, 151-160) в течение языкового контакта. Необходимо для такого словаря нового типа и решение вопроса об ограничении компонентного состава, т.е. о том, применять ли к ФЕ узкое определение или принять во внимание «фразеологизмы в самом широком смысле» (ср. Levin-Steinmann 2009, 16-17), т.е. и пословицы, поговорки, крылатые слова, коммуникативные обороты (*Dobar dan!*), устойчивые глагольно-именные словосочетания (*davati obećanje*) и реляционные словосочетания (*s obzirom na*).

В заключение предлагается следующая структура словарной статьи (каждая статья состоит из разных блоков):

ФЕ исходного языка (порядок алфавитный или по семантическим группам)

различные значения полисемичной ФЕ разделяются друг от друга цифрами (1. ...; 2. ...; ...)

- формальные / метаязыковые сведения о морфологическом и синтаксическом поведении ФЕ:
 - вариативность / внутренние варианты ФЕ (вариативные и факультативные элементы стоят в различных скобках)
 - грамматические сведения (род, вид и т.п.)
 - управление
 - стилистические пометы (*разг., прост., книжн.* и т.п.)
 - указание характера фразеологизма (идиома, пословица и т.п. – зависит от выбора материала)
 - объяснение / парафраза
 - указание (перво)источника ФЕ
 - контекстные примеры с указанием источника
 - ❖ *описание возможных структурных изменений и / или семантических сдвигов в ходе истории; возможно указание культурно-исторической специфичности ФЕ и межкультурных и межъязыковых контактов (которые, возможно, способствовали расширению ФЕ)*
 - указание фразеологических синонимов
 - дословный перевод (может способствовать пониманию структуры исходной ФЕ)
 - **идиоматический перевод и / или ФЕ выходного языка**
- различные значения полисемичной ФЕ разделяются друг от друга цифрами (1. ...; 2. ...; ...)
- формальные / метаязыковые сведения о морфологическом и синтаксическом поведении ФЕ:
 - вариативность / внутренние варианты ФЕ (вариативные

- и факультативные элементы стоят в различных скобках)
 - грамматические сведения (род, вид и т.п.)
 - управление
 - стилистические пометы (*разг.*, *прост.*, *книжн.* и т.п.)
 - указание (перво)источника ФЕ
 - контекстные примеры с указанием источника
 - указание фразеологических синонимов
-

Для обсуждения предлагаются, в частности, следующие вопросы:

- Стоит ли вообще заниматься разработкой историко-этимологического дву-/многоязычного фразеологического словаря?
- На какой круг пользователей ориентирован такой словарь (на широкий или на узкий круг)? Кому он нужен (практикам, переводчикам, преподавателям, школьникам, студентам, теоретикам, методистам, лингвистам-фразеологам)? Какие у него цели и задачи (словарь активного типа или чисто научный словарь)?
- Какие плюсы и минусы у такого словаря (по сравнению с существующими фразеологическими словарями)? Какой будет отличительная особенность данного словаря?
- Каков объём должен / может быть у такого словаря?
- Какие типы источников допускаются (литературные произведения, журналистские тексты, в том числе и онлайн-овые, переводные тексты, корпусы, в том числе и онлайн-овые, корпусы письменного и устного языка, результаты поиска в Гугле, Яндексe и т.п.)?
- Какова должна быть структура словарных статей?

Мачей Вальчак, Силезский университет, Сосновец, Польша
maciej.walczak@us.edu.pl

Заемствованные элементы в русских пословицах и поговорках, относящихся к уму или глупости

В разделе анализируются выбранные русские паремиологические единицы, характеризующие умственные качества человека, в составе которых присутствуют элементы иноязычного происхождения, в том числе имена собственные. Порядок представления материала подчиняется убывающей частотности заимствованных единиц в составе пословиц и поговорок. Помимо выявления иноязычных лексем, сопровождаемых этимологическим комментарием, предпринимается попытка определить мотивацию включения данной единицы в структуру исследуемых паремий.

Проблема заимствований во фразеологии как литературного и общеупотребительного языка, так и нестандартных его проявлений

(жаргоны, сленг, арг) поднималась неоднократно (см. Полозова 2008, 83-87; Наумова 2012, 235-241; Лавриненко 2010, 33-40; Мокиенко 2009, 167-181). В большинстве работ по данной тематике *заимствование* относилось ко всей фразеологической единице, переведённой пословно из других языков (калькирование), либо как сам процесс перехода в язык-адресат с последующими ассимилятивными изменениями. Нам хотелось бы обратиться к понятию заимствования в более узком смысле, предполагающем отдельные лексические единицы иноязычного происхождения в составе фразеологизмов, а точнее – пословиц и поговорок. Обоснованием такого подхода может служить, в нашем представлении, то обстоятельство, что некоторые чужеродные языковые единицы при этимологическом их анализе всё-таки проявляют определённую связь, нередко народно-фольклорного и мифологического характера, с общими языковыми представлениями, свойственными не только русской, но и другим культурам.

Цель работы, таким образом, предполагает выявление лексем иноязычного происхождения, включая единицы русским языком хорошо освоенные и полностью русифицированные, в структуре русских народных пословиц и поговорок, связанных с умом или глупостью, с последующим объяснением мотивации их появления в составе рассматриваемых единиц, порой с одновременным привлечением семантических параллелей из других языков, польского в том числе. Классификация материала, извлечённого методом сплошной выборки из сборника пословиц русского народа В. И. Даля (Даль 2000), будет осуществляться на основании лексико-грамматической характеристики заимствованных лексем с опорой на их частотность. В поле зрения, тем самым, оказываются личные имена, как наиболее представительные по количеству иноязычные элементы, затем имена существительные и, наконец, прилагательные, при этом только те, которые в большей или меньшей степени связаны с представлениями об уме или глупости.

Высокая частотность паремиологических единиц с компонентами-антропонимами, не только в составе выбранного нами тематического поля ума и его отсутствия, объясняется тем, что антропонимы дают и в то же время передают чрезвычайно сложный спектр категорий имён, что связано с историей культуры, особенностями психологии, традицией и многим другим (ср.: Фей 2015, 31). К аналогичному выводу приходят также Н. В. Дороднева и Е. Н. Ермакова, констатируя, что традиционные имена, как мужские, так и женские, как нельзя лучше представляют культуру и языковую картину мира разных наций (Дороднева, Ермакова 2013, 241). Как замечает М. Надель-Червинская (2011, 4-5), имя собственное принимает активное участие в процессе создания паремиологических единиц и малых текстов, при этом для русской паремиологии актуальны личные имена, включая лексемы от них производные. Основная их функция сводится к опосредованному указанию на носителя личного имени, его особенности, привычки, как положительные, так и отрицательные, являясь одновременно рефлексом сформировавшихся в

народно-фольклорной традиции стереотипных, отчасти мифологических, представлений о носителях определённых имён (Надель-Червинская 2011, 19-20). Включение личного имени в структуру пословиц и поговорок зачастую обусловлено также рифмовкой, о чём может свидетельствовать, по словам О. Г. Твердохлеб, ряд пословиц с попарно рифмующимися личными именами и с аналогичным синтаксическим строением (Твердохлеб 2016, 68).

Личные имена, встречающиеся в выбранных паремиях, чаще всего греческого и древнееврейского происхождения, хотя важно отметить, что, с точки зрения современного языкового сознания, некоторые из них воспринимаются как традиционно русские. Высокая частотность имён упомянутого этнокультурного ареала не удивляет, поскольку именно греческий язык, особенно через библейские тексты (откуда и проникали единицы древнееврейского языка, личные имена в том числе), оказывал многовековое воздействие на русский язык и культуру, включая культуру народную. В связи с этим анализ начнём с имён греческого происхождения.

Имена греческого происхождения

В данную группу входят антропонимы как в полной и стилистически нейтральной, так и в сокращённой, разговорно-обиходной, формах:

- **Аксён** – разговорный вариант имени **Авксентий**, от др.-греч. Αὐξέντιος, восходящего к глаголу αὐξάνω ‘увеличиваю, расширяю’
 - **Всяк Аксён про себя умён**
- **Филат** – вариант имени **Феофилакт**, от др.-греч. Θεοφύλακτος ‘хранимый Богом’ (ср. выражения *Божий человек*, *Божий дурак*, *христов человек*, обозначающие юродивого, балаженного, но также дурака, странника)
 - *Наш Филат тому и рад. Дурак дураку рад*
- **Фома** – от греч. Φωμάς, восходящего к арамейскому כּוּמַי ‘близнец’
 - *Фома не без ума, Ерёма не без промысла*
 - *Ждут Фому: чают быть уму*
 - *Фома не купит ума, своего продаст*
- **Фаля** – сокращённая форма имени **Фалалей / Фалалёй / Фалелей**, восходящая к др.-греч. Θαλελαίος, Θαλλελαίος ‘цветущая маслина’
 - *Собой-то краля, а умом-то фаля*
- **Фофан** – сокращённый вариант имени **Феофан**, от греч. Θεοφάνης ‘богоявление’
 - *Ни от камня мёду, ни от фофана плоду*
 -

Стоит также отметить, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля встречается лексема *аноха / Аноха*, вероятно, от *Енох, Энох*, по замечанию Даля, в значении ‘простак,

простыня, простофиля, недоумка’ (Даль 1880, 17). Как нарицательные существительные со сходной семантикой фиксируются также *фофан, фаля / фалалей, филатка*, ‘простак, дурак, глупец’, (Даль 1880, 531; 534; 538). Следует упомянуть также единицы *филя* и *простофиля* в значении глупого, нерасторопного человека (подробнее об этом: Виноградов 1999, 578-581), что в целом свойственно рускому языку – в подобных значениях простака, недотёпы *Алёха, Алёша, Агафон, Ваня, Вася, Лёха*, хотя не в пословицах.

Имена древнееврейского происхождения

К именам древнееврейского происхождения относятся следующие:

- **Соломон** – др.-евр. Шломо שלם (шалем) ‘совершенный, цельный’
 - *Помяни, господи, царя Соломона и всю премудрость его*
- **Симеон / Семён** – др.-евр. שמעון (Шимон) ‘услышанный’
 - *Годится под св. Симеона столпника*
 - *Умён как поп Семён: книги продал, а карты купил*
- **Аноха** – русифицированная форма имени **Енох / Энох** от др.-евр. חנוך ‘поучение, учитель, посвяtitель’
 - *Время плохо: стал указчиком Аноха*
- **Еремей / Ерёмушка / Ерёма** – от библейского **Иеремия**, др.-евр. ירמיהו ‘вознесённый Богом Яхве’
 - *Всяк Еремей про себя разумеи*
 - *Сунуло Ерёмушку к семи чертям*
 - *Фома не без ума, Ерёма не без промысла*
- **Наум** – разновидность еврейского имени **Нахум, Нохум**, др.-евр. נחום ‘утешённый’
 - *Пророк Наум, наставь нас на ум*

В данной группе часть заимствованных антропонимов связана с именами святых или библейских персонажей, как носителей определённых умственных и духовных качеств, напр., царь Соломон, как мудрейший из людей и справедливый судья: *Помяни, господи, царя Соломона и всю премудрость его*. В свою очередь, в пословице *Годится под св. Симеона столпника* упоминается имя монаха-отшельника, известного тем, что он провёл на столпе 37 лет. В данной паремиологической единице, как представляется, основной смысл заключается в том, что глупый человек, в силу недостатка надлежащих умственных качеств, может быть использован только в качестве подпорки, т.е. столпа.

Небезынтересно отметить, что представление о недалёком человеке как о неподвижном вертикальном объекте, в частности дереве, находит своё отражение и в ряде других фразеологических единиц, характеризующих умственные недостатки человека посредством растительной метафоры (БФСРЯ 2006, 195): *дубина стоеросовая, глуп как дерево, дуб дубом, пенёк горелый, пенёк с ушами, чурка с глазами; дурак, что мутовка – куда выросла рогуля, туда и торчит; сдуру, что с дубу; с осину вырос, а ума не вынес*.

Названные дерево и столб объединяются ещё одним признаком –

вытянутостью по вертикали, что, ассоциируясь с высоким ростом, нередко противопоставляются в русском сознании умственным качествам, ср. пословицу *Дурная трава в рост идёт*. Связь высокого роста с отсутствием интеллекта прослеживается также и в некоторых паремиях, содержащих заимствованные существительные, называющие высокие, а также объёмные объекты, метафорически характеризующие человека и его умственные способности.

Заимствованные нарицательные имена существительные

Данная группа имён существительных формируется за счёт таких единиц:

- **каланча** – ‘наблюдательная башня с колоколом при городской пожарной части’ вероятнее всего из турецкого языка от * **kule-f-ça** ‘башенка’ (Черных 2009, 370)

- *Два фонаря на пустой каланче*

В названной паремиологической единице словосочетание *два фонаря* является метафоризированным определением больших глаз умственно ограниченного человека, чей высокий рост выступает показателем отмеченного отсутствия интеллекта (*пустая каланча*). Здесь также реализуется, по словам Е. И. Селиверстовой, идея несоответствия имеющегося у человека ума впечатляющей внешности – росту (Селиверстова 2018, 209). Сюда же можно отнести и польские примеры: *wysoki jak topola, a głupi jak fasola; wysoki jak brzoza, a głupi jak koza*.

Представление о человеке как о фигуре, организованной по вертикали, верхняя часть которой соотносится с головой (или мозгом) как инструментом мыслительной деятельности, находит отражение в ещё одной паремии с заимствованным существительным *чердак*:

- **чердак** – ‘часть дома, помещение над потолком, под самой крышей, иногда приспособленное для жилья’, вероятно из турецкого языка, от *çardak* ‘открытая беседка на четырёх столбах’ (Черных 2009, 381)
 - *У него чердак без верху: одного стропильца нет* (ср. также совр.: *у кого чердак плохо / слабо меблирован; у кого чердак протекает; чердак не в порядке; датск. rotter på loftet* ‘крысы на чердаке’)

Обсуждая заимствованные существительные, продолжающие линию представлений о человеке как вертикальной фигуре, верх которой ассоциируется с головой, следует упомянуть также лексему *башка* (ср. также *башня* того же корня, совр. *Башня съехала (у кого); Башню снесло / срывает*):

- **башка** – прост., обычно бран. ‘голова (человека)’, из тюрк. языков, обычно связываемое с о.-т. *баш* ‘голова, глава; верх’ (Черных 2009, 79-80).
 - *Башка чиста, так и мошна пуста*
 - *У него башка из табачного горшка*

- *Глуп, как стоеросовая башка*
- *Не заплатана башка*
-

Наименования объёмных предметов или просторных, вместительных объектов, в том числе сосудов, часто становятся основой переноса при характеристике человеческого ума, выступая не только в функции его вместилца (ср. Колесов – Колесова – Харитонов 2014, 30), но и количественного показателя. К таковым можно отнести слова *палата* и *туес*:

- ***палата*** – в устаревшем значении ‘большая комната, зал во дворце’, от ср.-греч. *παλάτιον*, лат. *palatium* ‘дворец’
 - *У него ума палата!* (ср. польск. *mieć łeb jak sklep*)
 - *Ума палата, да другая не почата*
 - *Ума палата, а спина горбата*
 - *Ума-то палата, да не покрыта*
 - *Ума палата, а денег ни полуполы* *Ума палата, да ключ потерян*
- ***туес*** ‘сосуд из бересты цилиндрической формы’. Используется в быту для хранения различных пищевых продуктов и жидкостей, засолки грибов (Шангина 2003, 475-476), из коми *той* ‘берёста’.
 - *Глуп, как сибирский туес*

Сравнение глупого человека с туесом, как можно предположить, мотивируется переносом содержания сосуда и качества его содержимого на «содержание» головы и её умственных признаков. Подобное представление о качестве или полном отсутствии содержимого, являющегося показателем недостатка ума, можно увидеть и в других устойчивых единицах:

- *У него в голове ни ползолотника мозгу*
- *У него в голове реденько засеяно*
- *У него в голове – колос от колоса, что не слышно и голоса*
- *Под носом взошло, а в голове и не посеяно*
- *На голове густо, а в голове пусто*

Подобное представление имеется и в польских фразеологических единицах: *mieć nasrane w głowie* ‘иметь насрано в голове’; *mieć / nie mieć oleju w głowie* букв. ‘(не) иметь масла в голове’; *mieć siano w głowie, mieć kielbie we łbie* букв. ‘иметь в голове сено’, ‘иметь в башке пескарей’.

Во многих лингвокультурах ум, разум, интеллект, рассудок, умственные способности, умение учиться на опыте, применять знание связываются со светом (ср. *просвещение, просвещать, просветитель, светлая голова, светлый ум*), в то время как умственная отсталость, невежество – с темнотой и мраком. В этой связи неслучайным видится наличие в составе некоторых единиц заимствованного существительного *фонарь* как

отражения ассоциативного поля *ум – свет, глупость – мрак, тьма*:

- **фонарь** – от ср.-греч. *φανάριον* ‘фонарь’, связано корнем с др.-греч. *φᾶνός* ‘факел’, *φαίνω* ‘свечу(сь)’.
 - *Голова без ума, что фонарь без свечи*

Связь с церковной традицией, предполагающая соотнесение повседневного быта с календарём церковных обрядов и праздников, способствовала проникновению в живую речь различных слов и выражений, относящихся к религиозному культу (в том числе, упоминавшиеся ранее имена святых). Вполне объяснимым поэтому представляется довольно большое количество паремий с такими существительными, как *алтарь, поп, ад*:

- **алтарь** – лат. *altare* ‘жертвенник’, от *alta ara* ‘высокий жертвенник’
 - *Дурака и в алтаре бьют*
 - *Дураку и в алтаре нет спуска*

Алтарь является местом святым, в котором подобного рода проявления недопустимы и даже запрещены. Ироническим выглядит в этой связи предлагаемое исключение – поучение дураков через физическое наказание, с мыслью о том, что жизнь наказывает неразумного даже тогда, когда он менее всего по своему положению этого ожидает.

- **поп** – возможно, из поздн.-греч. *παπῦς* ‘священник’ или др.-в.-нем. *pfaffo* ‘священник, поп’
 - *Глупый поп свенчает, умному не развенчать*
 - *Попа да дурака – в передний угол сажают*
 - *Умный тебя поп кстил, да напрасно не утопил*
 - *Умный поп только губами шевели, а мы уж догадаемся*
 - *Умному попу лишь кукиши покажи, а уж он и знает, какой грех*
- **ад** – от имени греческого бога *Ἅιδης* ‘Аид, бог преисподней’
 - *Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю*
 -

Наличие соответствующих умственных качеств и умение к ним прибегать дают человеку возможность извлекать определённые материальные выгоды, а получение прибыли в этом случае выступает нередко своеобразным стимулом мыслительной деятельности. В этой связи, как можно предполагать, в исследуемых нами паремиях зачастую прослеживаются лексемы, называющие конкретные денежные единицы (ср. *у кого в голове нет ни ползолотника мозгу; был бы ум, будет и рубль; не будет ума, не будет и рубля*) или деньги вообще.

Сама лексема *деньги* (арх. *деньга*) является заимствованием из тюркских языков: ср. каз.-тат. *тәңкә* ‘монета серебряная или золотая’, узб. *танга* ‘тенгга – серебряная монета достоинством в 15 коп.’ (Черных 2009, 241). Проиллюстрируем это рядом таких единиц:

- *Думай не думай, а сто рублей деньги*
- *Без ума суму таскать, а с умом деньги считать*
- *Без денег и разума нет*
- *Ума палата, а денег ни полуполы*
- *Разуму много, да денег нет*
- *Есть рубль, есть ум. Деньга ум родит*

В приведённых паремиологических единицах ум и деньги являются взаимосвязанной и взаимообусловленной парой, в которой отсутствие одного компонента исключает наличие другого (*без денег и разума нет; деньга ум родит*), в то время как наличие ума при одновременном неумении им воспользоваться соответствующим образом ни о чём еще не говорит (*разуму много, да денег нет*).

Заимствованные имена прилагательные

По количеству наименьшую группу заимствований в выбранных для анализа единицах составляют имена прилагательные:

- **рахманный** – ‘ленивый; тщедушный; неуклюжий; тихий, смирный, простодушный; чудной, со странностями, блаженный’, из греч. βρῦχμᾶνοι ‘брахманы’ (Фасмер 1971, 449);

- *Рахманный пополам с дурью*

Здесь представлен образ глупого человека, которому помимо недостатка интеллекта свойственна также душевная вялость и пассивность.

- **фигурный** – прилагательное, производённое от существительного *фигура*, лат. *figura* ‘фигура, образ, изображение’

- *Дурень, да фигурен: в потёмках хорош*

Использование лексемы *фигурный* в данном контексте, как можно предполагать, имеет обоснование. Существительное *фигура*, а затем мотивированное им прилагательное, передаёт представления о *форме*, предполагающей физический облик, внешние очертания какого-либо объекта, в том числе человека. Применительно к интеллекту нарушение правильных, регулярных, главным образом прямых, линий, искажающих, тем самым, правильную, нормативную *форму*, воспринимается как отступление от нормы и признак интеллектуальной либо психической неполноценности.

Отмеченная семантика кривого, по форме нерегулярного, искривленного, искажённого и неровного прослеживается в ряде единиц, характеризующих человеческий интеллект и психику, а также странное поведение, ср.: рус. *кривляться* ‘паясничать; разыгрывать шута (горохового), валять (ломать) ваньку (дурака)’ (Александрова 2001, 186), польск. *mieć skrzywienie psychiczne* ‘проявлять психические отклонения’, *mieć nierówno pod sufitem* ‘быть психически ненормальным’ (букв. ‘иметь

неровно под потолком'). Тем самым, наличие правильных очертаний тела, т.е. красивой внешности, отнюдь не является показателем умственного достоинства и соответствия красоты интеллектуальным качествам.

На основании проделанного анализа удалось выявить, что самыми частотными элементами иноязычного происхождения в составе паремиологических единиц, относящихся к уму или глупости, являются нарицательные имена существительные и личные имена. Включение личного имени в структуру таких единиц связывает их с определённой языковой культурой. Об отнесенности к русской культуре могут также свидетельствовать и те единицы, которые, несмотря на иноязычное происхождение, тесно связаны с повседневной жизнью, бытом и традицией русского народа, а об их освоенности могут свидетельствовать возникающие переносные значения и коннотативные соотношения, в которых они себя проявляют.

**Екатерина Алексеевна Рычева,
Карлов Университет, Прага, Чехия
*ekaterina.rycheva@ff.cuni.cz***

SORRY JAKO: англицизмы в современной политической фразеологии в Чехии и России

Рассмотрены особенности употребления англицизмов в речи современных российских и чешских политиков. Описаны причины использования англоязычной фразеологии в политическом дискурсе, в том числе стремление к манипулированию сознанием адресата. Выделены четыре группы англицизмов, проанализированы их прагматические свойства в речи политиков. Употребление англицизмов в политическом дискурсе продиктовано внешними и внутренними факторами: регламентом и правилами конкретного жанра политического дискурса или коммуникативными установками самого политика. Политик, использующий англицизмы в речи, подчёркивает высокий уровень своей образованности, профессиональной компетентности и информированности и претендует на лояльность целевой аудитории.

Английский язык на протяжении многих лет занимает лидирующее место в мире в качестве универсального языка международной коммуникации. В процессе глобализации, эволюции международных отношений и развития науки и техники английские слова и выражения проникают во все сферы общества. Англицизмы не только помогают заполнить лакуны, связанные с отсутствием названия в языке-реципиенте, но и вытесняют из обихода уже существующие наименования.

Причины заимствований, проблемы влияния английского языка и области заимствования привлекают внимание многих чешских и российских исследователей (Adam 2012, Bozděchová 1997, Martincová 2013,

Mravenasová 2005, Володарская 2002, Дьяков 2003, Наумова 2012 и др.). Так, Й. Мравенацова указывает на то, что «количество заимствований из английского языка постоянно возрастает и реализуется в разных типах и сферах коммуникации»⁵⁹, и приводит несколько характерных областей, в которых функционируют англицизмы в чешском языке: компьютерная сфера; телекоммуникации; торговля, маркетинг, реклама; управление, человеческие ресурсы; финансы и банки; экономика; социология и психология; медицина; средства массовой информации; публицистика; спорт и другие (Mravenasová 2005, 188-189). И.В. Привалова отмечает, что в русском языке в настоящее время англицизмы и американизмы, в первую очередь, проникают в такие сферы, как политика, спорт, новые виды технологий (Привалова 2005, 281).

Исключительный международный статус и престижность английского языка в конце XX – начале XXI века способствовали заимствованию в язык политики России и Чехии множества англоязычных терминов: англицизмы широко используются в различных государственных учреждениях для обозначения понятий политической, экономической и социальной сфер общества. В первую очередь англоязычные заимствования в политическом дискурсе функционируют в области международных отношений, экономики и финансов.

Употребление англицизмов в политическом дискурсе обусловлено несколькими факторами: во-первых, использование англоязычного наименования может сделать выступление политика более понятным для иноязычных коллег и переводчиков; во-вторых, в некоторых странах престиж английского языка является настолько высоким, что англоязычные названия воспринимаются носителями другого языка более привлекательными, благозвучными, а употребление англицизмов указывает на авторитетность и образованность говорящего.

Можно выделить 4 группы англицизмов в чешской и русской политической фразеологии:

1. Фразеологизмы-термины;
2. Английские пословицы и поговорки;
3. Прецедентные феномены;
4. Авторские фразеологические единицы.

1. Фразеологизмы-термины из английского языка чаще всего используются в таких жанрах политического дискурса, как законы, указы и другие политические документы; международные переговоры и официальные встречи различных государственных подразделений и руководителей государств; публичные политические дискуссии и пресс-конференции. Политические выступления такого рода носят официальный характер и подчиняются строгому регламенту.

⁵⁹ *Переведено на русский язык автором статьи*

Терминологическое насыщение речи политиков иноязычными выражениями вынуждает адресата либо декодировать сообщение, либо принять информацию на веру и следовать коммуникативным установкам адресанта. В том и другом случае англицизм является средством воздействия на аудиторию и выполняет манипулятивную функцию. При помощи метаязыковых комментариев политик снижает когнитивное усилие для дешифровки смысла сказанного и добивается лояльности аудитории.

С помощью употребления терминов-иноязычных вкраплений говорящий репрезентирует себя как опытный специалист, разбирающийся в экономической сфере. В таких случаях политик прибегает к переводу иноязычного наименования на основной язык коммуникации и добавляет объясняющие метаязыковые комментарии, намеренно подчёркивая свою осведомленность и уровень владения иностранным терминологическим аппаратом: «У него есть *свободно обращающиеся акции*, как принято говорить, так называемые *free float*⁶⁰» (Д. Медведев).

Президент М. Земан в ходе интервью часто прибегает к объяснительной стратегии, сопровождая употребление англоязычного термина переводом на чешский язык и метаязыковым комментарием:

«Так to je výklad českých médií, která jsou v podstatě *pravicová*, včetně Babišových médií mimochodem. Takže přání otcem myšlenky. Ano, *all-catch party catch-all party* je normální klasická politologická myšlenka, která říká, že máte možnost všelidové strany, která vlastně zahrnuje přes střed jak demokratickou levici, tak demokratickou pravici»⁶¹, «Já si myslím, že se nakonec dohodnou. Já jsem optimista, protože jako se říká *win-win strategy*, tedy strategie, kde obě strany vyhrávají, já často používám termín *lose-lose strategy*, to jest, obě strany prohrávají»⁶².

Социальный престиж англицизмов позволяет использовать эти языковые средства в качестве элементов речевой и социальной характеристики. Политик, активно использующий в своей речи английскую терминологию, представляется высококлассным специалистом, способным выступать на международной арене и представлять интересы страны и общества. По языковой компетенции политика делается вывод о степени владения им важными для сферы внутренней и мировой политики и экономики темами.

Большое количество политологических терминов в чешском и русском языках представляют собой безэквивалентные фразеологические кальки из английского языка, заполняющие собой фразеологические

⁶⁰ "Разговор с Дмитрием Медведевым". Текст интервью пяти телеканалам // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2833434> 15.12.2016

⁶¹ Rozhovor prezidenta republiky pro pořad TV Barrandov „Týden s prezidentem“ // URL: <https://www.hrad.cz/cs/prezident-cr/soucasny-prezident-cr/vybrane-projevy-a-rozhovory/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-porad-tv-barrandov-tyden-s-prezidentem-78-14621> 22.02.2019

⁶² Rozhovor prezidenta republiky pro internetové vysílání webu Blesk.cz „S prezidentem v Lánech“ // URL: <https://www.hrad.cz/cs/prezident-cr/soucasny-prezident-cr/vybrane-projevy-a-rozhovory/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-internetove-vysilani-webu-blesk.cz-s-prezidentem-v-lanech-3-14504> 20.01.2019

лакуны. Такие фразеологические единицы часто употребляются в публичной речи и средствах массовой информации, что приводит к детерминологизации данных выражений.

Например, понятия *банановая республика* (*banana republic*), *холодная война* (*cold war*), *Шёлковый путь* (*Silk way*) и пр. являются общеизвестными в сфере мировой политики:

«По-моему, несколько дней назад Президент Путин об этом правильно сказал, что Америка – это что, *банановая республика*, что ли, на которую можно надавить и сказать: президентом будет такой-то...»⁶³; «Вы задали вопрос, касающийся **холодной войны**. Знаете, наверное, это конструкции, которые где-то в воздухе витают. Я нигде не говорил о том, что началась новая **холодная война**, но я говорил о том, что решения НАТО подталкивают к возникновению новой **холодной войны**. Я это говорил и готов это ещё раз подтвердить»⁶⁴; «Наши двусторонние связи оказались на низшей со времён *«холодной войны»* точке»⁶⁵; «Představy začátku 90. let, že konec *studené války* bude znamenat i konec konfliktů, vzaly brzy za své»⁶⁶; «Jinak k výměnám docházelo i za časů *studené války*»⁶⁷; «Nová *hedvábná stezka* v podstatě, když to trochu zjednoduším, není nic jiného než vysokorychlostní železnice, která má spojit Čínu přes Střední Asii a Rusko s Evropou.»⁶⁸

Употребление фразеологических калек в политическом дискурсе служит для экономии языковых усилий и упрощения процесса коммуникации. Фразеологические калки употребляются политиками в переведенном виде без иноязычных вкраплений, что связано с известностью, распространенностью и прозрачностью семантики таких выражений: «Так, мы в России высоко ценим практические шаги по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и уводу корпорациями прибыли в так называемые *«налоговые гавани»*⁶⁹ (ср. tax haven); «Это работа с *отмыванием денег* и всё, что связано с «налоговыми

⁶³ Интервью Дмитрия Медведева Второму телеканалу Израиля // URL: <http://government.ru/news/25194/> 05.11.2016

⁶⁴ Интервью журналу «Тайм» // URL: <http://government.ru/news/21790/>

⁶⁵ Путин призвал бизнесменов США помочь Трампу наладить нормальный диалог с РФ // URL: <https://tass.ru/ekonomika/4306797> 02.06.2016

⁶⁶ Projev českého premiéra na galavečeru v Černínském paláci u příležitosti 20 let vstupu ČR do NATO // URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-ceskeho-premiera-na-galaveceru-v-cerninskem-palaci-u-prilezitosti-20--let-vstupu-cr-do-nato-172473/> 12.03.2019

⁶⁷ Rozhovor prezidenta republiky pro Parlamentní listy // URL: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-parlamentni-listy-878036.htm> 02.04.2016

⁶⁸ Rozhovor prezidenta republiky pro Český rozhlas Radiožurnál // URL: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-cesky-rozhlas-radiozurnal-70747.htm> 24.07.2017

⁶⁹ Статья Владимира Путина в немецкой газете «Хандельсблатт» // URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/DE/events/54988> 06.07.2017

гаванями» и уходом от налогообложения. Вещь чрезвычайно важная и имеет практическое значение»⁷⁰ (ср. *money laundering*). Хотелось также обратить внимание на то, что термин *налоговая гавань* заключён в кавычки и сопровождается метаязыковым комментарием (*так называемые*), в отличие от термина *отмывание денег*, что указывает на более низкую степень освоенности данной фразеологической единицы в русском языке.

2. Употребление английских пословиц и поговорок в современном чешском и русском политическом дискурсе отражает стремление политика добиться максимального воздействия на широкую аудиторию, возбуждая интерес к сообщаемой информации, поддерживая внимание адресата, а также для манипуляции и модификации мнения адресата. За счёт апелляции к опыту и мудрости поколений, заложенные в значении паремий, говорящий добивается усиления образности и экспрессивности высказывания, увеличения прагматического воздействия на аудиторию, что является важной задачей политического выступления.

В чешском политическом дискурсе английские пословицы могут употребляться целенаправленно в виде иноязычных вкраплений для усиления экспрессии за счёт эффекта необычности и коммуникативной ценности для аудитории.

Одним из приёмов достижения сильного прагматического эффекта является «переключение кода» в речи М. Земана: «*Není to můj cup of tea, přesně tak*»⁷¹ (ответ на замечание журналиста «*Prostě není to Váš šálek kávy*»). Таким образом политик демонстрирует виртуозное владение обоими языками, а именно фразеологией чешского и английского языков, что показывает его компетентность и высокий уровень образования.

С помощью трансформации фразеологизма и включения англицизма в качестве одного из узуальных слов-компонентов ФЕ, политик стремится привлечь внимание аудитории необычностью формы и значения фразеологизма, его обновленной образностью и игрой слов.

Излюбленным приёмом президента М. Земана является употребление англоязычной пословицы или крылатого выражения в непереводе и последующее толкование иноязычного вкрапления на чешский язык и игра со значением фразеологической единицы. Так, на вопрос ведущего программы:

«Nedovedu a ptám se na něco jiného. Ptám se na to, když Barrantov přijde o licenci, což se může teoreticky stát podle médií, jestli už přišla nabídka od někoho jiného?», политик отвечает: «Zprvé, nepřišla. A zadruhé, je takové hezké anglické přísloví – *solve the problem when you face it*. No a já řeším

⁷⁰ Владимир Путин ответил на вопросы по завершении саммита «Большой двадцатки» // URL: <https://www.1tv.ru/news/2017-07-08/328462->

vladimir_putin_otvetil_na_voprosy_po_zavershenii_sammita_bolshoy_dvadtsatki 08.07.2017

⁷¹ Rozhovor prezidenta republiky pro pořad TV Barrantov „Týden s prezidentem“ // URL:

<http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-porad-tv-barrantov-%E2%80%9Et%C3%BDden-s-prezidentem%E2%80%9C-542355.htm> 22.06.2017

problému, když nastanou»⁷², тем самым указывая на уровень знания английского языка и умение верно употребить поговорку в нужном контексте.

3. Прецедентные феномены используются в политическом дискурсе в качестве средства установления и поддержания контакта между политиком и аудиторией. Вслед за Д.Б. Гудковым, В.В. Красных, И.В. Захаренко и Д.В. Багаевой (Красных 1987, 8-9; Захаренко, Красных, Гудков 1987, 82) мы относим к прецедентным феноменам единицы: «1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества». Исследователи выделяют четыре группы прецедентных феноменов: прецедентную ситуацию, прецедентный текст, прецедентное высказывание и прецедентное имя.

С помощью прецедентных феноменов политик воздействует на сознание адресата за счёт ценности наименования для участников коммуникации. Употребление прецедентных феноменов может указывать на уровень эрудиции и образования, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора. Кроме того, выбор той или иной прецедентной единицы указывает на представление политика о своей целевой аудитории в целом.

Политики употребляют широко известные прецедентные высказывания, являющиеся маркерами актуального времени: «Tak já bych úvodem rozptýlil několik *fake news*, jak říká Donald Trump»⁷³; «Všem přítomným i nepřítomným přeji *a cup of kindness*, což bych tedy přeložil jako pohár laskavosti. Zahod'te své každodenní starosti za hlavu, mějte se rádi a buď'te na sebe laskaví»⁷⁴. Использование прецедентных феноменов в данном случае «оживляет» процесс коммуникации, снижает формальную тональность и избыточную официальность коммуникации: «Кстати, это соглашение (Парижское соглашение) даже не вступило ещё в силу. Он должно вступить в силу с 2021 года, так что у нас ещё есть время. Если мы все будем конструктивно работать, мы ещё можем о чём-то договориться. *Don't worry, be happy!*»⁷⁵

⁷² Rozhovor prezidenta republiky pro Pressklub na Frekvenci 1 // URL:

<https://www.hrad.cz/cs/prezident-cr/soucasny-prezident-cr/vybrane-projevy-a-rozhovory/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-pressklub-na-frekvenci-1-2-1458> 10.02.2019

⁷³ Rozhovor prezidenta republiky pro pořad TV Barrandov „Týden s prezidentem“ // URL: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-porad-tv-barrandov-%E2%80%9Et%C3%BDden-s-prezidentem%E2%80%9C-16975.htm> 29.06.2017

⁷⁴ Projev prezidenta republiky při 4. Reprezentačním plese prezidenta České republiky // URL: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/projev-prezidenta-republiky-pri-4-reprezentacnim-plese-prezidenta-ceske-republiky-44450.htm> 01.02.2019

⁷⁵ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54667> 02.06.2017

Прецедентные феномены могут претерпевать трансформации формы и содержания (в данном случае – добавление частицы *not*): «Продолжая то, что сказано Президентом, я хочу сказать, что такие шоу просто не должны продолжаться. **Show must not go on!**»⁷⁶. Политик намеренно употребляет известное прецедентное выражение *show must go on* в трансформированном виде сначала на русском языке, а затем повторяет данное выражение в изменённом виде на английском языке. Тем самым говорящий обращается к широкой международной аудитории, настойчиво и жёстко обозначает свою позицию по обсуждаемому вопросу.

4. Англицизмы могут использоваться в политическом дискурсе для смягчения смысла сказанного, искажения представления событий, способных вызвать тревогу, опасения и даже общественный протест, а также для выражения субъективной оценки. Фразеологические единицы такого рода закрепляются в общем обиходе благодаря тиражированию в средствах массовой информации и интернете. В свою очередь, аудитория активно реагирует на необычные для родного языка слова и выражения и обогащает с их помощью современный фольклор (политические анекдоты, интернет-мемы и пр.).

Одним из ярчайших примеров фразеологической единицы с английским словом-компонентом является крылатая фраза А. Бабиша *sorry jako*: «Proč bych vám měl sdělovat všechny moje příjmy? **Sorry jako**. Vy sdělujete někomu příjmy, nebo kdo tady sděluje příjmy za posledních dvacet dva let? Co vám je vůbec do toho?»⁷⁷.

Английское слово-компонент *sorry* (со значением «извините, простите») употреблено в речи политика с иронической окраской и реализует приём энантиосемии, с помощью которого политик показывает своё пренебрежительное отношение к просьбе журналиста.

На выражение А. Бабиша обратили внимание не только журналисты, но и политические деятели, которые стали употреблять эту фразу для выражения неодобрительного отношения к действиям премьера: «Do zdi nemluví, **sorry jako**»⁷⁸, «Myslel jsem, že tu zprávu přijmeme a půjdeme od toho. Byl jsem naivní. Vždyť by stačilo prostě **,sorry jako** ‘»⁷⁹.

Крылатую фразу подхватили пользователи всемирной паутины, создав бесчисленное множество мемов, из-за чего фраза получила новые контексты употребления. Кроме того, фраза *sorry jako* стала Словом года

⁷⁶ "Разговор с Дмитрием Медведевым". Текст интервью пяти телеканалам // URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2833434> 15.12.2016

⁷⁷ Podávat daňové přiznání? Sorry jako. Tak Andrej Babiš baví internet // URL: <https://magazin.aktualne.cz/kuriozity/podavat-danove-priznani-sorry-jako-tak-andrej-babis-bavi-int/r~744d324ce86211e694440025900fea04/> 01.02.2017

⁷⁸ Do zdi nemluví, sorry jako, řekl Kalousek. Babiš mu vytkl díru v zákoně // URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/kalousek-babis-interpelace.A170202_144536_domaci_kop 02.02.2017

⁷⁹ Palermo, sorry jako. A Pelikán se dovolával Trumpa. Ve sněmovně bylo zase jednou veselo // URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Palermo-sorry-jako-A-Pelikan-se-dovolaval-Trumpu-Ve-snemovne-bylo-zase-jednou-veselo-474039> 03.02.2017

2017 г. по версии издания Lidové Noviny⁸⁰.

Англицизмы в разной степени воздействуют на сознание представителей различных социальных групп. Чаще всего английские фразеологические единицы или фразеологические единицы с английскими словами-компонентами привлекают внимание молодёжи и пользователей интернета, которые активно употребляют английский язык, понимают и декодируют смысл сказанного, раскрывая суть языковой игры.

В речи российского премьер-министра можно встретить употребление фразеологизмов из молодёжного сленга, в том числе с английскими словами-компонентами: «По всем этим направлениям, конечно, желательно сейчас интенсифицировать работу, для того чтобы **добавить драйва** в развитие наших экономик»⁸¹. Использование сленга является одной из речевых характеристик Д. Медведева и является частью его имиджа: он старается идти в ногу со временем, активно ведёт страницы в социальных сетях, поддерживает развитие науки и техники и инновационных проектов.

Таким образом, основными причинами использования англицизмов в политическом дискурсе являются:

1. Потребность в использовании термина в конкретной речевой ситуации.
2. Экономия речевых усилий, универсализация и упрощение процесса коммуникации.
3. Привлечение внимания адресата коммуникативного сообщения и желание добиться прагматического воздействия на аудиторию.
4. Поддержание политического имиджа.

Употребление англицизмов в политическом дискурсе продиктовано внешними и внутренними факторами: регламентом и правилами конкретного жанра политического дискурса или коммуникативными установками самого политика. Политик, использующий англицизмы в речи, подчеркивает высокий уровень своей образованности, профессиональной компетентности и информированности и претендует на лояльность целевой аудитории.

⁸⁰ Slovo roku LN: Antibabiš. Čtenáři serveru Lidovky.cz volili ‚sorry jako‘// URL: https://www.lidovky.cz/domov/slovo-roku-ln-antibabis-ctenari-serveru-lidovky-cz-volili-sorry-jako.A171228_214528_ln_domov_ele 29.12.2017

⁸¹ Встреча Дмитрия Медведева с Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым // URL: <http://government.ru/news/22529/> 08.04.2016

Влияние английского языка на фразеологию польского молодёжного жаргона

Целью раздела является показать различные способы вхождения заимствований из английского языка во фразеологию польского молодёжного жаргона. На основании данных словарей сленга / жаргона рассматриваются устойчивые словосочетания, компонентами которых являются англицизмы, фразеологические полукальки английского происхождения, а также английские фразеологизмы, вошедшие в польский жаргон в оригинальном виде.

В последние десятилетия заимствования из английского языка привлекают пристальное внимание многих лингвистов. Однако в кругу их интересов находится прежде всего лишь лексический материал. Фразеологические англицизмы и фразеологизмы с английскими компонентами значительно реже становятся предметом научного рассмотрения. Предпринимается попытка проследить влияние английского языка на развитие фразеологии польского молодёжного жаргона. Именно в этом варианте национального языка наблюдается мощная экспансия англицизмов. Цель настоящей работы поэтому – выявление особенностей функционирования фразеологизмов, заимствованных из английского языка, а также тех, которые были образованы на базе английских слов.

Источником языкового материала послужили следующие словари: *Slang UG. Słownik slangu studentów Uniwersytetu Gdańskiego* под редакцией М. Видавского, *Nowy słownik gwary uczniowskiej* под редакцией Х. Згулковой, *Słownik gwary młodzieżowej* А. Енджеек, Ю. Паствы, *Польско-русский фразеологический словарь молодёжного сленга* Е. Невзоровой-Кмеч. Фразеологические единицы отбирались также из электронных словарей сленга, таких, как *Miejski słownik slangu i mowy potocznej* и *Vasidas.pl. Slang. Neologizmy. Mowa Potoczna*, автором словарных статей которых, после одобрения редактором сайта, может стать практически каждый пользователь интернета. Полезными оказались, помимо этого, списки наиболее употребительных слов и выражений польского молодёжного жаргона, помещаемые на сайтах газет и на веб-порталах.

Одним из способов заимствования фразеологических единиц, как известно, является калькирование. Однако полное калькирование не типично для языка молодёжи. Буквальный перевод английского оборота, скорее всего, характерен для литературного языка, в котором кальки также функционируют, напр., в области экономики (*burza mózgów* – англ. *brain storming*), политики (*zimna wojna* – англ. *cold war*), спорта (*gra w polu* – англ. *play in the field*) и в других областях (*mieć motylki w brzuchu* – англ. *to have butterflies in one's stomach*; *Lepiej późno niż nigdy* – англ. *Better later than never* вместо *Lepiej późno niż wcale*) (Witalisz 2007, 307–308, 310, 314–

315). Замечание Н.О. Наумовой о том, что «Значительное количество рассматриваемых единиц [калек – Г.В.] фиксируется в общественно-политической терминологии, которая наиболее динамично распространяется в общеупотребительном языке» (Наумова 2012, 169), хотя и высказанное ею по отношению к русскому языку, вполне приложимо к тому, что происходит и в польском. Примером кальки в собранном нами материале может послужить хотя бы такая единица, как *wychodzić w praniu*, от англ. *come out in the wash* ‘обнаруживать свою пригодность на практике’⁸² (SUG). При том, что данный фразеологизм фиксируется в словаре молодёжного жаргона, он является, скорее, разговорным, чем сленговым или жаргонным.

В польском молодёжном жаргоне из английского языка количество полукалек в последнее время неуклонно растёт. Связано это как с желанием приспособить иноязычную единицу к структуре польского, так и сохранить чуждость формы, что является признаком, характеризующим данную возрастную и социальную группу. В этом, собственно говоря, и заключается интегративная (объединяющая) функция молодёжного жаргона, а также противоположная ей функция дезинтеграции, основанная на отделении, обособлении данной группы от остальных (от представителей старшего поколения, к примеру). Как отмечает О.А. Анищенко, «молодёжный жаргон, своеобразное речевое поведение, с одной стороны, консолидирует молодых, формирует чувство принадлежности к определённому сообществу (чувство „мы”), с другой, реализует желание молодёжи противопоставить свою группу „чужим”, не входящим в данную корпорацию» (Анищенко 2010, 70). Подобное явление отмечается многими авторами. Польский лингвист С. Грабяс, развивая ту же мысль, идёт несколько дальше, подчёркивая, что язык той или иной социальной группы, помимо того, что объединяет своих представителей и обособляет их от других, свидетельствует о ранге этой группы в общественной жизни (Grabias 2010, 239). Использование англицизмов способствует чувству престижа у молодых людей, повышая их самооценку, что крайне важно для представителей данного поколения. Английские элементы привлекаются также для создания эффекта новизны, необычности.

С полупереводом-полузаимствованием английского фразеологизма мы имеем дело в случае *mieć krasza na kogoś* в значении 1. ‘обожать кого-то, испытывать влечение к кому-то’; 2. ‘увлекаться кем-то, быть очарованным чьим-то поведением, чьей-то личностью’ (Vas.). Здесь глагольный компонент исходной единицы *have a crush on someone* был калькирован, а именной – заимствован и адаптирован к системе языка-реципиента. В английском языке, так же как в польском, фразеологизм этот используется в неформальной обстановке. Само слово *crush / krasz* (от

⁸² Здесь и далее словарные дефиниции приводятся в переводе автора.

англ. *crush* ⁸³) довольно часто встречается в речи представителей польской молодёжи (оно было, к примеру, участником конкурса «Молодёжное слово года 2016») и обозначает ‘лицо, в которое мы влюбились или которое любим’ (PWN).

Фразеологической полукалькой из англ. *be in touch* является *być w taczu* ‘находиться в контакте, быть на связи’ (Vas.). В данном случае, в отличие от предыдущего, англицизм *tacz* (от англ. *touch*) вне устойчивого словосочетания не применяется. Эта единица принадлежит к так называемому офисному жаргону, или бизнес-сленгу, корпоративному новоязу, однако её используют в своей речи не только работники тех или иных корпораций, но и многие молодые люди.

Английское выражение *full option* также подверглось в польском языке неполному калькированию (*full opcja*), при котором слово *option* было передано при помощи существительного *opcja* (которое, кстати говоря, не является исконно польским, представляя собой заимствование из лат. *optio* ‘выбор’ и существуя в польском языке с XIX века), в то время как слово *full* отражено в неизменном виде. Вместе с тем польская единица имеет более широкое значение, чем английская. В интернет-словаре польского сленга приводятся три таких значения: 1. определение, употребляемое для выражения огромного удовольствия, восторга; 2. комфортабельные условия; 3. все, комплект (Vas.). Английская единица используется, скорее всего, в третьем из них.

Заимствование *full / ful* (от англ. *full* ‘полный’) встречается и вне приведенного фразеологизма (ср.: *full ludzi*). Кроме того, оно является компонентом ещё одной жаргонной фразеологической единицы – *full wupas*, реже *ful wupas* ‘замечательный, отличный, в основном богато оснащённый’ (SUG). Как отмечает К. Клосиньска, фразеологизм *full wupas* происходит от сокращения *full wupos.*, т.е. *full wyposażenie*. Данное выражение использовалось в печатной рекламе в 90-е гг. XX века. Цена рекламного объявления в то время зависела от количества знаков и сокращение приведённого выражения было финансово оправданным (Kłosińska 2016, 49). Стоит обратить внимание на то, что в электронном словаре *Vasisdas.pl. Slang. Neologizmy. Mowa Potoczna* оборот *full wupas* толкуется следующим образом: 1. определение, употребляемое для выражения огромного удовольствия, восторга; 2. состояние положительных впечатлений; 3. вещь либо ситуация, пользующаяся большим признанием, одобрением (Vas.). Из приведенных дефиниций следует, что фразеологизм начинает существовать во всё более широком значении.

Рассматривая кальки и полукальки из английского языка, интересно отметить, что подвергаться калькированию может не весь оборот, но отдельное слово, на базе которого создаётся фразеологическая единица.

⁸³ В случае англицизмов, которые заимствованы польским языком фонетическим способом, приводится звуковая запись английского слова по <https://www.lexico.com/en>.

Примером может здесь послужить фразеологизм *czochrać bobra*, функционирующий в двух значениях: 1. ‘о женщине – стимулировать половые органы’; 2. ‘убирайся отсюда, иди к черту’ (MSSiMP). Компонент *bóbr* – это калька английского *beaver* (бобр), а в английском молодежном жаргоне *beaver* обозначает женский половой орган. Название представляет собой метафорический перенос на основе внешнего сходства.

В собранном материале наиболее обширную группу составили фразеологические единицы типа *full wypas*, т.е. такие, в которых появляется какой-то компонент английского происхождения. Такими компонентами могут быть слова, которые в языке-источнике являются как жаргонными, так и общеупотребительными. Покажем это на ряде примеров.

Во фразеологизме *być na propsie* ‘пользоваться признанием, уважением’ (Fakt) встречается популярное слово английского сленга *props*, представляющее собой сокращение от *proper respect* ‘должное признание, уважение’. Слово это широко используется, начиная с 80-х гг. XX века, в среде американских рэперов (Модные слова). Само *props* (синонимичное жаргонному польскому слову *szacun*) активно употребляется среди молодёжи как в единственном числе *props*, так и во множественном *propsy*, от него образован также глагол *propsować*.

Ещё один подобный пример – *dawać okejke* ‘ставить отметку «Нравится», ставить лайк на Фейсбук’ (Onet). Слово *okejka* ‘одобрение, лайк’ (PWN) образовано от общеупотребительного англо-американского ОК, означающего согласие (*okejka* также было участником конкурса «Молодёжное слово года 2016»).

В свою очередь, общеупотребительное английское слово *speed* ‘скорость’ послужило основой для создания оборота *iść spidem* ‘идти очень быстро, энергично’ (SGM).

Некоторые фразеологические единицы с английскими компонентами лучше, чем другие, показывают творческий потенциал молодежи. Хорошим примером языковой игры могут служить устойчивые словосочетания, возникшие на базе английского слова *sorry*, служащего для выражения извинения: *sorry Gregory*, *sorry Batory / batory* ‘извини’ (NSGU). В качестве ритмического и звукового созвучия в них используется мужское английское имя *Gregory* и родовое имя польского короля и великого князя литовского Стефана Батория.

Созвучие, в данном случае рифма, также встречается в выражении *izi bizi spoko* ‘не беспокойся’ (Onet), в котором можно увидеть два английских компонента *izi* (англ. *easy*) и (англ. *busy*). Слово *izi* рифмуется с последующим, возможно, по аналогии с *izi pizi* (от англ. *easy-peasy* ‘что-то очень простое; слово чаще всего употребляемое детьми’).

Примером языковой игры можно считать также выражение *o co kaman?* ‘в чём дело?’ (MSSiMP). В данном случае компонентом оборота послужило англ. *come on* для выражения несогласия с собеседником. Единица с элементом английского происхождения выглядит забавно и

необычно по сравнению с нейтральным её соответствием *o co chodzi?*.

Стоит упомянуть также устойчивое вульгарное словосочетание *chuj knows* ‘неизвестно, трудно сказать’ (SUG), в котором обыгрывается английское выражение *who knows* (используется близость звучания англ. *who* и польск. *chuj*).

Рассматривая гибридные фразеологизмы, следует также обратить внимание на морфологическую форму некоторых англицизмов, в которой они выступают в составе устойчивых словосочетаний. В современном польском языке мы сталкиваемся со своего рода модой на родительный падеж. В единственном числе форма винительного падежа неодушевленных существительных мужского рода, по правилам польской грамматики, должна совпадать с формой именительного падежа (исключением являются, напр., названия овощей и фруктов (*jeść pora, banana*), денежных единиц (*dać rubla*), моделей автомобилей (*kupić Opla*), танцев (*tańczyć walca*) и др.). Однако всё чаще вместо формы именительного падежа в этой роли можно встретить форму родительного. Это касается как литературного языка, так и ненормативных его вариантов (ср. фразеологизмы молодёжного жаргона: *mieć dola, mieć dreptaka* и т.п.). На предпочтение формы родительного, безусловно, влияет также реклама. В качестве примера достаточно привести известный рекламный слоган сети Макдоналдс *Mam smaka na maka* или мягкого творога Данон *Metoda na głoda* (Perlin 2016, 294). Как замечает Я. Перлин, в последнее время наблюдается тенденция воспринимать как одушевленные неодушевленные существительные, заимствованные из английского языка, типа *kupić iPoda, laptopa, smartfona, wysłać maila* и др. (Perlin 2016, 294). По мнению лингвистов, нормативная форма винительного падежа, совпадающая с именительным, «считается многими носителями польского языка менее выразительной и они хотят каким-то способом подчеркнуть, что думают о существительном не в именительном падеже» (Stefan 2016, 138, пер. Г.В.). Может быть, поэтому, если в составе устойчивых словосочетаний появляются англицизмы, то довольно часто они используются в винительном падеже, совпадающем по форме с родительным, а не именительным. К примеру:

- *mieć bana, dostać bana* (англ. *ban* ‘запрет’) ‘запрещено кому-то пользоваться чем-то, выполнять какое-то действие, быть отстраненным от чего-то’ (Vas.);
- *mieć deda* ‘быть очень усталым, истощённым’ (NSGU). В онлайн-играх *masz deda* используется в значении ‘убили тебя’. В английском языке слово *dead* – прилагательное, означающее ‘мёртвый, погибший’. В польском молодёжном жаргоне, как компонент устойчивого словосочетания, оно представляет собой существительное;
- *mieć heda* (англ. *head* ‘ум, голова’) – в данном случае мы имеем дело с трансформацией традиционной фразеологической единицы *mieć*

głowę do czegoś, которая обозначает ‘иметь талант, иметь способности в определённой области’ (MSSiMP). Произошла здесь замена компонента *głowa* на английское слово *head* с таким же значением; в английском языке существует также фразеологизм *have a head for sth*;

- *mieć powera* (англ. *power* ‘энергия’) ‘иметь много энергии’ (NSGU);
- *mieć spida* (англ. *speed* ‘скорость’) ‘действовать быстро, энергично’ (NSGU) – данный фразеологизм обладает также значением ‘быть под влиянием амфетамина’ (Moch 2004, 105), поскольку сам англицизм *spid / speed* обозначает, в частности, амфетамин либо возбуждающий наркотик вообще;
- *mieć strita / streeta* (англ. *street* ‘улица’) ‘страдать косоглазием’, ‘не иметь уже аргументов’ (MSSiMP), ‘стрелять мимо цели, отвечать неточно’ (SPP). Ещё одно значение находим в *Польско-русском фразеологическом словаре молодёжного жаргона* Е. Невзоровой-Кмеч: ‘гнать волну делать что-л. плохо, неудачно’ (SFGM);
- *dać suba* (*sub*, от англ. *subscription* ‘подписка’) ‘подписаться на канал YouTube’ (Rzeczpospolita);
- *zdjąć komuś simlocka* (англ. *simlock* ‘тип блокировки мобильного телефона, целью которой является ограничение его работы в пределах определённой страны или сети’) ‘лишить девственности’ (MSSiMP).

Что показательно, в собранных нами примерах англицизмы реже встречаются в винительном падеже, совпадающем с именительным:

- *mieć dżez / jazz* ‘быть пьяным’; *mieć jazz*, помимо значения ‘быть пьяным’, обозначает ‘находиться под влиянием наркотиков’ (NSGU);
- *dżez / jazz* ‘забавное событие, смешная, неожиданная, несерьёзная ситуация; шутки, дурачество’ (SPP), а также ‘марихуана’ (MSSiMP);
- *mieć fun* (англ. *fun* ‘удовольствие, развлечение’);
- *mieć preszer* (англ. *pressure* ‘давление’) ‘ожидать чего-либо с нетерпением’ (Vas.);
- *złapać flow* (англ. *flow*, от лат. *fluentum* ‘поток, потоковое состояние – такое психическое состояние, в котором человек полностью подключён к тому, чем он занимается, характеризуемое деятельной сосредоточенностью с полным вовлечением в процесс’) – в молодёжном жаргоне *flow* обозначает ‘плавный переход между строками, соответствующие биты, а также соответствующий баланс голосом в нужном моменте’, что, как правило, свидетельствует о высоком уровне рэпера (MSSiMP).

Неодушевлённое существительное английского происхождения может встречаться во фразеологизме также в винительном падеже в форме, совпадающей как с именительным *mieć error* (англ. *error* ‘ошибка’) ‘иметь

трудности с пониманием чего-то' (NSGU, SGM, Vas.), так и с родительным *mieć errora* (SFGM). Однако такие случаи редки.

Отдельную группу образуют выражения, вошедшие в польский молодёжный жаргон в оригинальном виде. Широко известным примером может послужить *no problem* 'нет проблем, всё в порядке' (SGM) или *easy peasy lemon squeezy* 'очень легко' (MSSiMP). Последнее выражение является синонимом приведённого ранее *izi pizi*.

Принимающие наркотики используют также устойчивое словосочетание *bad trip* (англ. *bad trip* 'скверное путешествие'). Это сленговое выражение, описывающее негативные и опасные для психики переживания и ощущения, возникающие после приёма психоактивных веществ – психоделиков, напр., ЛСД, ТГК (активное вещество марихуаны).

Подводя итоги, отметим, что фразеологические англицизмы и фразеологизмы с английскими компонентами активно функционируют в польском молодёжном жаргоне. Они отличаются своей необычностью и возможностью игры слов, свидетельствуя, тем самым, о креативности молодежи. Нередко к тому же, что также немаловажно, являются непонятными для представителей старшего поколения.

Описать все собранные нами примеры в пределах одной статьи было бы невозможным. Однако наша цель состояла не в том, чтобы представить весь материал, а в том, чтобы на ряде наглядных примеров показать различные способы вхождения англицизмов во фразеологию польского молодёжного жаргона. Чаще всего подобные фразеологизмы создаются с использованием отдельного английского компонента. Это могут быть слова, которые в английском относятся как к литературному языку, так и к сленгу. В жаргоне появляются также фразеологические полукальки из английского языка, а также фразеологизмы, заимствованные польским языком в оригинальной форме. Наименее популярными являются фразеологические кальки, поскольку в подобном случае не ощущается чуждость. Для представителей молодёжи английские слова более ярко, забавно и выразительно, привлекая внимание и интерес, передают то, что они говорят. Обороты, в состав которых входят англицизмы, поэтому экспрессивны.

Среди способов заимствования компонентов фразеологических единиц преобладает фонетический (транскрипция) (*iść spidem*). При письменной передаче может сохраняться также оригинальный вид написания слова (*mieć powera*). При этом подобное слово произносится так, как звучит по-английски [*palera*], что не мешает говорить о том, что в целом англицизмы подвергаются адаптации в польском молодёжном жаргоне.

Следует также обратить внимание на то, что представители польской молодёжи прибегают к простым когнитивным схемам, основанным на существовании и обладании. Свидетельствует об этом значительное количество фразеологизмов, созданных с помощью глаголов *buć* и *mieć*.

В заключение стоит отметить, что в последнее время языковая игра

на основе лексических и фразеологических единиц своего и английского языка приобрела особую популярность среди молодёжи. Молодёжный жаргон, как известно, характеризуется динамичностью, изменения в нём постоянны, что открывает перспективы для дальнейших исследований фразеологических англицизмов и фразеологизмов с английскими компонентами.

Елена Николаевна Цветаева, МГЛУ, Москва, Россия
elenatsvetaeva@yandex.ru

Что за *номера* в русской фразеологии?

Рассматриваются русские фразеологизмы с компонентом *номер* (*этот номер не пройдёт, выкидывать номера* и др.), а также их соответствия в немецком языке; предпринимается попытка определения степени иноязычного влияния на развитие фразеологического потенциала лексемы; выявляются особенности синтагматических и парадигматических отношений соответствующей лексики в обоих языках в свете процессов фразеологизации.

В заимствованном характере лексики *номер* не усомнится, пожалуй, никто, даже человек далёкий от лингвистики. Хотя бы потому, что оно оказалось, с одной стороны, чрезвычайно «удобным» для ассимиляции во многих языках, в которые попало (часто через посредничество другого языка) из латыни, а, с другой, именно функционирование этого слова в языках, известных сегодня большинству даже в минимальном объёме, его интернациональность, позволяют ему оставаться узнаваемым, но «не совсем своим». Слово *номер* оказалось исключительно нужным и полезным в любом языковом сообществе, так как в процессе концептуализации окружающего мира, а вследствие этого и в процессе номинации, человеку приходится считать и — соответственно — называть самые разные предметы, явления, сущности. Это обстоятельство привело и к определённым семантическим последствиям для слова: к его чрезвычайной многозначности, основанной на метонимии. Что совершенно естественно, так как всё, что может иметь номер, может быть им и названо:

1. Порядковое число предмета в ряду других однородных (что-л. *за номером, под номером*; готовность номер один; *первый номер, номер один*);
2. Что-л. обозначенное определённым порядковым числом (маршрут, транспортное средство; об отдельном выпуске периодического издания (*в номер, из номера в номер*));
3. Планка, ярлык, бляха и т.п. с изображением какой-л. цифры (как документ, знак регистрации...);
4. Условное цифровое обозначение размера, типа, вида какого-л. предмета, изделия и т.

п. (*воротничок номер..., ботинки на номер больше*); 5. Отдельное помещение (в гостинице); 6. В эстрадном концерте, цирковом представлении, а также в опере, балете и т.п. – отдельное законченное выступление одного артиста или группы исполнителей; 7. Необыкновенный, неожиданный, странный и т. п. поступок, случай; 8. В речи военных – боец оружейного, пулемётного и т. п. Расчёта; 9. В речи охотников – место стрелка, назначенное ему при охоте облавой (БАС 2009, 539-543).

Эта особенность рассматриваемого слова, многозначность, оказалась универсальной и проявляется и в других языках настолько, насколько универсальна потребность человека в дифференциации предметов вообще и в их цифровой характеристике в частности. Количество значений и объём каждого из них могут не совпадать в разных языках, кроме того, в некоторых случаях речь не идёт о самостоятельном развитии значения в заимствующем языке – новое значение известного слова заимствовалось вместе с новым концептом. Эти предметы как таковые не входят в круг нашего рассмотрения, но показывают сложный, неоднозначный, многофункциональный и комплексный характер такого, на первый взгляд, прозрачного языкового факта.

Метонимия как механизм регулярной многозначности (Падучева 2003) ведёт не только к увеличению количества значений самой лексемы, но и к развитию вторичной (фразеологической) номинации, что также является универсальным явлением, во всяком случае применительно к заимствованию *номер*.

В русском языке фразеологизмов, в состав которых входит именной компонент *номер*, довольно много, назовём лишь некоторые: *этот номер не пройдёт, вот это номер*, и др. Язык-источник заимствованного лексического компонента этимологами окончательно не определён. Считается, что слово возникло в русском языке Петровского времени из голландского или немецкого, возможно польского, предполагается и французское влияние, восходит к латинскому (Шапошников 2010, 28; Фасмер 1987, 82). Однако исторические связи немецкой и русской культур во многих областях, а также наличие почти абсолютных фразеологических соответствий в немецком (*diese Nummer läuft nicht, du bist vielleicht eine Nummer* и др.) заставляют предполагать прежде всего немецкое влияние, а в русских фразеологизмах ставят исследователя перед необходимостью дифференциации процессов: фразеологизация выражения с использованием заимствованной лексемы (значение последней в русском в некоторых случаях могло претерпеть изменения) в определённом структурно-семантическом ряду, с одной стороны, и калькирование, с другой.

Весьма релевантным для фразеологических наблюдений представляется и исторический лексический анализ, касающийся развития

семантики соответствующей лексемы в обоих языках. При этом параллельное исследование парадигматических и синтагматических семантических отношений соответствующей лексемы в русском и в немецком позволяет проследить путь развития её фразеологического потенциала, а также выявить и дифференцировать степень иноязычного (немецкого) влияния и внутриязыковых (лексических и фразеологических) процессов в системе русского языка.

Исходя из наиболее вероятного предположения о немецком источнике заимствования, обратимся к немецким историческим лексикографическим источникам (Paul 2002, Kluge 1960): нем. *Nummer* возникло в языке торговли и применялось для маркировки товаров; заимствовано из итал. *numero* (восходит к лат.), изначально было существительным мужского рода, как и в итальянском; первое упоминание в виде принятого в ит. сокращения No. относят к 1531 году, позднее, в процессе ассимиляции, следуя закону аналогии, слово поменяло род на женский (как соответствующее нем. *Zahl*, f).

Примечательно, что и исторические словари приводят сведения о ряде фразем с компонентом *Nummer*: *die Nummer eins* „der oder die Beste unter Ihresgleichen“ (датируется 1787 г.) – *первый номер* «лучший/лучшая среди себе подобных», а упоминая значение «номер» применительно к цирку или варьете, словари указывают и выражение *eine große Nummer* „eine bedeutende Persönlichkeit“ – букв. *большой номер* «значительная, важная персона» (Paul 2002, Kluge 1960). Эти фраземы лишь на первый взгляд кажутся похожими. Во-первых, они происходят из разных предметных сфер, следовательно, мотивация их различна, да и характер метонимического сдвига разный: *die Nummer eins* связан напрямую с торговлей, первый, это значит лучший товар. Об этом же пишет и М. И. Михельсон, расширяя культурную и предметную сферу, что как нельзя лучше демонстрирует концептуальную и вербальную универсальность знака:

Первый (номеръ): иноск. лучший, превосходнейший; ср. *Numero eins!* (нем.); ср. *Numble one!* (говорят китайцы по-английски о первейшем, отличном, напр. в живописи, вм. *number one*) (Михельсон 1994, 21-22).

Следует отметить, что сегодня как в русском, так и в немецком языке выражения *первый номер* и *Nummer eins* могут касаться как человека (его отличительных, превосходных качеств), так и абстрактных имен, неодушевленных предметов (их высокого качества либо исключительной важности):

Общественный транспорт в большом городе – тема номер один.
Dieses Ereignis war Thema Nummer eins (Это событие стало главной темой.)

Feind Nummer eins – враг номер один.

Следующий, противоположный по значению, семантический мотив возник благодаря использованию номеров и нумерации в процессе администрирования, в делопроизводстве. Этот аспект даёт нам параллельное самостоятельное развитие фразеологического значения в русском и в немецком языках:

Ср. *твой номер пятнадцатый (шестнадцатый)* «твое дело маленькое, не вмешивайся», а также: *твой номер восемь – жди, когда спросят*. Нем. *zu einer Nummer werden* — букв. *превратиться в номер* (то же, например, на производстве, а также в учреждениях при оказании услуг и т. п.), но довольно употребительно и другое выражение, основанное на сравнении, а не на метонимии: *Nur noch wie eine Nummer behandelt werden* — букв. *с кем-то обращаются как с номером* (не принимая во внимание индивидуальные особенности и обстоятельства).

Швабское *etwas hat koi Nummer* (букв. что-л. не имеет номера) в значении «что-л. является незначительным, ничтожным; ни на что не похоже, скверно» переключается отчасти с русским *пустой (дохлый) номер* «что-л. бесполезное, бесплодное, безнадежное». Швабское же *'des isch e böse Nummer'* «это плохой номер» — *'ein böser Mensch, eine üble Sache'* может касаться злого, плохого человека, а также скверного дела, ситуации. Представляется, что и в данном случае в основе фразеологизации лежит мотив, связанный с дифференциацией качества товаров и присвоением им соответствующих номеров. В этом смысле достаточно показательны и стандартные выражения *bei jmdm. eine große, gute Nummer haben* (быть у кого-то на хорошем счету) и *bei jmdm. keine Nummer haben* (не иметь для кого-л. значения). Следует отметить, что подобной этимологизации придерживаются не все исследователи, однако словарь братьев Гримм однозначно производит выражение *bei jmdm. eine gute Nummer haben* от обозначаемого соответствующим номером товара, дифференцируемого в зависимости от его качества (Grimm).

Возвращаясь к упомянутому ранее *eine große Nummer* „eine bedeutende Persönlichkeit“, используемому применительно к лицам, заметим, что в русском оно сопоставимо с выражением *коронный номер*, относящимся к явлениям абстрактного порядка: *это твой коронный номер, уж постарайся* (о чем-л., что кому-л. удастся лучше всего).

Выражающее в русском удивление *Von это номер!* касается не лица, а результатов его деятельности, отличается по структуре от относящегося преимущественно к лицам нем. *Du bist vielleicht eine Nummer!* (*Ну, ты и номер!*), но по ситуациям употребления, по функциональности сопоставимо с ним, толкуется как «außergewöhnlich /merkwürdig /etwas Besonderes sein» (чрезвычайный, особенный, из ряда вон выходящий):

'Du bist mir vielleicht eine Nummer', bemerkte Libby. 'Greifst dir mal eben einen neuen Bräutigam und sagst deiner besten Freundin kein Wort davon' («Ну ты даёшь!» — заметила Либби. «Отхватила себе нового жениха, а лучшей подруге – ни слова») (RA).

Отдельного рассмотрения заслуживает рус. *этот номер не пройдёт* для выражения категорического несогласия с чем-л. Историко-этимологический словарь интерпретирует его происхождение следующим образом: «Из речи актеров <...> Выражение родилось из практики балаганных представлений. Репризы балаганных клоунов и номера эстрадных концертов тщательно контролировались цензурой, поэтому сатирикам приходилось прибегать к эзопову языку. Плохо замаскированную критику цензор обнаруживал сразу и исключал из программы...» (Бирих – Мокиенко – Степанова 2007, 477). С подобным толкованием мотивационной основы поговорки мы согласиться никак не можем: хотя в процессе фразеологического развития выражений с компонентом *номер* много универсального, однако, как и в случае с *номер первый*, речь идёт о калькировании немецкого *Diese Nummer läuft nicht!*, что подтверждается и польским *ten numer nie przedzie* с тем же значением. Об истории и этимологии немецкого фразеологизма следовало бы в связи с этим говорить отдельно, что требует и отдельного, более обширного исследования.

В заключение отметим, что проанализированные в статье языковые единицы составляют лишь небольшую часть фразеологизмов с интернациональным компонентом в обоих языках. Обращение к такому, на первый взгляд, банальному и прозрачному материалу показало неоднозначность многих явлений, связанных с процессами фразеологизации в рамках обозначенной парадигмы и необходимость дальнейшего их рассмотрения с привлечением данных других языков, а также диалектного материала, причём как на синхронном, так и на диахронном уровнях.

Глава 3.

КАЛЬКИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Ольга Александровна Мещерякова, ЛГУ им. А.С. Пушкина,
Пушкин, Санкт-Петербург, Россия
oameshcheryakova@gmail.com

О фразеологической кальке в поэтическом дискурсе

Обратим внимание на то, как в поэтическом дискурсе осуществляется освоение фразеологической кальки. Само вхождение кальки в русский язык возникает вследствие диалога культур, который обеспечивает общий взгляд на определённые предметы и явления, отражаемый в семантике скрытого заимствования. Последующий процесс освоения фразеологической кальки обуславливает её изменения. В поэтическом дискурсе развитие семантики фразеологической кальки многовекторно. В одних случаях у заимствованного устойчивого сочетания сохраняется близость к структуре и семантике исходной единицы. В других случаях происходит модификация кальки в соответствии с языковой или эстетической тенденцией. Наконец, ещё один вариант развития фразеологической кальки в поэтическом дискурсе – индивидуально-авторские структурные изменения исходной формулы, доходящие до текстового её развертывания.

В художественном дискурсе обращение к фразеологическим выражениям всегда активно. Возможно, это связано с образной природой фразеологизма, благодаря которой он содержит «чувственно-наглядное представление о ситуации реальной действительности» (Василенко 2010, 19), что в полной мере соответствует целям и задачам художественной коммуникации. Тем самым фразеологизм участвует в той дискурсивной практике, где для него созданы оптимальные условия реализации. Кроме того, культурологический потенциал даёт возможность фразеологизму быть средством кодирования и декодирования художественной информации. Поэтому фразеологические образы могут выполнять даже функцию текстообразования и нередко становятся ключевыми, способствуя читательскому пониманию авторского замысла. Это происходит потому, что «фразеологизм хранит в глубине своей внутренней формы исходные модели восприятия человеком мира» (Ковшова 2014, 115). Однако известно, что вместе с архетипическим содержанием фразеологизм отражает и этноспецифический взгляд на окружающую действительность, так как «любая культура – это, прежде всего, образование <...> с довольно определёнными экогеографическими границами развития» (Зыкова 2009, 6).

Образное начало, архетипическое и этноспецифическое содержание фразеологизма особым образом преломляются тогда, когда фразеологизм по своему происхождению является заимствованным, т.е. фразеологической калькой. Фразеологическая калька – это выражение, созданное по иноязычному образцу, но из исконных языковых элементов, в силу чего калька представляет

собой скрытое заимствование (Добродомов 1997).

Цель данной работы – изучение особенностей использования фразеологической калькированной единицы в поэтическом дискурсе, а именно: выявление структурного и семантического сходства калек, включённых в стихотворения русских поэтов, с единицами из языка-донора, а также установление характера специфического развития кальки на основе её отличия от семантики и структуры исходной формулы.

В качестве исследуемого материала используются кальки с немецкого языка. Допуская неоднозначность представления источника некоторых из них и опираясь на «Словарь русской фразеологии» (СРФ), мы признаём фразеологизмы кальками с немецкого, если хотя бы в одной из версий словарной статьи отмечается подобная возможность.

Считаем, что выбранный нами аспект исследования существенно раздвигает границы соотносимых межъязыковых коррелятов, помогает увидеть в кальке единицу, заимствование которой не происходит случайно – оно обусловлено рядом факторов, среди которых доминантным является когнитивно-языковой.

Когнитивно-языковой фактор связан с процессом познания, формированием концептов и поиском способа их вербализации. В процессе калькирования носители одного языка признают, что о каком-то наблюдаемом факте реальной действительности чужой язык сказал лучше, чем свой, и, перешагнув границу отчуждения, иноязычная формула становится образцом для подражания, то есть для скрытого заимствования: *auf Haupt schlagen* – разбить наголову; *aus der Mode kommen* – выйти/выходить из моды и т.п. При этом заимствуется как когнитивное содержание, так и его вербальная фиксация, хотя и с помощью своих языковых элементов. В случае фразеологического калькирования знаком может выступать синтаксическая модель выражения (*kurz und bündig* – коротко и ясно) и / или лексические компоненты этой модели (*den gestrigen Tag suchen* – искать вчерашний день), хотя в отдельных случаях можно наблюдать их замену: *die blaue Blüte* (голубой **цветок**) – голубая **мечта**; *Zwiebeltränen* (луковые **слезы**) – горе луковое.

Случаи калькирования фразеологизмов бывает очень трудно разграничить от случайного совпадения внутренней формы выражений, так как одно явление имеет сходство с другим. Главный критерий разграничения – наличие условий языковых контактов и культурного влияния (Добродомов 1997).

Между русскими и немцами всегда были тесные контакты. «Во внешнем мире для русского человека долгое время именно немцы были главными европейцами, поскольку именно с их земель начиналось знакомство с загадочным иным миром, манившим и пугавшим одновременно, то есть с Европой. Именно на границе происходили и первая встреча, и столкновение двух культур» (Павловская 2003, 93).

Исторически сложившееся знакомство двух народов влияло на характер восприятия чужой культуры, которая не стала своей, но уже и не рассматривалась как чужая. Она воспринималась как *иная*, что создавало условие диалога культур, который позволял в некоторых иноязычных фразеологических фактах видеть не просто яркий, но близкий образ, а за словесной формулой – богатое когнитивное

содержание. Так формировалась основа калькирования, которая помогала языку перешагнуть через отторжение чужого, взять то или иное семантически и синтаксически организованное единство за «образец». Дальнейшее развитие заимствованного сочетания происходило по-разному. На его функционирование в «новой» среде накладывала отпечаток, помимо всего прочего, и сфера применения.

Поэтический дискурс, в основе которого лежит эстетическое освоение действительности автором лирического произведения, «вбирает» из языка многие идиомы, в том числе те, что были когда-то заимствованы. Как в этом случае происходит их индивидуально-авторское освоение?

Можно выделить несколько направлений развития калькированной единицы в поэтическом дискурсе.

Одно из них связано с принятием скрытого заимствования как «своего», что приводит к сохранению и семантики, и структуры кальки в новой поэтической языковой среде.

К числу фразеологических калек, сохраняющих заимствованную формулу в исходном виде, относится, к примеру, фразеологическая единица *коротко и ясно*. Это выражение является калькой с немецкого *kurz und bündig*. Русским языком формула была заимствована в XIX веке, к этому же периоду относится ее употребление в поэзии. К ней прибегает В.А. Жуковский в стихотворении-посвящении «Александре Андреевне Протасовой, описание поездки Жуковского к своему другу А. А. Плещееву»: Сказал хоть не прекрасно – Да *коротко и ясно* (В.А. Жуковский. По кочкам, колеям...). Автор сохраняет семантическое содержание и структуру заимствования. Однако, вводя это произведение в некий мини-цикл стихов, который датируется 1 апрелям – Днём смеха, автор наделяет формулу ещё и ироничной семантикой. Примечательно, что в стихах, уже созданных после Жуковского, эта тенденция продолжается: Ну зачем писать, что такой-то шальной полубил такую-то Лиду, / Когда *коротко и ясно* можно сказать: / Любовь – это страдание!..(В. И. Горянский. Сознательный читатель); Отвечает Тимофей // *Коротко и ясно*: // Это очень хорошо, // Хорошо-прекрасно/ (А. А. Жаров. Отвечает Тимофей...). Эти примеры свидетельствуют о том, что при сохранении семантики и структуры калькированной единицы её развитие в поэтическом дискурсе может происходить в стилистическом аспекте.

Ещё одно направление в освоении скрытого заимствования в поэтическом дискурсе связано с развитием семантики калькированной единицы посредством изменения его структуры и / или компонентного состава.

Выражение *den gestrigen Tag suchen*, родившееся в немецком языке из шутовского выражения, построено на каламбуре, языковой игре и оказывается близко русской смеховой культуре, культуре русской сельской ярмарки, языку русских скоморохов, балаганной прибаутке. Поэтические манипуляции с выражением *искать вчерашний день* демонстрируют его освоение и развитие в плане игры со временем, в силу чего глагольный компонент исходной формулы в поэтическом дискурсе усекается или заменяется на другой.

В стихотворении А. Ахматовой «Есть три эпохи у воспоминаний...» глагол

искать усечён: Есть три эпохи у воспоминаний. / И первая – как бы **вчерашний день**. Однако А. Ахматова не отбрасывает его, а создаёт художественную ситуацию «**ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ вчерашний день НАШЛИ**»: Уже не свод над головой, а где-то // В глухом предместье дом уединённый, // Где холодно зимой, а летом жарко, // Где есть паук и пыль на всём лежит, // Где истлевают пламенные письма, // Исподтишка меняются портреты, // Куда как на могилу ходят люди, // А возвратившись, моют руки с мылом, // И стряхивают беглую слезинку // С усталых век – и тяжело вздыхают... (А.А. Ахматова «Есть три эпохи у воспоминаний...»). Подобное разыгрывание ситуации «нахождения вчерашнего дня» вполне закономерно на базе существования в русском языке пары *искать* – *находить*, которая многими причисляется к видовым. Поэт улавливает их скрытые смысловые связи, создаёт единство *искать вчерашний день* – *находить то, что было во вчерашнем дне*, основываясь на языковой традиции сближения процесса и результата, которая для носителей русского языка очень сильна. Об этом свидетельствует высокий коэффициент совместной встречаемости *искать* – *находить* в прецедентных текстах, к примеру: *кто ищет, тот найдёт; бороться и искать; найти и не сдаваться*. Кроме того, каждый четвёртый участник лингвистического эксперимента к сочетанию *искать* и ... подбирает *найти / находить / не найти / не находить* (Зализняк, Микаэлян 2016). На основе языковой близости глаголов Ахматова обыгрывает художественную ситуацию возможности *искать вчерашний день* и находить то, что было в нём. Итоговой частью становятся суждения поэта о ненужности подобных поисков, так как можно не обрадоваться тому, что нашёл. Согласно художественному прозрению Ахматовой, невозможно вместить в себе то, что имели мы во вчерашнем дне: <...> Боже мой! / И вот когда горчайшее приходит: // Мы сознаем, что не могли б вместить / То прошлое в границы нашей жизни, / И нам оно почти что так же чуждо, / Как нашему соседу по квартире, / Что тех, кто умер, мы бы не узнали, / А те, с кем нам разлуку Бог послал, / Прекрасно обошлись без нас – и даже / Всё к лучшему.. (А.А. Ахматова «Есть три эпохи у воспоминаний...»). Так ирония формулы *искать вчерашний день* за счёт усечения глагольной части кальки превращается у Ахматовой в трагедию найденного прошлого.

Отметим, что близость глаголов *искать–находить* влияет на трансформацию фразеологизма *искать вчерашний день* и у других авторов, которые заменяют глагольную часть. Так, у Твардовского используется глагол *воскресить*: Что за происк иль попытка // **Воскресить вчерашний день**, // Неизжиток / Пережитка // Или тень на наш плетень? (А. Т. Твардовский. Тёркин на том свете). При этом вся ситуация имеет сказочное начало, не случайно эта глава называется «Тёркин на том свете». В целом отметим, что трансформация глагольной части нацелена на семантику игры со временем. Например, замена глагола *искать* на глагол *догнать*, обозначающего двигательную активность и вектор движения «вперёд», подчёркивает возможность или необходимость человека быть со временем наравне: Пойми – **догнать вчерашний день** // Ведь в **завтрашнем** должна я (Р.П. Спинадель. «С ухаба скачет на ухаб...»).

Изменение структуры и / или компонентного состава может происходить в калькированной единице не только в силу языковой традиции, как было описано выше, но и под влиянием культурно-мифологического фактора. Рассмотрим это

явление на примере калькирования немецкого *den roten Hahn aufs Dach setzen* русским фразеологизмом *красного петуха пустить (на крышу посадить)* в значении ‘поджечь что-л., устроить пожар’ (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 443). Момент «встречи» славянской и германской культур сказался в представлении двух народов о петухе как о птице, посвященной богу огня, что, скорее всего, и определило заимствование.

В русском общеупотребительном языке калькированный фразеологизм имеет именную и глагольную части.

В поэтическом дискурсе востребована только именная часть *красный петух*. Её языческая символика птицы и цвета привлекает многих русских поэтов, создавая фундамент для приращения смысла и экспрессии. Так, в стихотворении С. И. Кирсанова «Труба Наполеона», обращённого к эпохе Отечественной войны 1812 года, именная часть приобретает множественное число, благодаря чему выражение *красные петухи* наделяется семантикой множества пожаров, организованных жителями Москвы – ушедшими из города, но не покоровшимися великому завоевателю: *А красных / петухов // он видит над Москвою?* (С. И. Кирсанов «Труба Наполеона»). Петухи были самыми распространёнными на Руси домашними птицами, и, эксплицируя мысль о пожарах-красных петухах, поэт формирует символ непокорённой страны.

Усекновение кальки до сочетания *прил. + сущ.* меняет не только структуру, но и семантику фразеологизма, так как вместе с глагольным компонентом *пустить/посадить* устраняется и представление о человеке – субъекте действия. *Красный петух* сам становится субъектом действия, калька получает синтаксическое развёртывание посредством однородных сказуемых *прилетел – Клюёт – Вцепился*, в силу чего *красный петух* видится чудищем, с мощью которого невозможно справиться: *Вышло дело не ладно, // Пришла беда к Якимову дому: // Красный петух прилетел и жадно // Клюёт на крыше яровую солому, // Вцепился в смоляные стропила, // Пошли гулять перетрески* (В. И. Горянский. Сказка о домовом). Детализация образа крыльев красного петуха формирует представление о его смертоносной силе: *То крылья вещего полёта, // То крылья – «красных петухов», // На них из крови позолота, // Узор из слёз и черепов* (А. И. Тиняков «Красные крылья»). В поэме Б. Пастернака «Девятьсот пятый год» за счёт обращения к кальке образ предреволюционных пожаров даётся в движении благодаря глаголу *кривляется*: *И торчит копылом / И кривляется / Красный петух* (Б. Л. Пастернак. Девятьсот пятый год). В зарисовке проявляется авторское осмысление событий – петух, вырастая до огромных размеров, насмехается (*кривляется*) над теми, кто предоставил ему свободу. В русле фольклорных традиций поэт гиперболизирует демоническое начало в образе петуха, и тот уже видится не домашней птицей, а василиском – «чудо-вищем с головой петуха, туловищем жабы и хвостом змеи» (Мальцева 2013, 59).

Устранение глагола из калькированной единицы, а вместе с ним и субъекта действия даёт основание для нового осмысления языческого символа, и красный петух выступает воплощением божества: *Я красным петухом // Являюсь на костре с таинственным шипеньем // В купальном сумраке, и девы звонким пеньем // Меня приветствуют, украшены венком* (А. А. Кондратьев «Огонь-Припекало»).

В некоторых случаях, несмотря на опущение глагольного компонента, присутствует ориентация на субъект действия, то есть на того, кто *красного петух* может *пускать* // *посадить на крышу*. Тогда *красный петух* ассоциируется с мощью стихийной борьбы народа, получая амбивалентную аксиологическую оценку. В дореволюционном произведении К. Д. Бальмонта оценка этой силе явно отрицательная: Этим людям злое снится, // Разум их затянут мхом, // Спит – и разве озарится // Ночью **красным петухом** (К. Д. Бальмонт. «Те же»). В послереволюционном стихотворении П. Г. Антокольского, напротив, *красный петух* оценивается положительно, и поэт видит себя частью этой силы, отсюда эпитет *наш* как определение *красному петуху*: *Опущен штандарт, и под чёрную тучу // Наш красный петух будет задран* (П.Г. Антокольский «Последний»). В последнем случае явно проступает ассоциация красного петуха с красным знаменем.

Выражение *красный петух* получает метафорическое осмысление ‘цвета огня’, ‘цвета пожара’: Зори – **красными петухами**. // Ветер в болоте осоку режет (Д. Самойлов. Семен Андреич). Наряду с цветовой семантикой в семантическом пространстве текста формируется идея разгула стихии. Подобное смыслопорождение не случайно, оно имплицитно связано со значением фразеологической кальки и поддерживается лексически мотивом ветра и фонетически аллитерацией [р].

Третье направление в развитии калькированной единицы в поэтическом дискурсе связано с индивидуально-авторскими структурными изменениями исходной формулы, доходящими до текстового её развёртывания. Именно так происходит развитие фразеологизма *строить воздушные замки* в стихотворении Б. Слуцкого «Как проехать к **воздушному замку**». В произведении можно выделить 2 части. Первая часть, апеллируя к калькированному фразеологизму, дает описание «построенного» воздушного замка: Оказывается, возможно строительство **замков воздушных**, // просторных и светлых замков, которые лучше душевных, // которые лучше людных, толкающихся городов (Б. А. Слуцкий. Как проехать к воздушному замку). Вторая часть возвращает к заглавию стихотворения и отвечает на поставленный вопрос: А как **к воздушному замку** проехать с нашей улицы? // Для этого целый вечер надо над сказкой сутулиться, // потом погулять немного, потом покрепче заснуть, // и только глаза закроете — тотчас отправитесь в путь (Б. А. Слуцкий. Как проехать к воздушному замку).

В.М. Мокиенко, говоря о развёртывании фразеологизма *строить воздушные замки* в стихотворении «Биография» этого же автора, совершенно справедливо отмечает функцию подобного развёртывания, которая заключается в том, что «межуровневое взаимодействие фразеологизма (или его компонентов) с текстом повышает образный и экспрессивный потенциал того и другого, производя художественно-эстетический эффект» (Мокиенко 2017в, 150). Однако подобное возможно только тогда, когда «когда фразеологизм понятен без комментариев» (там же). Нечто подобное нужно сказать и о рассмотрении использования фразеологизма-кальки в поэтическом дискурсе, а именно: употребление фразеологизма *строить воздушные замки* посредством синтаксического развёртывания невозможно без литературной традиции, которая

в данном примере ведёт начало от XIX века – стихов П. Вяземского, Я. Полонского и др. – и продолжается в XX веке. Литературный опыт других авторов проявляется в освоении кальки на уровне модификации структуры, благодаря чему возникает некая «прецедентность» трансформации. Например, для П.А. Вяземского в середине XIX века изменение калькированной единицы было основано на развитии ассоциации **строить – зодчий**: Несостоятельный журнальный Фигаро, // Желаящий своё осеребрить перо, // С проектом Верхолёт, **воздушных замков зодчий**, // Простроил он на них давно // запас свой отчий <...> (П. А. Вяземский. Как ни придешь к нему, хоть вечером, хоть рано...). Я. Полонский модифицировал кальку посредством приёма персонификации: Иль ты опять влюблен **в мечту, в царицу** // **Своих воздушных замков?** (Я. П. Полонский. Мечтатель). В XX веке освоение калькированного фразеологизма продолжается. Так, С. Кирсанов развил идею **строить – значит иметь** и представил образ уже построенного замка из воздуха, создав словесный ряд **воздушный замок – воздушные залы – воздушный пирог**: Позволь ты мне / **иметь воздушный замок**, // чтоб побродить / в **его воздушных залах**, // где будем мы, / покинув город душный, // сидеть вдвоём / и есть **пирог воздушный**. (С. И. Кирсанов. «Позволь ты мне / иметь воздушный замок...»). Традиция освоения кальки влияет на возможность её трансформации последующими авторами. Не случайно после Б. Слуцкого возникают и другие примеры употребления в поэтическом дискурсе развернутого фразеологического образа воздушного замка: Но остров Цитера засыпан пеплом, // **Воздушный замок сгорел** <>... **Воздушный замок прахом развеян**// (Летает сера, зола), // И всё слабее среди развалин// Свет облачного крыла (И. В. Чиннов. «Вновь перисто небо – да, белоснежность...»).

Подводя итог, можно сказать, что в поэтическом дискурсе фразеологическая калька активно развивает свой экспрессивно-семантический потенциал, опираясь на языковую, мифологическую и литературоведческую традиции.

Королькова Анжелика Викторовна, СмолГУ, Смоленск,
РФ

lika.korolkova@bk.ru

Заемствованная лексика и фразеология в русской афористике

Русская афористика, понимаемая как совокупность устойчивых авторских изречений, отражает все процессы, происходящие в русском языке. Именно поэтому афоризмы, отражающие индивидуально-авторские особенности стиля, включают в себя самую разнообразную лексику и фразеологию. Особенно интересна в этом отношении заимствованная лексика и фразеология. В афористике большая часть заимствованных единиц относится к старославянизмам, что неудивительно, так как большая часть из них лишена оттенка чужеродности. Среди заимствованных фразеологических единиц в

русских афоризмах преобладают библеизмы.

Лексическая и фразеологическая система русской афористики является отражением развития лексики и фразеологии русского литературного языка на протяжении столетий. Она отражает все ментальные изменения, происходящие в обществе, иллюстрирует систему ценностей народа в определённый период времени, помогает проанализировать мировосприятие и мирозерцание в целом.

Разумеется, эта система иллюстрирует все процессы, связанные с заимствованиями русским языком иноязычных лексем и фразеологизмов разных эпох. В русской афористике можно найти заимствования, по-разному освоенные языковой системой. Заимствованные лексические и фразеологические единицы пришли в афористику как раз из тех языков, которые служили основой заимствований для всего русского языка.

В русской классической книжной афористике XVIII – XX вв. заимствованная лексика употребляется в таком же количестве, что и в русском литературном языке в целом. Особо значимыми в количественном отношении являются старославянизмы, используемые с различными стилистическими функциями.

Чаще это традиционная функция – придание тексту возвышенности и торжественности, патетики. Патетика же связана с темами гражданственности, любви к Отечеству и пр. Это наблюдается в афористике XVIII–XIX вв. В современной афористике старославянизмы используются как средство стилизации, иногда как средство создания иронии путём столкновения в контексте стилистически разноплановых единиц.

В своё время А.С. Пушкин задумывался над этой проблемой, подтверждением чему служит афористическое высказывание:

Давно ли стали мы писать *языком* общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего ещё не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *цалуй меня* etc...

Отдельно нужно отметить, что русские афоризмы иногда включают в себя варваризмы и экзотизмы. Это происходит в тех случаях, когда лексические единицы необходимы для создания определённого настроения и образа, а также особого колорита. Экзотизмы могут употребляться и в прямом, и в переносном значении, но в любом случае они привлекают внимание. В современном мире, в условиях глобализации, в условиях расширения информационного пространства экзотическая в недавнем прошлом лексика становится просто заимствованиями, активно употребляющимися в современном русском языке. Так, например, произошло со словами *ланч, аул, пиала, кимоно, кишлак* и пр.

В прозаических изречениях XVIII – начала XX вв. встречаются лексические единицы, которые в недавнем прошлом воспринимались как экзотизмы.

Например:

Серп войны пожинал колосья жизни.

В клещах голода и холода корчились города, к самому небу неслись стоны деревень, но не умолкаячи грохотали военные барабаны и гневно рыкали орудия, заглушая писк гибнущих детей, вопли жен и матерей.

Горе гостило, и беды свивали гнездо в *аулах* Чечни и под крышей украинской хаты, в казачьей станице и в хибарах рабочих слободок (А. Веселый)

В афоризмах XX века используются лексические единицы, вполне осознаваемые автором и читателями как заимствования, которые, однако, уже вошли в активный запас языка.

Тоталитаризм не может отказаться от насилия. Отказавшись от насилия, *тоталитаризм* гибнет. Вечное, непрекращающееся, прямое и замаскированное, сверхнасилие есть основа *тоталитаризма* (В.С. Гроссман).

На страницах современной печати, на различных научных лингвистических конференциях в настоящее время идут споры о степени допустимости использования заимствованной лексики в современном языке.

Хочется отметить, что данная проблема не нова для русского языка. Со времен полемики А.С. Пушкина и А.С. Шишкова подобные споры то затихают, то вновь разгораются, в зависимости от того, насколько в данный момент актуальна эта проблема. Эпох активизации заимствований было много, однако в русском языке в процентном отношении заимствований не становится больше. На наш взгляд, лингвистические процессы, происходящие в языке, не требуют вмешательства экстралингвистики.

Проблема заимствований волновала писателей и поэтов, активно обсуждалась на протяжении трех столетий, что нашло отражение в афористике. В нашем «Словаре афоризмов русских писателей» (Королькова – Ломов – Тихонов 2005) зафиксировано достаточно много афоризмов, в которых затрагивается проблема допустимости использования заимствованной лексики в русском языке. Большинство афористов ратовало за чистоту русского языка, за недопущение активных заимствований, за охрану языка от излишних иноязычных слов, однако отмечалась и необходимость заимствований.

Например:

В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей. (В.Г. Белинский)

* * *

Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания, противна здравому смыслу и здравому вкусу; но она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею (В.Г. Белинский)

* * *

Там, где можно найти коренное русское слово, – нужно его находить (А.Н. Толстой)

* * *

Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас (И.С. Тургенев)

Самым важным критерием, регулирующим употребление заимствований, является мотивированность их употребления в том или ином контексте, в противном случае возникает или речевая избыточность, или происходит отвлечение от истинного смысла высказывания, или возникают грубые ошибки.

Проблема заимствований может решаться в русском языке согласно известному изречению А.С. Пушкина: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (Королькова – Ломов – Тихонов 2005, 389).

В целом, заимствований в составе афористического корпуса русского языка достаточно много. Но, в частности, многое зависит от тематики отдельного афоризма и от мировоззрения автора.

Самыми распространёнными в афористике являются заимствованные устойчивые обороты, часто даже не воспринимаемые носителями языка как таковые. Это фразеологические единицы, восходящие к Библии. Таких заимствований большинство, причем необходимо отметить, что они сохраняют свою форму и значение вне зависимости от исторического времени создания афоризма.

Например:

Человек должен трудиться, работать *в поте лица*, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги (А.П. Чехов).

* * *

В дележе власти участвуют в большинстве случаев люди голые, неспособные к творческой работе, забывшие, что как земля явилась вследствие проклятия человека, осуждённого *в поте лица* восстанавливать работой утраченный путь к небу, – так и власть государственная есть несчастье человека прежде всего (М.М. Пришвин).

* * *

Воистину вся *Русь* – это *Неопалимая Кутина*, горящая и несгорающая сквозь все века своей мученической истории (М.А. Волошин).

Помимо этой группы изречений, содержащих библейские фразеологические единицы, в русской афористике присутствует значительная группа афоризмов, в которых фразеологизмы, восходящие к Библии, претерпели либо индивидуально-авторские, либо семантические изменения (Вальтер 2018, 6–7). Многие в афористике связаны с индивидуально-авторским мировидением, поэтому переосмысление ФЕ является весьма частотным. При этом у фразеологизма могут появиться новые смысловые оттенки, иная стилистическая характеристика, в некоторых случаях меняется грамматическая форма, изменяются или даже исчезают отдельные компоненты.

Например:

К сожалению, *жизнь* – одна.

Чтоб не искать доказательств вящих,

Нам придётся *испить до дна*
Чашу свою в этих скромных чащах:
Жизнь, вероятно, не так длинна,
Чтоб откладывать худшее в долгий ящик (И.А. Бродский).

* * *

Там к бедству смертные рождены,
К унижению осужденны,
Несчастий полную чашу пьют (В.В. Капнист).

Человек, строящий свой дом на одном сердце, строит его на огнедышащей горе. Люди, основывающие всё благо своей жизни на семейной жизни, *строят дом на песке* (А.И. Герцен).

* * *

Хотя не хлебом единым человек сыт, но и без хлеба жить невозможно (В.Н. Войнович).

В русской афористике, зафиксированной в «Словаре афоризмов русских писателей», присутствует значительная группа изречений, в которых наблюдаются структурно-семантические изменения фразеологизмов такого типа, которые приводят к нарушению тождества ФЕ, но в результате появляются авторские фразеологические единицы.

Все, что тревожило нас, *в вечности канет* (Д.С. Самойлов).

* * *

Мир живёт. В мире *жизнь*. *Жизнь – тайна для всех людей*. Одни называют её Бог, другие – сила. Всё равно – она тайна. Жизнь разлита во всё. Всё живёт вместе, и всё живёт – отдельно: живёт человек, живёт червь (Л.Н. Толстой).

* * *

Первый признак умного *человека* – с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и *не метать бисера перед Репетиловыми* и тому подобными (А.С. Пушкин).

В русской афористике XVIII–XX веков встречаются заимствованные фразеологизмы, восходящие ко временам античности. В качестве примера приведём некоторые изречения:

Страсть к блеску, к эффекту была *ахиллесовскою пяткою* природы Марлинского, лишила его талант развития, способности идти вперёд и наложила на него характер лёгкости и хрупкости (В.Г. Белинский).

А также афоризм А. Вознесенского с трансформированным фразеологизмом *кануть в Лету*:

Смертны камень, и воздух,
И феномен человека.
Только текучий памятник
Нельзя разложить и сжечь.
Не в пресловутую *Лету* –
впадаем, как будто в реку, –
В Речь.

* * *

Выражается сильно русский народ! и если наградит кого словом, то

пойдёт оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и *на край света*.

В приведённом афоризме Н.В. Гоголя используется ФЕ *край света*, восходящий к латинскому выражению *Ultima Thule – край света, Крайняя Фула* (Вергилий, «Георгики»):

Также в изречениях XVIII–XX веков присутствуют заимствованные фразеологические единицы из латыни, английского, немецкого, французского, польского языков. Чаще всего такие фразеологические заимствования вошли в русский язык давно, освоены им и не воспринимаются носителями языка как нечто чужеродное.

Например:

Пусть *время* в череде жестоких лет
Огнем и болью испытало нас,
Под серым пеплом будней не угас
Далекой юности бессмертный свет (А.А. Сурков).

Трансформированный фразеологизм *огнём и болью* восходит к польскому «огнём и мечом». Впрочем, нужно отметить, что проф. В. Хлебда утверждает, что польские крылатые выражения в русском языке не бытуют (Хлебда 2006).

Ещё один пример:

Обида такая *пилюля*, которую не всякий с покойным лицом *проглотить* может; некоторые глотают, разжевав наперёд; тут пилюля ещё горче (М.Ю. Лермонтов), (Из французского языка: «проглотить пилюлю»).

* * *

Простота! Простота! Тебя зовут святою... Но святость – не человеческое дело. Смирение – вот это так. Оно попирает, оно побеждает гордыню. Но не забывай: в самом чувстве победы есть уже своя гордыня. (И.С. Тургенев) (Фразеологическая единица *святая простота*, по мнению многих исследователей, связана с именем известного чешского мыслителя Яна Гуса)

* * *

Деньги, заработанные честным трудом, являются не только материальным, но и моральным вознаграждением. Человек может купить ту вещь, которая ему нравится, может поехать туда, куда ему нравится, то есть не прозябать в унижительной бедности и не пользоваться постыдными привилегиями, а вести достойный *образ жизни*, который заслужил своим трудом (В.В. Войнович) (*Образ жизни* – калька *modus vivendi* с латыни).

Современная афористика содержит заимствования разного рода и лексические, и фразеологические.

Так, например, в афористике Юрия Полякова, зафиксированной в книге «Бахрома жизни» (2013), довольно много изречений содержат заимствования из различных европейских языков.

Например:

Авангард – это когда неумение объявляют приёмом.

* * *

Мы живём в эпоху литературных репутаций, нагло пытающихся заместить

собой собственно литературу.

В целом, в русской классической афористике, как в зеркале, отражаются процессы развития и формирования лексического и фразеологического состава современного русского языка.

Приведём в заключение известный афоризм В.Г. Белинского:

Говоря строго, *язык* никогда не устанавливается окончательно: он непрерывно живёт и движется, развиваясь и совершенствуясь... Язык идёт вместе с жизнью народа...

Селиверстова Елена
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
selena754@inbox.ru

Ассоциативное поле и содержательный диапазон фразеологизма *жёлтая пресса*

Единицы фразеологической системы языка традиционно классифицируются, помимо прочего, с точки зрения их происхождения – источника, из которого они попали в русский язык. Немалый разряд составляют обороты, представляющие собой результат калькирования в разное время выражений различных языков (*синий чулок, железный занавес, А король-то голый!* и др.). Работа обращена к пришедшему из английского языка выражению *жёлтая пресса* (ср. также *чёрная пресса, белая пресса, красная пресса*) в аспекте выявления связываемого с ним круга ассоциаций, вызываемых у носителей языка. С одной стороны, они становятся очевидными из семантических опор текста, представляющих собой характеристики, даваемые подобным изданиям, раскрывающим их суть; ср.: *жульническое сознание, дешёвая сенсация, клевета, бульварный, продажность, анонимный, заказывать грязную музыку* и т.д.). С другой стороны, контексты из Национального корпуса русского языка позволяют увидеть и характеристики содержательной стороны изданий, относимых к жёлтой прессе. Говорящие называют в качестве основной функции «развлечение читателей», охватывающее, в частности, слухи и сплетни, эффектный компромат, публикации лично-интимного характера, травлю отдельных субъектов, сведения о жизни представителей бомонда и проч., что формирует ощутимый оценочный шлейф.

Длительные и весьма разнообразные контакты представителей разных культур и языков не могут не приводить к взаимному обогащению каждого из лексиконов, которыми располагают носители языка. Вспомним классические примеры расширения русского вокабуляра в эпоху Петра Первого – период освоения западной культуры и технических достижений,

в периоды научных революций, не говоря уже о том, каким количеством слов пополнился лексикон, в частности, русского языка за последние 30 лет – и не только в связи с глобальной компьютеризацией (интересно, что, как ни сопротивлялся чешский язык слову *komputer*, используя вместо него *počítač*, оно, однако, сейчас вполне конкурирует с чешским эквивалентом), мобилизацией (от словосочетания *мобильный телефон*), но и с глобальной косметизацией (*мейкап, скраб, лоушен, лифтинг* и др.), рекламизацией и прочими *-зациями*. Весьма активны процессы проникновения иноязычных слов в спортивную и медицинскую терминологию.

Вопросам типологии языков-источников, откуда приходят новые слова, сфер употребления, наиболее активно пополняемых заимствованной лексикой, способам и моделям освоения иноязычных слов посвящена богатая литература – работы Г.Н. Складневской и Е.Ю. Ваулиной (2004), Л.П. Крысина (2002, 2004), И.Г. Морозовой (2009), Д.С. Никитина (2010), Л.И. Богдановой (2008) и многих других, в которой рассматриваются как процессы пополнения заимствований одного языка, так и судьба конкретных слов в разных языках.

С точки зрения происхождения традиционно классифицируются и фразеологизмы (ФЕ), попадающие в русский язык различными путями. Отмечены многочисленные факты заимствований – от библейских оборотов *манна небесная* и *глас вопиющего в пустыне* до выражений *с глазу на глаз, не в своей тарелке, А король-то голый!* Немалый разряд ФЕ, представляющих собой результат калькирования в разное время выражений различных языков: *синий чулок, железный занавес, порочный круг, класть все яйца в одну корзину* и др. Неизменно верный историческому аспекту во фразеологии, А.К. Бирих отмечает, что даже очевидные, казалось бы, по своему происхождению фразеологизмы на поверку оказываются заимствованиями, как это произошло в обороте с образом *булавки (шпильки) в голове* со значением ‘быть навеселе, в состоянии лёгкого опьянения’ (Бирих 2000, 32-35).

Заимствованные обороты ожидает в принимающем языке разная судьба. Одни из них функционируют в соответствии с условиями, заданными исходным языком, другие семантически отступают от значения исходного выражения, развивая, к примеру, новые, дополнительные, значения, либо – в результате ложной этимологии и трактовки – приобретают совершенно иной смысл.

Мы обратились к пришедшему из английского языка выражению *жёлтая пресса* (ср. также *чёрная пресса, белая пресса, красная пресса*) в аспекте выявления его сегодняшнего семантического содержания и круга ассоциаций, вызываемых у носителей языка. Анализ строится на анализе контекстов из Национального корпуса русского языка и ресурсов сети Интернет, позволяющим увидеть характеристики содержательной стороны изданий, относимых к жёлтой прессе, и их оценку в целом читающей, а скорее – *принципиально не читающей* эти издания публикой. Мы также произвели небольшой опрос, задавший ориентиры в группировке рассматриваемых признаков.

Найдутся в русском языке и другие выражения, построенные по той же модели «прилагательное-кологатив + существительное *пресса*»: *красная пресса, чёрная, белая...* Выражение *белая пресса* хронологически связано с периодом 20-30-х гг. XIX в. – времени упрочения новой власти и становления молодого государства СССР. Это выражение упомянуто, в частности, Г.О. Винокуром в статье «О революционной фразеологии», где он предупреждает о важности серьёзного отношения к слову, представляющему собой «страшную силу»: «Смешное, обесмысленное слово – это великая угроза. И тот, кто держал когда-либо в руках *белую прессу*, кто прислушивался к разговорам буржуа, комментирующих большевистские лозунги, особенно сейчас, при нэпе, тот поймёт, в каком смысле здесь можно говорить о политической опасности» (Г.О. Винокур. О революционной фразеологии // Леф. 1923). *Белой прессой* называют позднее и зарубежные источники, тенденциозно освещающие события в Стране Советов:

«Откуда в европейской газете можно почерпнуть самую лучшую и самую полную информацию о Советском Союзе? Неопытный, наивный простак пожмёт плечами и, не задумываясь, ответит: – Из Советского Союза, конечно. Более опытный и более горько искушенный человек, если он вдобавок просматривает иностранную *белую прессу*, нисколько не пожимая плечами, усмехнется и укажет: – Из Риги, конечно. И будет прав» (Михаил Кольцов. Стало нехорошо – поехали в Ригу // «Правда», 1930).

Однако если словосочетание *белая пресса* в первую очередь имеет целью подчеркнуть политические интересы, представляемые неким источником и преследуемые им цели, и читатель, следовательно, учитывает этот факт при оценке его содержания, – то использование ФЕ *жёлтая пресса* позволяет увидеть целый спектр характеристик содержания издания, целевых установок, указание на уровень читающей публики и проч.

В языке-источнике это выражение связано с изданиями, характеризуемыми как «публикующие сенсационные истории» («Collins English Dictionary»). Словарь английских идиом подчёркивает в выражении *yellow press* следование принципу, согласно которому главной задачей издания является разжигание читательского интереса, а изложение фактов, информирование вторично⁸⁴.

В одной из версий истории появления этой ФЕ названы в качестве причины комиксы американской газеты, герой которой по своей бедности был одет в жёлтый мешок – запоминающийся признак на фоне тогдашней исключительно чёрно-белой печати. Серия комиксов оказалась очень популярной, и две газеты долго и всерьёз оспаривали друг у друга право

⁸⁴ <https://idioms.thefreedictionary.com>

пользоваться услугами художника – автора комиксов. Это и вызвало к жизни – по метонимическому принципу – ярлык *жёлтая пресса*, коего удостоились обе конкурирующие газеты (так их назвал Эрвин Уордмэн, редактор New York Press).

Согласно другой версии, оборот *жёлтая пресса* возводится к выразительной характеристике выпускаемой на желтоватой бумаге дешёвой «одноцентовой прессы» (*penny press*), публикующей для непритязательных читателей, не озабоченных проблемой достоверности, информацию о сенсациях, скандалах из жизни знаменитостей, преступлениях сексуального характера, сплетнях и т.д. Популярность изданий объяснялась возможностью получения психологической разрядки, проявления примитивных человеческих эмоций и инстинктов.

В конечном итоге за словосочетанием, появившимся более 100 лет назад, в русском языке закрепилось такое содержание: *Неодобр.* ‘О низкопробной, лживой, падкой на дешёвые сенсации печати’ (Бирях – Мокиенко – Степанова 2005, 572)⁸⁵. Мы, однако, знаем, что понятие, стоящее за выражением, всегда шире приписанного ему значения, достаточного для номинации явления. Для выяснения семантического спектра частотного оборота *жёлтая пресса* в русском языковом сознании мы предприняли 2 шага.

Опрос носителей русского языка

Шаг 1 составил опрос, позволивший обобщить до формата таблицы варианты трактовки выражения *жёлтая пресса* и связанных с ним представлений.

Критерий (признак)	В восприятии информантов	Противоречия
Степень достоверности	клевета, неправда; сплетни, слухи; недостоверность, непроверенная информация, сомнительная достоверность; выдуманный; то, чему нельзя верить; отсутствие документально подтверждаемых фактов	Достоверность возможна; степень «желтизны» может быть разной
Тематика	скандалы, дразги, интриги; сугубо личные интимно-семейные дела, перемывание чужого белья; «грязь»; расследования; надуманные новости о звёздах-однодневках, о популярных личностях	

⁸⁵ Отметим, что носителям чешского, немецкого, словацкого, польского, французского языков студенческого возраста выражение *желтая пресса* в качестве кальки на их родные языки оказалось незнакомым – в отличие от оборота *бульварная пресса*

Методы	некорректные методы, противоречащие журналистской этике; вторгаться в личное пространство, унижение человеческого достоинства; интерпретация одиночного факта, вырванного из контекста	
Уровень читающей публики	недалекие, необразованные, некультурные; на потребу низким вкусам	
Репутация	плохая, несерьёзное издание, «дешевка», читиво, «низкого пошиба»	
Информативность	Много фотографий, минимум информации	
Степень популярности	высокая продаваемость массовое издание	
Стоимость	относительная дешевизна	
Цель	спровоцировать скандал; шумиха	
Сопутствующие черты	форма СМИ, включая электронные	
Сопутствующие черты	современный глянцевого журнала	

Как видим, большего внимания удостоились такие характеристики, как степень достоверности излагаемой в издании информации, содержательно-тематический параметр и используемые авторами методы – по большей части недостойные, если судить с точки зрения журналистской этики.

Стереотипные представления, стоящие за выражением *жёлтая пресса*

Представления о *жёлтой прессе*, фиксируемые современным дискурсом, весьма разнообразны. Вторым нашим шагом составило обращение к характеристикам, составляющим семантические опоры контекстов с данной ФЕ и экспрессивно-оценочным определениям, аттестующим как сами издания, так и отдельные материалы и их авторов. Итак, *жёлтая пресса* – это...

1. Опубликование *семейно-интимной информации* – преимущественно *без согласия* объектов журналистского внимания – т.е., по сути, нарушение права человека на личное пространство:

«Дело происходило в 1910 году, когда в России расцвела буйным цветом так называемая *жёлтая пресса*, которая ради дешевой сенсации

публиковала интимнейшие фотоснимки с известных и полуизвестных писателей, изображавшие их то на пляже, <...> то за бутылкой вина. Под снимками были игриво-развязные, вульгарные подписи. [Короленко] самым решительным образом отваживал бесцеремонных репортёров» (К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940-1969)).

2. Слухи и сплетни, т.е. **непроверенная** информация, домыслы, **порочащие** изображаемого человека.

[Журналисту] Я не отрицаю, что это именно я пригласил Диану и её сыновей отдохнуть с моей семьей на Лазурном берегу. Но вы же понимаете, влюблённый мужчина – он же слеп, глух и ничего не соображает. Вопреки слухам и сплетням, которые распускала *жёлтая пресса*, <...> о том, что Доди меняет женщин как перчатки, заваливает их подарками и бросает после первой же ночи, мой сын – очень тихий и стеснительный человек. Спросите любого, кто знал его хорошо. (Юлия Пешкова. Пирамида Дианы (2002) // «Домовой», 2002.11.04).

3. **Скандальная** информация о жизни известных людей (поп-звезд, актеров, спортсменов и т.д.) – возможно, правдивая, но в любом случае специально выискиваемая и активно **муссируемая**.

Скандалы вокруг него не смолкали как минимум последние полтора десятка лет – неоднократные обвинения в педофилии, сомнения в истинности его отцовства (у Джексона осталось трое детей), подозрения в наркомании, изыскания *жёлтой прессы* по поводу его пластических операций или загадочных болезней (Трон опустел// «Эксперт», 2009).

4. Освещение **жизни, быта, покупок, хобби** и проч. **богатых людей** – вполне реальных, а отнюдь не надуманных.

Мы не видим положительного героя. Вокруг нас богатые люди, источник богатства которых – во многих случаях – неблагоприятен. И никого это не волнует. *Жёлтая пресса* с удовольствием смакует меню «уважаемого человека N», экзотическое хобби – собирание самолётов – NN. Активно создается образ – неважно, каким методом ты заработал большие деньги, главное, что они у тебя есть (М.Ю. Янченко. Последние герои. Не жить по законам джунглей (2002) // «Известия», 2002.02.01).

Названные выше характеристики связаны во многом со стремлением заинтересовать читателя – именно фактами из жизни людей, чьи имена у всех на слуху, и показать, что и «богатые тоже плачут», что они «такие же люди» – с изъянами и проблемами.

5. Одной из характеристик, в которой говорящие в целом отказывают жёлтой прессе, является научная достоверность – её обвиняют в **научнообразии**; ср.:

Участники круглого стола единодушно высказались за то, чтобы при Академии наук была создана научно-информационная служба. Её задача

– не только освещать работу учёных, но и противостоять валу псевдонаучных публикаций, которыми ныне пестрят страницы «жёлтой прессы» («Наука и жизнь». Хроника// «Наука и жизнь», 2008).

На её страницах не исключены советы и комментарии людей, претендующих на авторитетность мнения, но весьма далеких от науки. Ср.: Однако она [книга] не лишена и мощного биения жизни, которое тем не менее не перетекает в советы психологов-самоучек со страниц *жёлтой прессы* (Коротко о книгах (2003) // «Вопросы психологии», 2003.12.23).

6. Жёлтые издания, *не несущие никакой ответственности* за содержание, могут целенаправленно использоваться для распространения «*грязной*» информации (вряд ли это может существенно подпортить уже невысокую их оценку) и даже специально создаваться для этого, поэтому речь идёт, с одной стороны, о *продажности* жёлтой прессы, а с другой – о возможности целенаправленного распространения *компромата*.

Регистрируют штук пять газет-однодневок и поехали валить компромат возами. Одну предупредят, вторая вступит в бой. Да и старые издания не испугались. Те, кто заказывает грязную музыку, обеспечили свои органы нужными суммами на случай судебных преследований. <..> Никто не спросит: а нужно ли ему знать о богатстве кандидата икс и порочащих связях редактора игрек. (Владимир Горбачев. Приказано замочить (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.10.02)

Характеризуя издания таким образом, журналисты активно пользуются оценочной лексикой, призванной усилить звучание текста:

Несвежий «компромат» (от «оппонента Кремля» Б. Березовского – Е.С.), переписанный из *жёлтой прессы*, конечно, покажется многим полным бредом, но автору это не важно. В глазах Запада он хочет выглядеть не беглым жуликом, скрывающимся от российской прокуратуры, а борцом с тоталитаризмом и жертвой интриг нечистоплотной власти (Виталий Цепляев. Левая угроза // «Аргументы и факты», 2003).

7. Агрессивность жёлтой прессы как причина обращений пострадавших от неё с просьбой *защиты* становится очевидной из следующего контекста:

Авторы открытого письма просят Президента РФ обратить внимание на причины неудовлетворительного состояния трансплантологии в стране, обеспечить защиту конституционных прав пациентов, <...> а также медицинских работников от беспочвенных нападков (Елена Лория. Разберитесь с органами (2003) // «Известия», 2003.07.08).

С другой стороны, нельзя не заметить и высказываний в её адрес обвинений в нежелании сопоставить какие-либо факты, провести аналитическое исследование, ведь куда как проще бросить обвинение (очернить), от которого не так легко «отмыться».

8. Журналисты отмечают также *засилье жёлтой прессы* и необходимость ей *противостоять*:

Редактор «Комсомольской правды в Саратове» заявил, что необходимо срочно учредить «комитет нравственной цензуры, чтобы противодействовать жёлтой прессе»; готова ли епархия помочь в этом нужном деле? Владыка согласился, что «жёлтая пресса побеждает», однако о цензуре высказался с осторожностью (Владимир Горбачев. Владыка хочет сотрудничать со СМИ (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.10.09).

9. С жёлтой прессой, имеющей *немалые тиражи*, ассоциируется представление о *доходности* издательского бизнеса, ориентированного на невзыскательного читателя.

Спасибо за то, что проводите такие конкурсы, и здесь даже не призовые места главное, а то, что твой труд кому-то нужен. Мы не *жёлтая пресса*, не набор рекламных листов, поэтому не можем себе позволить выходить большим тиражом (Национальная премия «Золотой лотос» «Золотые зёрна» для СМИ (2002) // «Витрина читающей России», 2002.10.25).

В жёлтой прессе, как утверждают журналисты, можно найти немало примеров прибыльного бизнеса.

10. Жёлтая пресса обрела, судя по контекстам, своего *читателя* – *непритязательного*, не слишком образованного, не интересующегося анализом реальных событий и политикой. Ср.:

До тех пор, пока не будет сформирована нормальная политическая система, и народ не осознает значимость политических организаций, популярность *жёлтой прессы* будет намного выше, чем аналитических материалов (Мнения (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.17).

Наконец, многое из сказанного выше приводит к тому, что жёлтая пресса в целом и отдельные её издания обретают прочный оценочно-окрашенный шлейф и даже при без упоминания в тексте СМИ конкретных признаков она вызывает *пренебрежительное отношение* и служит образцом «со знаком минус», что вызывает желание *отмежеваться* и порождает выражения типа «опускаться до уровня жёлтой прессы», «мы же все-таки не жёлтая пресса» и др. Такое отношение следует также из характеристик, даваемых подобным изданиям, раскрывающих их суть; ср.: *жульническое сознание, дешёвая сенсация, низкопробный, заказывать грязную музыку, клевета, сливная яма, бульварный, продажность, анонимный* и т.д.).

Проведённый анализ показал, каков тематический разброс в изданиях, именуемых *жёлтой прессой*, и чего следует ожидать от материалов таких источников, с какой долей серьезности и доверия следует относиться к их содержанию, какова степень корректности в изложении материала. Подобные издания, по мнению носителей языка, служат не только развлечению непритязательных и алчных до сплетен читателей, публикуя сведения о личной жизни представителей бомонда и интригующие непроверенные слухи, но и, часто будучи зависимыми и продажными, – распространению компромата и целенаправленной

дискредитации публичных людей.

Анна Дмитриевна Еськова (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)
GratiaA@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ «ЧЕЛОВЕК ДЛЯ...» В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Рассматривается использование выражения *человек для...* в повести М. Горького. Это выражение может восходить к трудам швейцарского теолога К. Барта, или (что менее вероятно) к повести Дж. К. Джерома. Кроме того, рассмотрение этого оборота в повести выводит на проблемы гуманизма в европейской философии.

Человек – основная тема творчества М. Горького. Поэтому важно проследить, в какие контексты входит слово *человек* в его произведениях, какие оценочные смыслы приобретает. Выражение *человек для...* в повести «Жизнь Клима Самгина» встретилось шесть раз, следовательно, в пространстве произведения этот оборот можно считать устойчивым. Его употребляют разные персонажи. Варавка считает, что музыкант Спивак – *человек для водевиля* (21: 401)⁸⁶, а Дьякон, по мнению Клим, – *человек для анекдота* (21: 446). Отметим уничижительность таких характеристик. Дающий их пытается самоутвердиться, возвыситься в глазах собеседника, принижая того, о ком говорит. Ведь анекдот и водевиль – это низкие жанры. В Словаре под ред. Д.Н. Ушакова анекдот определяется как ‘вымышленный, короткий рассказ о смешном, забавном происшествии’. Также даётся оттенок || ‘самое такое происшествие’. А водевиль, согласно тому же источнику, – это ‘комическая пьеса фарсового характера, первонач. с пением куплетов’. Читателю повести становится понятно, что Спивак в глазах коммерсанта Варавки и Дьякон в глазах резонера Самгина не заслуживают серьёзного к себе отношения.

В этих примерах оборот *человек для...* – показатель расчеловечивания человека в художественном мире повести, свидетельство дегуманизации этого мира. Вспомним, что против подобного инструментального подхода к человеку выступал ещё Кант, в 1785 году писавший в «Основах метафизики нравственности»: «Человек и вообще всякое разумное существо *существует* как цель сама по себе, а *не только как средство* для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа, он всегда должен рассматриваться *также как цель*» (Кант 1965, 269, выделения принадлежат Канту).

Конечно, значение оборота не всегда можно вывести из

⁸⁶ После цитаты в скобках указывается том и страница: Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения в двадцати пяти томах. М.: Наука, т. 21—24, 1974—1975.

составляющих его элементов. Так, *человек для себя* в задушевном разговоре Варвары с Климом о Кумове – это не ‘эгоист’, как можно было бы подумать, а ‘человек, который знает себе цену, не хвастается, не подстраивается под других’. Реплика Варвары построена на контрасте:

«– Ты забыл, что я – неудавшаяся актриса. Я тебе прямо скажу: для меня жизнь – театр, я – зритель. На сцене идёт обозрение, revue, появляются, исчезают различно наряженные люди, которые – как ты сам часто говорил – хотят показать мне, тебе, друг другу свои таланты, свой внутренний мир. Я не знаю – насколько внутренний. Я думаю, что прав Кумов, – ты относишься к нему... барственно, небрежно, но это очень интересный юноша. Это – *человек для себя*...» (22:398-399).

Выражение *человек для*... встретилось и в библейской цитате: «Уже прошёл год [отношений Клина с Никоновой А. Е.], а она не уставала внимательно и молча слушать его.

– Суббота для человека, а не человек для субботы – говорил он. – Каждый свободен жертвовать или не жертвовать собой. Если даже допустить, что сознание определяется бытием, – это ещё не определяет, что сознание согласуется с волей» (22: 471).

Эта цитата используется Климом в связи с важной для собеседников темой и сохраняет изначально присущую ей высокую окраску. Беседа с Никоновой, Клим Иванович для большей наставительности изъясняется высоким стилем. Как заметил В. Н. Порус, при удобном случае он демонстрирует свою причастность высокой культуре, ее “кодам”, символам (Порус 2018, 258).

Особого внимания заслуживает выражение *человек для других* ‘человек, желающий бескорыстно участвовать в общем деле; готовый пожертвовать собой ради общего блага’. Клим мысленно применяет этот оборот, во-первых, к Ивану Митрофанову, который оказался ему симпатичен искренней преданностью делу (а ведь это агент уголовной полиции!), во-вторых, – к Варвариной служанке Анфимьевне. О Митрофанове Клим с некоторым снисхождением думает: «Он, бесспорно... добрый человек. И – неглуп. Он – человек типа Тани Куликовой, Анфимьевны. *Человек для других*...» (22:390). Зато «Анфимьевна – типичный идеальный *«человек для других»*, которым он восхищался, тоже помогает строить баррикаду из вещей, отработавших, так же, как она, свой век...» (23:34). Клим на протяжении всей повести пытается определить своё место среди других людей. Очевидно, он завидует Анфимьевне, которая служит общему делу и хочет обрести единомышленников.

Для — предлог цели. Поэтому можно утверждать, человек в исследуемых контекстах становится средством, а не целью.

Возможно, оборот *человек для других* восходит к названию книги «Иисус, человек для другого человека» Карла Барта, одного из основателей диалектической теологии – богословского направления, распространившегося в Европе 1920-х годов (Барт).

Другой возможный, хотя и менее вероятный источник оборота

человек для других – книга Джерома К. Джерома «Человек, который жил для других» (*The Man Who Lived For Others* – 1897) – повесть о молодом обывателе, получившем большое наследство и безуспешно пытавшемся соответствовать ожиданиям окружающих. Это сочинение Джерома было хорошо известно в России – в 1912 году книга вышла уже вторым изданием. Однако главный герой этой повести описывается с явной насмешкой, которой нет в отношении Климка к Анфимьевне.

М. Горький высоко ценил Дж. К. Джерома как писателя. В частности, он предлагал включить сборник его рассказов в число книг, которые должны выйти в издательстве «Всемирная литература» (Маргулис).

В целом выражение *человек для...* в повести Горького погружено в оценочные контексты. Его анализ помогает выявить персонажную, а через неё – авторскую оценку изображаемого. Вместе с тем использование этого оборота показывает, насколько значима в повести М. Горького философская проблематика.

Агнешка Гаш, Силезский университет, Катовице, Польша
agnieszka.gasz@us.edu.pl

О переводе фразеологизмов иностранного происхождения в афоризмах С.Е. Леца

Настоящий раздел представляет собой попытку анализа приёмов перевода фразеологизмов иностранного происхождения в афоризмах Станислава Ежи Леца на русский язык.

Работа имеет целью охарактеризовать главные способы передачи фразеологизмов иностранного происхождения в русских переводах афоризмов Станислава Ежи Леца (1909–1966) – польского поэта, писателя-сатирика, «последнего классика афоризма», «гения сатирической метафоры», см. подробнее: (Kośka 2015). Мировую известность принесла С.Е. Лецу книга под заглавием *Myśli nieuczesane* (*Непричёсанные мысли*), опубликованная в Польше в 1957 году. Уже в 60-е годы *Непричёсанные мысли* появились в переводах в США, в Англии, ФРГ, Швейцарии, Италии и долгое время возглавляли списки бестселлеров. В советскую же печать антитоталитарные *Непричёсанные мысли* проникали в виде небольших газетных или журнальных подборок. Со временем афоризмы С.Е. Леца начали публиковаться в сборниках. На русский язык их переводили многие авторы – Владимир Россельс, Евгений Фридман, Андрей Базилевский, Леонид Цывьян, Максим Мальков, А. Петрова, Е.В. Смирнова, Е.Я. Надеина.

В интеллектуальных и философских афоризмах С.Е. Леца

устойчивые сочетания и крылатые выражения интернационального характера имеют высокую частотность. Для лецевских афоризмов характерна игра слов и смыслов, состоящая в обыгрывании языковых штампов, в том числе фразеологических сочетаний (Kośka 2015, 442–444). В рамках данного исследования внимание сосредоточивается на фразеологизмах в широком понимании этого термина⁸⁷, происходящих из разных европейских языков. В текстах оригинала они выступают в двух разновидностях: во-первых, сохраняют польское написание, во-вторых, являются продуктом калькирования. Что интересно, С.Е. Лец помещает рассматриваемые выражения в модифицированном контексте или же модифицирует структуру устойчивых сочетаний. Вопросы о модификации структуры устойчивых сочетаний и способах передачи языковой игры в переводе из-за формальных ограничений не являются предметом дальнейшего обсуждения. Данные проблемы на материале афоризмов С.Е. Леца в переводе на русский и немецкий языки рассматривали в своих работах Ядвига Ставницка и Петер Крупка, см. подробнее: (Stawnicka 2002; Krupka 1979).

В ходе лингвистического анализа проследим, таким образом, особенности перевода на русский язык устойчивых сочетаний иностранного происхождения, встречающихся в текстах афоризмов С.Е. Леца. Материалом сопоставительного исследования послужил сборник афоризмов *Myśli nieuczesane wszystkie* Лец (2006), а также их русские переводы, выполненные Владимиром Россельсом и Евгением Фридманом – *Почти всё* (Лец 2008), Е.В. Смирновой – *Непричёсанные мысли* (Лец 2011), Максимом Мальковым – *Непричёсанные мысли. Фрашки. Маленькие мифы* (Лец 2015). Сопоставляя афоризмы С.Е. Леца на польском языке с их переводами на русском языке, нетрудно заметить элементы т. н. третьей культуры, т.е. выражения, не являющиеся ни элементами исходного языка (польского), ни языка перевода (русского). Чаще всего это выражения из античной мифологии, Библии и разных европейских языков, в том числе из латинского языка, а также из греческого, итальянского, французского, английского и немецкого языков. Специалисты в области переводоведения в подобных случаях говорят о проявлении т. н. категории чужого. Восприятие чужого в переводе опирается не только на языковую чуждость отдельных выражений, применяемых переводчиком, которые могут восприниматься вторичным читателем как нетипичные, странные или же непонятные, но также на культурные отличия и отличия в системе ценностей и религии, когда описываемые в тексте перевода явления отличаются от тех, которые читатель знает по собственному опыту и может их также по-другому толковать. Наряду с именами собственными, обращениями и названиями реалий, сигналами данной категории в переводе являются грамматические элементы и фраземы (Lewicki 2000, 173).

⁸⁷ При широком понимании фразеологической единицы в состав фразеологии включаются афоризмы, крылатые выражения, литературные цитаты, пословицы и поговорки, перифразы, речевые штампы, а также составные термины (Друговойко-Должанская, Чердаков 2014, 490).

В настоящее время в повседневной коммуникации мы постоянно встречаемся с влиянием других языков, т.е. мы либо активно пользуемся иностранным языком, либо пассивно понимаем некоторые иностранные выражения. Данное явление в подходе Романа Левицкого определяется термином *ограниченный билингвизм* (Lewicki 2017, 169). Такое пассивное знание очень важно в восприятии текстов перевода. Ярким примером ограниченного билингвизма среди поляков и русских можно считать знание некоторых английских выражений, характерных для современного дискурса, особенно в области бизнеса, спорта, моды и т.д., напр. *fair play*, *be happy*, *come back* и т.д. Кажется, что в наше время известны также некоторые выражения из латинского или французского языков, напр. *vice versa*, *ab ovo*, *c'est la vie*, *pardon* и т.п. В связи с этим, с одной стороны, переводчик может рассчитывать, что подобные примеры будут понятны в другой лингвокультуре, но с другой стороны – переводчику нельзя автоматически предполагать такое знание у реципиента. Если ограниченный билингвизм получателей текста перевода предполагает понимание иностранных выражений, их приводят в неизменном виде. Если же нельзя рассчитывать на их понимание в другой лингвокультуре, тогда иноязычные выражения следует перевести. Важно подчеркнуть, что в случае лецевских афоризмов применение устойчивых сочетаний, происходящих из разных европейских языков, является сознательным авторским приёмом. В этом отношении иностранные выражения (идиомы, крылатые выражения, литературные цитаты, сложные термины и т.п.) следует признать сигналом категории чужого в текстах оригинала на польском языке.

1. Анализ материала

Учитывая основные отношения между языком оригинала, языком перевода и языком третьей культуры, в исследуемом материале возможны следующие варианты комбинации фразеологических единиц:

- чужих как для языка оригинала, так и для языка перевода,
- чужих для языка оригинала,
- чужих для языка перевода,
- чужих по происхождению, но закрепившихся как в языке оригинала, так и в языке перевода.

В ходе обсуждения материала на примере отобранных для анализа афоризмов С.Е. Леца рассмотрим каждый из приведённых выше вариантов, а затем прокомментируем способы передачи на русский язык фразеологизмов иностранного происхождения в аспекте проявления категории чужого.

2.1. Первая группа охватывает фразеологические выражения, относящиеся к третьей лингвокультуре, т.е. чужие как для языка оригинала, так и для языка перевода. В качестве примеров приведём следующие афоризмы С.Е. Леца и их переводы на русский язык:

„*Le roi soleil*” rzekł: „*L'état c'est moi!*” Któraż to głowa państwa

powiedziała” „*Le soleil c’est moi!*”

*Le roi soleil*⁸⁸ говорил: «*L’état c’est moi!*»⁸⁹ А какой же глава государства провозгласил: «*Le soleil c’est moi!*»⁹⁰ (Фридман)

«*Король-Солнце*» (Le Roi-Soleil) Людовик XIV сказал: «*L’état c’est moi!*» («Государство – это я!» – фр.). А какой правитель произнёс фразу, звучащую по-французски: «*Le soleil c’est moi!*» («Солнце – это я!»)? (Мальков)

Король Солнце говорил: «*Государство – это я*». А кто же из глав государств провозгласил: «*Солнце – это я*»? (Смирнова)

Bestia szczerzy kły? *Fair play!*

Зверь скалит клыки? *Fair play!*⁹¹ (Фридман)

Зверь оскалил клыки? *Fair play!*⁹² (Мальков)

Зверь скалит зубы? Это по его правилам. *Честная игра*. (Смирнова)

Biada, gdy nasz „*Lebensraum*” znalazł się w cudzej ciasnocie umysłowej.

Горе, если наш *Lebensraum*⁹³ оказался в плену чужого скудоумия. (Фридман)

Salto morale jest bardziej niebezpieczne niż *salto mortale*.

Salto morale много опаснее *salto mortale*⁹⁴. (Мальков)

Сальто-морале значительно опаснее, чем *сальто-морале*. (Смирнова)

Сальто-морале куда опаснее, чем *сальто-морале*. (Фридман)

Как показывают приведённые примеры, переводчики применяют в основном два приёма: во-первых, сохраняют иностранное написание обсуждаемых выражений, во-вторых, калькируют их на русский язык или же употребляют устоявшийся в русском языке эквивалент. В переводах Фридмана наблюдается использование подстрочных примечаний. Мальков, кроме переводческого комментария, прибегает также к приёму пояснения иностранного выражения в скобках. Благодаря приёму экспликации значения в пределах переводческого примечания читатель, не знающий французского, английского, немецкого или итальянского языков, получает информацию на русском языке, ср. *L’état c’est moi!* – Государство – это я, *fair play* – честная игра, *Lebensraum* – жизненное пространство, *salto mortale* – смертельный прыжок. Примечания переводчика в большинстве рассматриваемых выше афоризмов имеют металингвистический характер, поскольку они применяются с целью объяснить выражения и цитаты на иностранных языках. Интересно отметить, что Фридман

⁸⁸ Король Солнце (фр.). Так называли короля Франции Людовика XIV.

⁸⁹ «Государство – это я». (фр.)

⁹⁰ «Солнце – это я». (фр.)

⁹¹ Честная игра! (англ.).

⁹² Честная игра (англ.). Принятый в спорте термин.

⁹³ Жизненное пространство (нем.).

⁹⁴ Смертельный прыжок (лат.).

применяет также культурологическое примечание, восполняющее фоновые знания об истории Франции. В случае же немецкого *Lebensraum* пояснение значения не сопровождается информацией, что данным определением пользовались немецкие нацисты для оправдания политики экспансии (WSWO 2003, 732).

Смирнова пользуется, в свою очередь, стратегией применения устоявшихся (калькированных) эквивалентов, ср.: *Король-Солнце, Государство – это я, честная игра*. Такой подход в некоторой степени лишает текст перевода непосредственных (графических) показателей третьей лингвокультуры (соответственно: французской и английской, как это имеет место в тексте оригинала на польском языке). Следует одновременно обратить внимание на факт, что в переводах Фридмана и Смирновой встречаемся также с примером приёма транскрипции сложного термина в области спортивной акробатики. Выражение *salto mortale*, обозначающее ‘смертельный прыжок’, переводчики подвергают графической адаптации (ср. *сальто-мортале*). Данное переводческое решение в некоторой степени облегчает восприятие русскоязычному читателю (в графическом плане). Мальков же решил оставить этот термин в неизменном виде (с целью сохранить категорию чужого в переводе). Автор перевода одновременно решил также объяснить значение итальянского выражения в примечании. Итак, русским читателям восприятие смысла вышеприведённых афоризмов, с одной стороны, может осложнять написание анализируемых выражений (иноязычных вкраплений) из-за разных алфавитов, но с другой стороны – в их правильном толковании (кроме знания иностранных языков) помогают фоновые знания о других культурах – их реалиях, литературе и истории, а также примечания переводчика – металингвистического, культурологического и интертекстуального типа (Алексейцева 2009, 120).

2.2. В рамках второй группы выделяются фразеологические выражения, чужие для языка оригинала (польского), но не для языка перевода (русского), т.е. в текстах оригинала они являются сигналом русской лингвокультуры. Происходящие из русского языка выражения, которые в текстах афоризмов на польском языке написаны латинским алфавитом, переводчики записывают кириллицей, что иллюстрируют примеры:

Cały savoir-vivre to powiedzieć „*won!*” przez „ą”, jak „pardon”.

Весь savoir-vivre в том, чтобы сказать «*вон*» через носовое о, как «пардон». (Фридман)

„*My byli ludmi*” – ten urywek z Borysa Pasternaka ileż twarzy wywołuje w mej pamięci, do iluż czoł spotykanych się przykleja!

«*Мы были людьми*» – сколько же лиц вызывает в моей памяти эта фраза из Бориса Пастернака и на сколько лбов она буквально сама приклеивается! (Смирнова)

«*Мы были людьми*», – фрагмент из Бориса Пастернака, вызывающий в моей памяти образы множества людей, на чьи лбы это можно приклеить. (Фридман)

«*Мы были людьми*» – эта фраза Бориса Пастернака вызывает в моей памяти множество лиц. Скольким встречаемым на улице она подошла бы! (Мальков)

Первый афоризм показывает употребление заимствованного из русского языка междометия *won*, выражающего приказ, требование немедленно уйти, ср. *posp. won lub paszoł won* ‘wykrzyknienie nakazujące natychmiastowe odejście, oddalenie się skądś; precz!’ <ros.> (WSWO, 2003, 1336). Во втором примере цитируется, в свою очередь, отрывок стихотворения Бориса Пастернака *Нас мало. Нас, может быть, трое...* (1921). В свете сказанного можно заключить, что, если анализируемые показатели категории чужого в тексте польского оригинала относятся к языку перевода, то в тексте перевода на русском языке по объективным причинам невозможно сохранить эту категорию.

2.3. В состав третьей группы включаются фразеологизмы, чужие для языка перевода. Здесь, в отличие от предыдущей группы, принимаются во внимание выражения, которые в текстах русских переводов являются сигналом польской лингвокультуры. Обсуждаемое явление можем проследить на примере терминологического сочетания из области кулинарии *zrazy zawijane*, выступающего в афоризме:

Czy matador myśli czasem o tym na arenie, że walczy z „boeuf á la Strogonoff” albo *ze zrazami zawijanymi*?

Интересно, матадор на арене когда-нибудь думает о том, что сражается с бифштексом или *зразами*? (Смирнова)

Приходит ли иногда матадору на арене в голову мысль, что он сражается с бифштексом или *зразами*? (Мальков)

Думает ли матадор на арене, что он сражается с бефстрогановом или со *зразами*? (Фридман)

На основе приведённых примеров можно заметить, что сочетание терминологического характера *zrazy zawijane* ‘zrazy zwinięte w rulon, spięte wykałaczką, w środku z nadzieniem, np. z kiszzonego ogórka i boczku’ (USJP) передаётся на русский язык как *зразы*. Согласно словарным источникам, в русском языке данное название, обозначающее рубленые биточки из говядины с начинкой, было заимствовано из польского языка, ср. (Фасмер 1986, 105; Крысин 2006, 286). Зразы из говядины – это одно из самых популярных польских мясных блюд, пришедших из литовской кухни. Их обожал король Владислав Ягелло, поэтому зразы ассоциировались прежде всего с дворянской кухней. Название этого блюда несколько раз появляется на страницах польской национальной эпопеи *Пан Тадеуш* Адама Мицкевича, см. (Каспшик-Шевиро 2016). Сегодня существует очень много вариаций этого блюда, но выделяется два главных способа

приготовления зраз: зразы с начинкой (*zrazy zawijane*) и зразы в виде рулетов, тушёных в луковом или грибном соусе (*zrazy po nelsonsku a. nelsonskie* ‘zrazy duszone w maśle, z dodatkiem grzybów, korzeni, często także kartofli’ (USJP)). Как видно, в польском языке каждый из них определяется отдельным термином. Все переводчики в данном случае воспользовались стратегией употребления калькированного с польского языка названия *зразы* и опущения определения, уточняющего способ приготовления блюда. Применение в тексте перевода устоявшегося эквивалента не вызывает тем самым у русского реципиента «сильной» коннотации чуждости (как это наблюдалось по отношению к иноязычным вкраплениям).

2.4. Четвертую группу образуют фразеологизмы, чужие по происхождению, но закрепившиеся как в языке оригинала, так и в языке перевода. В качестве примера можно привести следующие выражения: fraz. pot. *Tu jest pies pogrzebany* ‘tu tkwi sedno sprawy, w tym tkwi problem’ (USJP) и *вот где собака зарыта* используется ‘для указания на суть вопроса, на истинную причину чего-либо’ (Серов 2005, 105). С их употреблением имеем дело в афоризмах:

Rzekł: „*Tu jest pies pogrzebany*”. Ekshumowano tam ludzi.

Сказали: «*Так вот, где собака зарыта!*» и эксгумировали людей.
(Мальков)

Сказано: «*Здесь зарыта собака*». А эксгумировали людей.
(Фридман)

Рассматриваемые фразеологизмы в современном русском и польском языках представляют собой кальку с немецкого *Da ist der Hund begraben* или *Da liegt der Hund*. Небезынтересно отметить, что такая надпись находилась на могиле собаки в Винтерштейн, Тюрингия (1630), ср. (SSWSC 2007, 512). Как полагают исследователи, именно так отвечали жители немецкого городка на вопросы любопытных, где похоронена собака, спасшая жизнь австрийскому полководцу Сигизмунду Альтенштейну, который похоронил её у стены своего дома и сделал там благодарственную надпись (Серов 2005). Относительно анализируемого афоризма, в переводе М. Малькова применяется распространённое в русской лингвокультуре выражение *вот где собака зарыта*. Фридман же его не употребляет в своём переводе, в некоторой степени калькируя структуру текста польского оригинала, одновременно не сохраняя точно порядок слов, ср. *Tu jest pies pogrzebany – Здесь зарыта собака*. Приходится констатировать, что в связи с закреплением в русском и польском языках данного фразеологизма, заимствованного из немецкого языка, категория чужого полностью «исчезает». В настоящее время анализируемые фразеологизмы не воспринимаются носителями русского и польского языков как «чужие».

Как чужие не воспринимаются также многочисленные фразеологизмы, пришедшие из античной мифологии и Библии. В

афоризмах С.Е. Леца они используются довольно часто, к примеру:

Pięta achillesowa ukryta jest często w bucie tyrana.

Ахиллесова пята часто скрывается в сапоге тирана. (Смирнова)

Ахиллесова пята тирана, как правило, скрыта в сапоге. (Фридман)

Ахиллесова пята часто прячется в сапоге тирана. (Мальков)

Kto wie, ile wspaniałości zalakowanych jest pod etykietką „*Puszka Pandory*”.

Знать бы, сколько прекрасных вещей спрятано под печатью с ярлыком «*ящик Пандоры*»! (Смирнова)

Кто знает, сколько опечатанных ценностей скрывается под этикеткой «*ящик Пандоры*»? (Фридман)

Кто знает, сколько великолепных вещей собрано под этикеткой «*Ящик Пандоры*»⁹⁵? (Мальков)

Крылатые сочетания, корнями уходящие в античность, известны во многих языках, куда они проникали благодаря переводам произведений античной литературы. В этой же связи в распоряжении переводчика имеются закрепившиеся в системе языка перевода эквиваленты соответствующих выражений. В значении ‘слабое, уязвимое место, свойства кого-л.’ в польском языке употребляются фразеологизмы *pięta achillesowa*, а в русском – *ахиллесова пята*. Вместе с тем в структуре этих выражений обнаруживаются некоторые формальные (системные) различия, проявляющиеся в строго закреплённом порядке слов. Для польского языка характерно употребление видового определения после определяемого слова. В свою очередь, в русском языке оно находится в препозиции. Интересно отметить, что ни один из переводчиков не решил воспользоваться комментарием по отношению к крылатому сочетанию *ахиллесова пята*. Из-за большой распространённости и популярности мифа о герое Ахиллесе такая интертекстуальная ссылка является здесь избыточной. Что же касается передачи выражения *puszka Pandory* – рус. *ящик Пандоры*, обозначающего источник бед, несчастий, Смирнова и Фридман рассчитывают на фоновые знания получателей текстов перевода. М. Мальков же предоставляет русскому читателю возможность вспомнить миф о Пандоре благодаря употреблению подстрочного примечания.

На основе анализа лишь небольшого отрывка собранного материала можно сделать вывод, что вопрос о переводе фразеологизмов иностранного происхождения в афоризмах С.Е. Леца является довольно сложным. В ходе анализа материала мы старались обратить внимание на основные переводческие приёмы передачи этого типа устойчивых сочетаний.

⁹⁵ Согласно мифу, сотворённая Гефестом из земли и воды девушка, получившая от Зевса ящик, содержащий все человеческие грехи и беды. Из любопытства Пандора открыла крышку и выпустила наружу людские соблазны и несчастья.

Сопоставление текстов оригинала с их переводами на русский язык показало, что категория чужого наиболее выразительно проявляется по отношению к выражениям, принадлежащим к третьей лингвокультуре (т.е. ни польской, ни русской). В зависимости от общей переводческой стратегии иноязычные крылатые выражения 1) приводятся в неизменном виде (как правило, вместе с металингвистическими или культурологическими примечаниями переводчика), 2) подвергаются графической и фонетической адаптациям (транскрипции), а также 3) передаются с помощью устоявшихся в русском языке (калькированных) эквивалентов. Применение иноязычного вкрапления (трансплантации) позволяет полностью сохранить категорию чужого в переводе. С частичным же её сохранением мы имеем дело в случае применения приёма транскрипции. В свою очередь, употребление переводчиком уже устоявшегося аналога не вызывает коннотации чуждости в такой степени, как это достигается благодаря прямому графическому переносу иноязычного выражения. Учитывая соотношение «язык оригинала – язык перевода», в анализируемом материале были также обнаружены некоторые фразеологические показатели русской и польской лингвокультур. Если показателем категории чужого в тексте оригинала на польском языке является выражение, происходящее из русской лингвокультуры, то в переводе нельзя сохранить категорию чужого. Если в тексте оригинала выступает выражение, характерное для польской лингвокультуры, переводчики обычно используют функциональный эквивалент или устоявшийся аналог, что ведёт к постепенному исчезновению коннотации чуждости в переводе. При переводе заимствованных из разных европейских языков выражений, которые закрепились в русском и польском языках в виде соответствующих фразеологических калек, категория чужого полностью утрачивается. Теоретические и практические проблемы перевода иноязычных фразеологизмов, используемых С.Е. Лецем для создания *Непричёсанных мыслей*, несомненно, заслуживают более детального обсуждения.

Елена Валериевна Картер,
Санкт-Петербургский горный университет, Россия
elena.carter@hotmail.com

Трансформации русских паремий в мемуарах Н.С. Хрущёва

Рассматривается функционирование традиционных паремий и их трансформаций в речевой репрезентации Н.С. Хрущёва. Предпринимается попытка историко-этимологического комментирования анализируемых паремий, и определяются их функции. Особое место отводится анализу способов и целей пословичных трансформаций в тексте мемуаров политического лидера советской эпохи.

Проблема изучения пословичной трансформации является одной из

самых актуальных в современной лингвистике. В настоящее время этой проблематикой занимаются как отечественные, так и зарубежные исследователи (Х. Вальтер, А.Т. Литовкина, В. Мидер, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева, А. Резников О.С. Сергиенко, Н.Н. Федорова и др.).

Пословичные трансформации или «антипословицы» (термин В. Мидера) – это окказиональные и индивидуально-авторские употребления пословиц (паремий), выбивающихся за рамки нормативной вариативности. Окказиональные преобразования, с одной стороны, сохраняют свою соотнесённость с традиционной пословицей, их породившей, вызывая у читателя так называемый «эффект узнавания» (термин В.М. Мокиенко) и определённые ассоциации. С другой стороны, данные трансформации являются результатом актуализации, переосмысления, вызывают эффект неожиданности и несут дополнительную экспрессию (Сергиенко 2012). Воспринимая трансформированные паремии, мы противопоставляем их узувальным и выносим из этого противопоставления дополнительную информацию. «Паремии нового типа» (термин Т.Г. Никитиной) всегда преследуют конкретные стилистические цели, достижение определённого коммуникативного эффекта, актуализации паремии в условиях контекста.

Однако следует заметить, что «какими бы оригинальными и “неповторимыми” ни казались пословичные трансформы их создателям и “пользователям” – носителям языка, образование таких единиц подчинено определённым языковым законам, а механизмы трансформаций объяснимы и исчислимы» (Федорова 2007, 3). Многообразии трансформаций традиционных пословиц и поговорок можно свести к трём основным типам: 1) семантический (актуализация внутренней формы, частичная или полная буквализация переносного смысла исходной пословицы, изменение коммуникативного типа высказывания); 2) структурный (изменения в лексическом составе компонентов (замена, расширение), выходящих за пределы зоны нормального варьирования); и 3) структурно-семантический (контаминация, комбинированные структурно-семантические трансформации, в ходе которых формируется собственное прямое или переносное значение антипословицы, не обнаруживающее связи с семантикой узувальной паремии).

Трансформированные паремии присутствуют в речевой практике языковой личности как живые и активные единицы. Как отмечают многие исследователи, гораздо активнее используются те трансформированные структуры, которые возникают как реакция на перемены, происходящие в экономической, политической и духовной жизни нации (Х. Вальтер, В. Мидер, В.М. Мокиенко, Е.К. Николаева, Н.Н. Федорова). Наблюдается расширение сферы функционирования антипословиц от художественной литературы до политического дискурса. Свидетельством такой тенденции являются и мемуары Н.С. Хрущева «Воспоминания. Время. Люди. Власть», впервые увидевшие свет в 70-х годах прошлого века в США. В своих воспоминаниях советский лидер откровенно делится своими взгляда-

дами на мир, обсуждает пути его переустройства, рассказывает, как «делалась политика во времена Сталина и в период реформ 1953–1964 годов» (Хрущёв 2016а, 5). Речь автора насыщена традиционными пословицами, поговорками, фразеологизмами, изобилует афоризмами и крылатыми выражениями, включает и трансформированные паремии. В данной работе мы рассматриваем узуальные паремии и их трансформации в контекстуальных употреблениях, актуализированные Н.С. Хрущёвым в своих мемуарах.

Всего в тексте мемуаров нами было выявлено 20 трансформированных паремий, отражающих реалии из исторической, социально-политической и экономической сфер. Большая часть паремий относится к разговорно-стилистической зоне. Некоторые из них встречаются как в той форме, в которой они существуют в русском языке, так и в трансформированном виде.

Русская пословица *Не было бы счастья, да несчастье помогло* (РПП 1988, 207) относится к тематической группе «Счастье – Беда» (Котова 2000, 199). Пословица отражает наблюдение о том, что часто неудача может послужить причиной успеха. Паремия имеет пословичные соответствия в других языках: бел. *Не было б шчасця, ды няшчасце намагло* (является полной параллелью); укр. *Коли б не нещастя, не було б і щастя* (имеет сходство с русской паремией, т.е. является её приблизительным соответствием), а в таких языках, как болгарский, польский, сербский, словацкий и чешский существуют пословицы с другой образной основой (Котова 2000, 155). Обнаруживаются пословичные соответствия и в английском, немецком, французском, итальянском и испанском языках.

В приведённом ниже примере традиционная пословица *Не было бы счастья, да несчастье помогло* выступает в качестве авторского комментария относительно удачного стечения обстоятельств в сложных экономических условиях (решение проблемы с кадрами во время стройки московского метрополитена благодаря перебоям с добычей угля на Украине):

«<...> Не только люди эти не знали горного дела. А тут надо было вести горные работы в условиях подземной Москвы, в условиях московских грунтов, часть плавающих, очень насыщенных водой. <...> Поэтому я предложил пригласить горных инженеров. <...> Начали мы искать инженеров. Как говорится, *не было бы счастья, да несчастье помогло*. Произошла заминка с добычей угля в Донбассе (Хрущёв 2016а, 67).

По нашим представлениям, более интересной с точки зрения исследования является трансформированная пословица, актуализированная Н.С. Хрущёвым при описании событий Второй мировой войны (взятие Сталинграда советскими войсками). Антипословица *Не было бы счастья,*

да глупость Гитлера помогла является структурной трансформацией: имеет место лексическая замена одного из компонентов уже существующего в языке устойчивого выражения (обобщенного понятия «несчастье») фамилией конкретной исторической личности (Гитлер) и отрицательно-оценочной лексемой «глупость». На наш взгляд, актуализированная трансформа позволяет автору не только установить причинно-следственные связи произошедшего исторического события, но и выразить своё отношение к нему:

«<...> Но в результате директивы, которая была дана Гитлером и обрекала окруженные войска на бездействие, на ожидание помощи, противник упустил возможность прорыва. Если Паулюс, как он того хотел, ударил бы на юг, то он, безусловно, имел возможность прорваться. Удержать Паулюса мы бы не смогли. Однако, как говорится, не было бы счастья, да глупость Гитлера помогла» (Хрущёв 2016а, 335).

Анализ нашего материала позволил выявить и другие случаи структурных трансформаций, которые характеризуются заменой одного или нескольких компонентов. Одним из таких примеров является воспоминание Н.С. Хрущёвым обсуждения с В.М. Молотовым войны в Египте (1956 г.) и возможности президента Д.Д. Эйзенхауэра пойти на соглашение с СССР против англо-франко-израильского альянса. В качестве критики ведения международной политики, при которой одни говорят, убеждают, а другие не считаются с говорящим, продолжая делать свои предосудительные дела, автором приводится пословица – цитата *А Васька слушает, да ест* из басни И.А. Крылова «Кот и повар» (Мокиенко – Сидоренко 2018, 7):

«<...> – Безусловно, не пойдёт, – поддержал я его. – Но мы тогда сорвём маску с правительства Соединенных Штатов и с президента Эйзенхауэра. Они выступают в печати, осуждают нападение Франции, Англии и Израиля на Египет. А, как говорится, *«Васька слушает, да ест»*» (Хрущёв 2016б, 343).

Однако, описывая события 1962 года на Кубе (Карибский кризис), Н.С. Хрущёв трансформирует традиционную паремию. Автор критикует политику США в их нежелании услышать доводы СССР в поддержку революционной Кубы. По его мнению, США ведут себя подобно коту из известной басни, который, «невзирая на критику, продолжает свою линию поведения спокойно и невозмутимо» (Котова 2000, 27). Таким образом, добавив прилагательное «американский», он напрямую указывает на того, о ком идёт речь, иными словами, происходит конкретизация исходной пословицы:

«<...> После тысячи строгих предупреждений, которые они [китайцы. – Е.К.] сделали американцам, как говорится, *американский Васька слушает, да ест* (Хрущёв 2016б, 656).

Цепочка проявлений структурной трансформации исходных паремий может быть продолжена примером актуализации поговорки *стричь под одну гребёнку* (Мокиенко, Никитина 2008, 161):

!<...> Не думаю, что то, что я скажу, – обязательно истина. Нет, истину будет находить каждый, сопоставляя разные точки зрения по тому или другому вопросу в то или другое время. <...> Глуп тот, кто хотел бы всё *подстричь под одну гребёнку*, а всё, что не подходит под неё, всё это объявить ересью, глупостью, а может быть, даже преступлением. Пусть судит сама история, пусть судит народ (Хрущёв 2016а, 20).

«<...> К тому времени свершилось образование ОАР [Объединенной Арабской Республики. – Е.К.]. Сирия попала под руководство Насера, демократические условия в ней были ликвидированы. Сирию стали *стричь под египетскую социально-политическую «гребёнку»*. Мы, конечно, не поддерживали этого, выступали против» (Хрущёв, 2016б, 349).

Отметим, что в образ узуального фразеологизма «вкраплена антитеза, т.е. контрастное противопоставление понятий *всех под одну гребёнку*. Компонент *одна* имеет дополнительное символическое значение одинаковости людей в *одних* единых для *всех* условиях. В сочетании с предлогом “под”, который имеет значение измерения какого-л. положения или состояния, фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т.е. меры полного уравнивания людей, лишения их личностных особенностей и индивидуальных различий» (БФСРЯ 2014, 679). Возводят этот оборот «к обыкновению овцеводов стричь грубую и тонкую овечью шерсть тем же гребнем. <...> Предполагается и другое объяснение, связанное с практикой средневековых банщиков, которые якобы *причёсывали* своих клиентов “*под одну гребёнку*”» (Мелерович – Мокиенко 2001, 179). Сходные образные выражения есть и в европейских языках: ит. *fare di ogni erba un fascio*; исп. *hacer de toda hierba un fardo*; нем. *alles über einen kamm scheren*; англ. *to throw everything pell-mell* (МССФ 2012, 135).

Как можно видеть, в первом случае Н.С. Хрущёвым приводится традиционная поговорка *стричь под одну гребёнку*, которая позволяет автору выразить своё неодобрительное отношение к тем читателям, которые необоснованно и однобоко будут оценивать события, описанные в воспоминаниях. Второй пример иллюстрирует авторскую трансформацию классической поговорки, когда происходит конкретизация значения исходной паремии до единичной ситуативной привязки при описании развития событий, связанных с образованием ОАР. Имеет место замена числового компонента «одну» на уточняющие адъективные компоненты «египетский» и «социально-политический». Очевиден и негативно-

оценочный характер актуализированного трансформа.

Общеизвестно, что крылатая пушкинская фраза из «Медного всадника» *в Европу прорубить окно* характеризует основание Петром I Санкт-Петербурга, первого морского порта русского государства. «В примечаниях к поэме Пушкин указал, что выражение *окно в Европу* восходит к “Письмам о России” итальянского писателя Альгаротти (1712–1764): “Peterburg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde continuellement l'Europe” (“Петербург – окно, через которое Россия постоянно смотрит в Европу”). А.С. Пушкин преобразовал и индивидуализировал афоризм Альгаротти, включив его в речь Петра I и предав ему яркий национальный колорит» (Бирих 2005, 495). Выражение распространено в качестве метафоры европейской интеграции с участием России, экономического или культурного обмена между Россией и остальной Европой. Трансформированная поговорка *прорубить окно в Россию* выбирается в соответствии с конкретной ситуацией, описанной в мемуарах, с целью сделать особый акцент на заинтересованность со стороны «новой Германии» в торговом сотрудничестве с Советским Союзом:

«<...> Капиталистические воротилы ГФР, видимо, оказали нажим на своё правительство, ибо им нужно было *«прорубить окно» в Россию*. Германия извлекала ранее большие выгоды от торговли, как со старой Россией, так и с СССР (Хрущёв 2016б, 422).

Заметим, что нами был выявлен лишь единичный случай употребления структурной трансформации поговорки, связанной с расширением компонентного состава за счёт одной лексемы. При описании политической ситуации в Бирме автором актуализируется трансформ, продолжающий положительно-оценочную семантику узуальной поговорки *быть в седле* (Мокиенко, Никитина 2008, 604). Н.С. Хрущёв добавляет прилагательное «правительственное», тем самым подчёркивая высокое положение политического лидера У Ну:

«<...> В Бирме главное вероисповедание – буддизм, люди сильно привержены этой вере, поэтому У Ну чувствовал себя довольно крепко *в правительственном седле*» (Хрущёв 2016б, 297).

Особое место в речевой практике Н.С. Хрущёва занимают библеизмы, под которыми мы, вслед за В.М. Мокиенко, понимаем «лексические, фразеологические и афористические единицы разного типа, вошедшие в русский язык из Библии или возникшие на её основе» (Мокиенко 2017б, 5). Так, поговорка *Не хлебом единым жив человек* старославянского происхождения и восходит к Библии. В ней подчёркивается необходимость заботиться об удовлетворении не только материальных, но и духовных потребностей. Пословица известна многим народам, как славянским, так и неславянским: бел. *Не хлебом адзіным жыве чалавек*; ит. *Non si vive di solo pane*; фр. *L'homme ne vit pas que de*

pain; англ. *Man does not live by bread alone*; нем. *Der Mensch lebt nicht von Brot allein* (МССФ 2012, 230).

Любопытно отметить, что в обоих авторских употреблениях паремия трансформируется: в первом случае сохраняется форма законченного предложения, но делается акцент не на значимость духовных потребностей, а на более широкий ассортимент продуктов питания в магазинах (т.е. имеет место семантическая трансформация). Во втором тексте наряду с изменением содержания пословицы происходит и её структурная трансформация (сокращение компонентного состава). Паремия воспроизводится в форме устойчивого фразеологического словосочетания и становится частью предложения, репрезентирующего авторское умозаключение о необходимости создания оранжерей и выращивания цветов в России:

«<...> В столичных магазинах достаточно только хлеба. Но ведь *не хлебом единым жив человек*, и не только в духовном смысле. *Сухая ложка рот дерёт*. Хлеб без приварка превращается в насмешку, когда нет нужного ассортимента продуктов (Хрущёв 2016а, 740).

«<...> Можем ли мы сейчас полностью удовлетворять запросы людей? Я считаю, можем. <...> Вопросы удовлетворения сполна запросов человека очень важны. *Жизнь крашется не хлебом единым* (Хрущёв 2016а, 784–785).

Наш материал показывает, что одной из отличительных особенностей трансформации паремий в тексте мемуаров Н.С. Хрущева является их превращение в свободное сочетание слов. В этом случае паремии теряют свою ритмическую организацию, лишившись тем самым одного из признаков структурной организации пословицы, однако, приобретают, безусловно, индивидуальную окраску, что позволяет отнести данные трансформированные единицы к индивидуальному языковому творчеству. Специального внимания заслуживает создание Н.С. Хрущёвым паремиологически насыщенного контекста посредством актуализации сразу двух трансформированных паремий: библейской пословицы *Что посеешь, то и пожнёшь* (Мокиенко 2017б, 151) и антипословицы *От плохих родителей нельзя ожидать хорошего семени*:

«Чтобы отбирать лучшее зерно на посев, американцы создали механизированные предприятия. Они получают от фермера зерно и хранят. Потом фермерам продаётся зерно с гарантией: определённых сортов, скорости всхожести и других качеств, которые необходимо знать хорошему хозяину, занимающемуся возделыванием кукурузы. У нас на Украине кукурузу сеют, не сортируя. *А что посеешь, то и пожнешь*. *От плохих родителей нельзя ожидать хорошего племени* (Хрущёв 2016б, 515).

Традиционная пословица *Что посеешь, то и пожнёшь* выражает

мысль о том, что за свои проступки и неблагоприятные действия приходится расплачиваться. Паремия известна многим славянским и европейским языкам в разных вариантах благодаря её библейскому источнику (ЛБМ 2019, 30 – 34). Её связывают с изречением Соломона: «*Сеющий неправду пожнет беду*» (Притч 22: 8) и соответствующим местом Послания Павла к Галатам: «*Что посеет человек, то и пожнет: сеющий плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную. Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем*» (Гал 6: 6 – 10). <...> В России пословица известна издавна, зафиксирована с XVII в. (Мокиенко 2017б, 152). Её популярности в русском языке способствовало употребление в басне И.А. Крылова «Волк и кот» (Мокиенко – Сидоренко 2018, 560).

Паремией-прототипом для трансформированной пословицы *От плохих родителей нельзя ожидать хорошего племени* является рифмованная русская пословица *От худого (плохого) семени не жди доброго племени* (Мокиенко, Никитина 2010, 800). По-видимому, можно сказать, что пословичный трансформ, образованный за счёт полной буквализации переносного значения классической паремии *Что посеешь, то и пожнёшь*, выполняет функцию актуализатора-утверждения, а доказательством-пояснением авторской позиции служит антипословица *От плохих родителей нельзя ожидать хорошего племени*, образованная путем структурно-семантического преобразования.

Общепризнано, что пословица является одним из аргументирующих средств языка. Представляется, что следующий пример наглядно демонстрирует убедительный характер авторской позиции, выраженной посредством трансформированной паремии:

«<...> Действительно, в скором времени мы получили от китайцев согласие на передачу нам ракеты. Её передали нашим советникам для передачи в Москву. Тут проявилась со стороны Пекина какая-то неразумная игра в секретность. Она, конечно, наложила некий отпечаток на наши отношения. Я бы сказал, что это подействовало на нас отрезвляюще: *брат братом, а денежки*, как гласит русская пословица, *врозь!* (Хрущёв 2016б, 54).

Актуализированный трансформ *Брат братом, а денежки врозь* представляет собой контаминацию двух русских пословиц: *Дружба дружбой, а табачок врозь* и *Брат братом, сват сватом, а денежки не родня* (Мокиенко, Никитина 2010, 306). Любопытно, что эти известные паремии перекликаются по смыслу, делая акцент на то, что дружеские или родственные отношения «не должны мешать личным интересам, выполнению своих обязанностей и т.п.» (Мокиенко 2017а, 127). Они используются, как правило, в тех случаях, когда между людьми, считающими себя друзьями или объединённые общей деятельностью, возникают разногласия из-за несовпадения интересов, личных расчётов и часто говорятся с упрёком. Хотя пословица *Дружба дружбой, а табачок*

врозь специфично русская, в других славянских и неславянских языках можно найти близкие аналоги: укр. *Хоч ти брат і мій, табак кури свій*; болг. *Ако ми е брат, не ми е ортак на кесията!*; англ. *Friendship is friendship but tobacco is something else*. Все они отражают давнюю традицию у курящих делиться табаком. В случае его недостатка заядлый курильщик, как известно, может поделиться хлебом, но не «дьявольским зельем». Такие пословицы возникли в военной среде, где табак был частью обязательного рациона и символом настроения солдат. В гражданской среде предпочтительней были иные варианты, например, *Дружба – дружбой, а денежкам – счёт* (Мокиенко 2017а, 127). Примечательны, на наш взгляд, особенности бытования индивидуально-авторских структурных трансформов данной паремии, например, таких как *Дружба – дружбой, а нефть – врозь* и *Дружба – дружбой, а кормушка – врозь* (Мокиенко – Вальтер 2006, 93) в живой современной речи носителей языка.

Таким образом, паремии в силу их воспроизводимости, с одной стороны, и яркой образности и оценочности, – с другой, являются удобным и эффективным мемуарным языковым материалом. Многие пословичные изречения демонстрируют достаточно гармоничное сочетание стандартного, привычного и экспрессивного, выразительного. В мемуарном тексте Н.С. Хрущёвым используется богатый арсенал узуальных паремий и индивидуально-авторских преобразований пословиц и поговорок. Как правило, актуализированные трансформы отражают авторскую оценочную интерпретацию исторических и социально-политических событий. Как показывает анализ речевой практики советского деятеля, наиболее продуктивными являются структурные трансформации, когда при сохранении прежнего содержания происходит изменение лексического состава паремии, а именно замена одного компонента словом, не синонимичным исходному. Достаточно частотны и структурно-семантические преобразования. Следует отметить, что значение паремий в большинстве случаев при этом остаётся неизменным по сравнению с теми, компонентами которых являются традиционно-используемые лексемы. Наблюдаются единичные случаи расширения компонентного состава, семантических трансформаций и объединения паремий.

Сокращения

англ. – английский; цешинск. – из польских говоров цешинских; чешск. – чешский; датск. – датский; эст. – эстонский; франц. – французский; венг. – венгерский; верхнелужицк. – верхнелужицкий; исп. – испанский; итал. – итальянский; кашубск. – кашубский; каталонск. – каталонский; келецк. – келецкий; лат. – латинский; латышск. – латышский; нем. – немецкий; норв. – норвежский; общедиалектн. – общедиалектный; лит. – польский литературный язык; подгал. – подгальский; порт. – португальский; разг. – разговорный; рус. – русский; словацк. – словацкий; словенск. – словенский; силезск. – силезский; укр. – украинский.

греч. – греческий

др.-в.-невм. – древневерхненемецкий

др.-греч. – древнегреческий

др.-евр. – древнееврейский

каз.-тат. – казанско-татарский

лат. – латинский

о.-т. – общетюркский

поздн.-греч. – позднегреческий

ср.-греч. – среднегреческий

тюрк. – тюркский

узб. – узбекский

Литература

АЖНЮК 1989: Ажнюк Б.М. Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні. – Київ: Наукова думка, 1989. – 136 с.

АЛЕКСАНДРОВА 2001: Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. – Москва: Русский язык, 2001. – 568 с.

АЛЕКСЕЙЦЕВА 2009: Алексейцева Т.А. Примечания переводчика: за и против // Известия Российского государственного педагогического университета. – 2009. – № 99. – С. 117–121.

АН : Аргументы недели. Еженедельник. – СПб, 2019.

Ан. 1988: Аникин В. П. (ред. и сост.). Русские пословицы и поговорки. М., 1988. – 431 с.

АНГЛИЦИЗМЫ 2004: Вальтер Х., Вовк О., Зумп А., Конупкова Х., Кульпа А., Порос В. Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. Словарь-справочник. – Москва: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. – 415 с.

АНИЩЕНКО 2010: Анищенко О.А. Генезис и функционирование молодёжного социолекта в русском языке национального периода. – Москва: Флинта, Наука, 2010. – 280 с.

АУФС – Англо-український фразеологічний словник / Уклад. К.Т.Баранцев. – 2-е вид., випр. – Київ: Знання, КОО, 2005. – 1056 с.

АФОНЬКИН 1985: Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов / Под ред. В. Шаде. – Moskau: Русский язык. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1985. – 286 с.

АФОНЬКИН 2003: Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. – Москва: Русский язык Медиа, 2003. – 344 с.

АХМАНОВА 1966: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

АШУКИНЫ 1966: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – 3-е изд. испр. и доп. – Москва: Художественная литература, 1966. – 824 с.

БАРТ: Барт Карл. Иисус, человек для другого человека [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apocalypticism.ru/Karl-Bart-Jesus-as-Man.htm>

БАС 2009: Большой академический словарь русского языка. В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. – Т. 12. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 654 с.

БЕЛОШЕВИЋ 2015: Белошевић Милена. Фразеологизми немачког порекла у савременом српском језику. – Београд: Задужбина Андрејевић, 2015. – 77 с.

БЕРКОВ – МОКИЕНКО – ШУЛЕЖКОВА 2000: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – Москва: Русские словари. ООО Издательство Астрель. ООО Издательство АСТ, 2000. – 624 с. Ср. также; БМШ 2008.

БЕРКОВ – МОКИЕНКО – ШУЛЕЖКОВА 2014: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед. В 2-х т. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2014. – Т. 1. А-М. – 658 с.

БЕРТЕМЕТ 2010: Бертемет Е. Сравнительный анализ словарей на примере русских фразеологических единиц и их английских, немецких и французских эквивалентов // А. Грэнн и О. Клонова (ред.) Русский язык в контрастивном аспекте, Oslo Studies in Language, 2010 – 2(3). – С. 605-617.

БИРИХ 2000: Бирих А.К. Из истории русской идиоматики // Слово во времени и пространстве. – Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 2000. – С. 24 – 37.

БИРИХ 2018: Бирих А. Немецкие фразеологические заимствования в русском языке // Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress. Ред. S. Kempgen, M. Wingender, U. Ludger. – Wiesbaden: Sonderdruck, Harrassowitz Verlag 2018. – S. 57–67.

БИРИХ – ВОЛКОВ – НИКИТИНА 1993: Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г. Словарь русской фразеологической терминологии (под ред. В.М. Мокиенко). – München: Verlag Otto Sagner 1993. – 136 с.

БИРИХ – МОКИЕНКО – СТЕПАНОВА 1994: Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. История и этимология русских фразеологизмов (Библиографический указатель 1825–1994). Hsgeb. von Alexander Bierich. (= Specimina Philologiae Slavicae. Supplementband 36). – München: Verlag Otto Sagner, 1994. – 273 с.

БИРИХ – МОКИЕНКО – СТЕПАНОВА 1998: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

БИРИХ – МОКИЕНКО – СТЕПАНОВА 2005: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина. Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Астрель. АСТ. Люкс, 2005. – 926. [2] с.

БИРИХ – МОКИЕНКО – СТЕПАНОВА 2007: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.

БМШ 2008: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.: Большой словарь крылатых слов русского языка. – Москва: Русские словари, Астрел, Аст, 2000. – 623 с. Ср, также: БЕРКОВ – МОКИЕНКО – ШУЛЕЖКОВА 2000.

БОГДАНОВА 2008: Богданова Л.И. Иноязычное слово в контексте русской культуры: когнитивный аспект // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 4. – С. 11 – 17.

БОГОРОДСКИЙ 1969: Богородский Б.Л. К истории фразеологизма «бросать (бросить) якорь» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. XXIV. – Ленинград: Изд-во Наука, 1969. – С. 331–340

БОГОРОДСКИЙ – ГУЛЯКОВА – МОКИЕНКО 1994: Богородский Б.Л., Гулякова И.Г., Мокиенко В.М. Из истории бурлацкой фразеологии (дело – табак) // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии. – Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 1994. – С. 16–18.

БРАФС – Лубенская С.И.: Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е рус. изд. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. – 1056 с.

БРУНС 2017: Брунс Т. Сколько властей существует в государстве? О развитии одного фразеологизма в русском и немецком языках. / Die slawische Phraseologie in den modernen Massenkommunikationsmitteln (Publizistischer Diskurs). Kollektivmonografie. Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс). Коллективная монография / Ред. Харри Вальтер, Валерий М. Мокиенко, Желька Финк. – Грайфсвальд – Санкт-Петербург – Загреб: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2017. – С. 63–71.

БСУ – Багнюк А.Л. Символы українства. – Тернопіль: Новий колір, 2008. – 828 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.

БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).

ВАЛЬТЕР – МОКИЕНКО 2002: Вальтер Х., Мокиенко В. М. Новая языковая жизнь древнейшей профессии // Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию М.А. Алексеенко. – Москва: Азбуковник, 2002. – С. 79–107.

ВАЛЬТЕР – МОКИЕНКО 2005: Антипословицы русского народа. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева», 2005. – 576 с.

ВАЛЬТЕР – МОКИЕНКО 2008: Вальтер Х., Мокиенко В.М. От «А» до «Zwickmühle». Историко-этимологические комментарии к немецкой

фразеологии. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Institut für Fremdsprachenphilologien, 2008. – 117 S.

ВАЛЬТЕР – МОКИЕНКО 2010: Вальтер Х., Мокиенко В.М. Проблемы составления двуязычных и многоязычных словарей пословиц // IV Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва, МГУ. 20-23 марта 2010 г. Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – Москва: Изд. Моск. ун-та., 2010. – С. 738–739.

ВАЛЬТЕР – МОКИЕНКО – КОМОРОВСКА – КУСАЛЬ 2014: Вальтер Х., Мокиенко В.М., Коморовска Е., Кусаль К. Русско-Немецко-Польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Russisch-Deutsch-Polnisches Wörterbuch aktiver Sprichwörter (mit fremdsprachigen Äquivalenten und historisch-kulturellen Kommentaren). Greifswald–Szczecin: VOLUMINA. Szczecin 2014 – 433 с.

ВАРТАНЬЯН 1963: Вартаньян Э.А. Из жизни слов. – Москва: Детгиз, 1963. – 319 с.

ВАСИЛЕНКО 2010: Василенко А.П. Перевод русских образных фразеологизмов на французский язык (к вопросу о составлении русско-французского фразеологического словаря) // Вестник ИГЛУ. – № 1. – 2010. – С. 18-24.

ВИНОГРАДОВ 1999: Виноградов В.В. История слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва: Русский язык, 1999. – 1138 с.

ВОЛОДАРСКАЯ 2002: Володарская Э.Р. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. – № 4. – С. 96–118.

ВУКИЋЕВИЋ 2016: Вукићевић Д. Библиографија српских речника. – Београд: Народна библиотека Србије, 2016. – 322 с.

ГОЛОВИЋ 2010: Головић Бранко Б. Фразеолошки српско-италијанско-француски речник. – Београд: Албатрос Плус, 2010. – 324 с.

ГОРЬКИЙ: Горький М. Жизнь Клим Самгина (сорок лет) // Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения в двадцати пяти томах. – Москва: Наука, т. 21—24, 1974—1975.

ДАЛЬ 1880: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Санкт-Петербург / Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. – Т. I: А–З. – 699 с.; Т. IV: Р – V. – 683 с.

ДАЛЬ 2000: Даль В. Пословицы русского народа. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 616 с.

ДЕВКИН 1994: Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. – Москва: Русский язык, 1994. – 255 с.

ДМИТРИЕВА – КУНЦЕВИЧ – МАРТИНКЕВИЧ – СМИРНОВА 2005: Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е., Мартинкевич Е.А., Смирнова Н.Ф. Английский для студентов. Курс перевода. – Ростов-на-Дону: МарТ, 2005. – 304 с.

ДОБРОДОМОВ 1997: Добродомов И.Г. Калька // Русский язык: Энциклопедия. – Москва: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», Издательский дом «Дрофа», 1997. – С. 175–176.

ДОРОДНЕВА – ЕРМАКОВА 2013: Дороднева Н.В., Ермакова Е.Н. Лингвокультурологические свойства фразеологизмов с компонентом-именем собственным (на материале русского и английского языков) // Вестник ЧГПУ. Филология и искусствоведение, 2013. – № 1. – С. 236 – 246.

ДРУГОВЕЙКО – ДОЛЖАНСКАЯ – ЧЕРДАКОВ (ред.) 2014: Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – 584 с.

ДЬЯКОВ 2003: Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск: Новосибирский институт экономики, психологии и права, 2003. – С. 35–43.

ДЯДЕЧКО 2001: Дядечко 2001–2003: Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря). Учебное пособие для студентов гуманитар. специальностей вузов. – Ч. 1: А–Г. – Киев: Комп'ютерпрес, 2001. – 145 с.; Ч. 2: Д–Л. – Киев: Комп'ютерпрес, 2001. – 199 с.; Ч. 3: М–Р. – Киев: Комп'ютерпрес, 2002. – 232 с.; Ч. 4: С–Я. – Киев: Комп'ютерпрес, 2003. – 213 с.

ЕФРЕМОВ 1961: Ефремов Л.П. Лексическое и фразеологическое калькирование // Труды Самаркандского университета им. Алишера Навои. Новая серия. – Вып. 106: Вопросы фразеологии. – 1961. – С. 117-124.

ЗАБУЖКО 1999: Забужко О. Хроніки від Фортінбраса. – Київ: Факт, 1999.

ЗАБУЖКО 2000: Забужко О.С. Подорожуємо Інтернетом. – Львів: Новий світ, 2000. – 115 с.

ЗАЙМОВСКИЙ 1930: Займовский С.Г. Крылатые слова: справочник цитаты и

афоризма. – Москва–Ленинград: Госиздат, 1930. – 492 с.

ЗАЛИЗНЯК – ЛЕВОНТИНА – ШМЕЛЕВ 2005: Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

ЗАЛИЗНЯК – МИКАЭЛЯН 2016: Зализняк А.А., Микаэлян И.Л. К вопросу об аспектуальном статусе конативных пар в русском языке: почему *‘искать’* не может означать *‘найти’*? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). – Вып. 15 (22). – Москва: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 853-863.

ЗАХАРЕНКО – КРАСНЫХ – ГУДКОВ – БАГАЕВА 1997: Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. – Москва: Изд-во Диалог-МГУ, 1997. – С. 82-103.

ЗЫКОВА – МОКИЕНКО 2005: Зыкова, Зыкова Е.И., Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке: Краткий словарь-справочник. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005. – 352 с.

ЗЫКОВА 2009: Зыкова И.В. Культура vs культуры в аспекте глобализации и индивидуализации интеллектуального опыта // Вопросы культурологии. 2009. – №6. – С. 4–7.

ІВЧЕНКО 1998: Івченко А.О. Історія та етимологія української фразеології: Бібліографічний покажчик (1864-1998). – Харків: Харк. іст.-філол. т-во, 1998. – 160 с.

КАНТ 1965: Кант Иммануил. Основы метафизики нравственности. Сочинения в 6 томах. – Т. 4. – Ч. 1. – Москва: Мысль, 1965. – 544 с.

КАСПШИК-ШЕВИРО: Каспшик-Шевиро М. 10 самых популярных польских мясных блюд [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://culture.pl/ru/article/10-samyh-populyarnyh-polskih-myasnyh-blyud>

КИРСАНОВА 2007: Толковый словарь крылатых слов и выражений / Автор-составитель А. Кирсанова. – Москва: Мартин, 2007. – 320 с.

КОВШОВА 2014: Ковшова М.Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура.– 2014. – № 4 (38). – С. 115–120.

КОЖЕВНИКОВ 2001: Кожевников А.Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева»; Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 831 с.

КОЛЕСОВ – КОЛЕСОВА – ХАРИТОНОВ 2014: Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. – Т. 1. А-О. – 592 с.

КОНОНЕНКО 1996: Кононенко В.І. Символи української мови. – Івано-Франківськ: Плай, 1996. – 272 с.

КОРОЛЬКОВА – ЛОМОВ – ТИХОНОВ 2004: Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей. – Москва: Русский язык Медиа, 2004. – 665 с.

КОТОВА 2000: Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П.А. Дмитриева. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.

КП: Комсомольская правда. Российская ежедневная газета. – Санкт-Петербург, 2017, № 15.

КРАСНЫХ 1997: Красных В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. – Москва: Изд-во Диалог-МГУ, 1997. – С. 5–12.

Краткий словарь жаргонной лексики украинского языка (на укр. языке). Содержит более 3200 слов и 650 устойчивых словосочетаний / Авт.-сост. Л. Ставицкая. – Киев: Критика, 2003. – 336 с. – КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-slovar-zhargonnoy-leksiki-ukrainskogo-yazyka-na-ukr-yazyke-avt-sost-l-stavitskaya-kiiev-kritika-2003>

КРЫСИН 2002: Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27 – 34.

КРЫСИН 2004: Крысин Л.П. Русское слово: свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

КРЫСИН 2006: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – Москва: Эксмо, 2006. – 944 с.

КУЗНЕЦОВА – ЮЛДАШОВА 2019: Кузнецова И.В., Юлдашова Н.Р. Анималистическая фразеология в русском, украинском и туркменском языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2019. – № 3(103). – С. 104–111.

КУРГАНОВ 1769: Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку. С семью присовокуплениями разных учебных и полезноразвлекательных вещей. – Санкт-Петербург: Тип. Морск. кад. корпуса, 1769. – 424 с.

КУРОХТИНА 2010: Курохтина Т.Н. Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2010. – 23 с.

ЛАВРИНЕНКО 2010: Лавриненко В.А. Ассимиляция фразеологических ксенизмов-галлицизмов в русском языке // Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки. Специальный выпуск. – 2010. – № 2. – С. 33 – 40.

ЛБМ 2019: Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. – Т. 2: П – Я. Авт.-сост.: З.К. Адамия [и др.]. Под общ. ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – 308 с.

ЛЕЦ 2008: Лец С.Е. Почти все. Перевод с польского Владимира Россельса и Евгения Фридмана. – Екатеринбург: У-Фактория; Москва: АСТ МОСКВА, 2008.– 922 с.

ЛЕЦ 2011: Лец С.Е. Непричёсанные мысли. Перевод с польского Е.В. Смирновой. – Москва: РИПОЛ классик, 2011. – 319 с.

ЛЕЦ 2015: Лец С.Е. Непричёсанные мысли. Фрашки. Маленькие мифы. Перевод с польского Максима Малькова. – Санкт-Петербург, 2015 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yadi.sk/i/4Aab0lZqhL2Qe>

ЛИЛИЧ – МОКИЕНКО – ТРОФИМКИНА 2008: Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Трофимкина О.И. Большой словарь русских библеизмов. – Москва: Астрель, 2008. – 543 с.

МАКСИМОВ 1891: Максимов 1891; 1955: Максимов С.В. Крылатые слова. – СПб, 1891. – 2-е изд. – Москва: ГИХЛ, 1955. – 447 с.

МАКСИМОВ 1995: Максимов С.В. Крылатые слова. – Москва: ЭКСМО, 1995; 2003. – 384 с.

МАЛЬЦЕВА 2013: Мальцева О.А. История и миф в поэме Б. Пастернака «Девятьсот пятый год» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 10 (301). Филология. Искусствоведение. – С. 58–62.

МАРГУЛИС: Маргулис Ж. А. Джером К. Джером в России [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://md-eksperiment.org/post/20180112-dzherom-k-dzherom-v-rossii>

МАСЕНКО 2004: Масенко Л.Т. Мова і суспільство: постколоніальний вимір / Ред. О. Воронін. – Київ: Вид. дім «КМ Академія», 2004. – 162 с.

МЕЛЕРОВИЧ 2008: Мелерович А.М. Соотношение фразеологических моделей с когнитивными структурами в системе языка и речи // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). – Москва: Элпис, 2008. – С. 29 – 34.

МЕЛЕРОВИЧ – МОКИЕНКО 1997: Мелорович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – Москва: Русские словари, 1997. – 864 с.

МИЛОСЛАВЉЕВИЋ 2007: Милослављевић Бошко. Енглеско-српски фразеолошки речник. – Београд: Завод за уџбенике, 2007. – 520 с.

МИХЕЛЬСОН 1902–1903: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. – Санкт-Петербург: Т. 1, 1902. – 779 с. Т. 2, 1903. – 580+250 с.

МИХЕЛЬСОН 1994: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В.М. Мокиенко. – Москва: Русские словари, 1994. – Т. 1 – 779 с.; Т. 2. – 580+250 с.

МОКИЕНКО – ВАЛЬТЕР 2006: Мокиенко В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и афоризмы). – Санкт-Петербург: Издательский Дом «Нева», 2006. – 384 с.

МОКИЕНКО – НИКИТИНА – НИКОЛАЕВА 2010: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Под общ. ред. В.М. Мокиенко. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

МОКИЕНКО – НИКИТИНА 2008: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.

МОКИЕНКО – СИДОРЕНКО 2018: Мокиенко В.М., Сидоренко, К.П.: Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ 2018. – 796 с.

МОКИЕНКО 1980: Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – Москва: Высшая школа 1980. – 206 с.

МОКИЕНКО 1982: Мокиенко В.М. К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 364-369.

МОКИЕНКО 1989: Мокиенко В.М. Славянская фразеология. 2-е изд. – Москва: Высшая школа, 1989. – 287 с.

МОКИЕНКО 2000: Мокиенко В.М. Украинская фразеология (resp. паремнология) и русская картина мира // Słowo. Tekst. Czas. Materiały IV Międzynarodowej konferencji naukowej (Szczecin 21–22 października 1999 r.). Pod redakcją Michała Aleksiejenki. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, Instytut filologii słowiańskiej, 2000. – С. 25-33.

МОКИЕНКО 2001: Мокиенко В.М. Украинские источники русского жаргона // Українське і слов'янське мовознавство. На честь 80-річчя проф. Й. Дзензелівського. – Ужгород: Ужгород. нац. ун-т, 2001. – С. 365–375.

МОКИЕНКО 2005: Мокиенко В.М.: Загадки русской фразеологии. – 2-е изд. перераб. – Санкт-Петербург: Авалон, Азбука-классика, 2005. – 256 с.

МОКИЕНКО 2006: Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя. Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. – Санкт-Петербург: Норинт, 2006. – 512 с.

МОКИЕНКО 2007: Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – Санкт-Петербург: Авалон, Азбука-класика, 2007. – 256 с.

МОКИЕНКО 2009: Мокиенко В.М. Фразеологические кальки в славянских языках // Slavica Wratislaviensia, 2009. – № 150. – С. 167 – 181.

МОКИЕНКО 2017а: Мокиенко В.М. Давайте правильно говорить по-русски! Пословицы: как их правильно понимать и употреблять, толкование, происхождение, иноязычные соответствия. – Москва: Центрполиграф, 2017. – 316 с.

МОКИЕНКО 2017б: Мокиенко В.М. Библизмы в современной русской речи: как их правильно понимать и употреблять. – Москва: Центрполиграф, 2017. – 237 с.

МОКИЕНКО 2017в: Мокиенко В.М. О фразеологическом уровне языковой системы // Вестник Кыргызско-Российского славянского ун-та. – 2017. – Том 17. – № 9. – С. 146–151.

МОКИЕНКО 2018: Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie. Valerij Michailovič Mokienko. Hrsg. V. Wolfgang Mieder und Harry Walter. – Burlington, Greifswald 2018. – 308 S.

МОКИЕНКО – НИКОЛАЕВА 2002: Мокиенко В.М., Николаева Е.К. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира // Rossica Olomucensia. XL (za rok 2001). – 1. část. – Olomouc, 2002. – S. 17–34.

МОРОЗОВА 2009: Морозова И.Г. Распространение англоязычных заимствований как следствие активного взаимодействия современных языков в условиях глобализации // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – Т. 2. – № 168. – С. 114–117. Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2011/05/27/.pdf>

МРШЕВИЋ 1982: Мршевић Драгана. Фразеолошка јединица и њен синтаксичко-семантички динамизам // Научни састанак слависта у Вукове дане. Реферати и саопштења, 11/2. – Београд, 1982. – С. 87–92.

МРШЕВИЋ 1984: Мршевић Драгана. Етимологија фразеолошке јединице и лексикографска пракса // Лексикологија и лексикографија: зборник радова. –

Нови Сад: Матица Српска – Београд: Институт за српскохрватски језик, 1984. – С. 103–108.

МССФ: Многоязычный словарь современной фразеологии / Под ред. Д. Пуччо. – Москва: ФЛИНТА 2012. – 432 с.

НАДЕЛЬ-ЧЕРВИНСКАЯ 2011: Надель-Червинская М. Личные имена русской паремиологии. Лингвокультурологический словарь. – Тернополь: Крок, 2011. – 260 с.

НАУМОВА 2012: Наумова И.О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики). – Харьков: ХНАГХ, 2012. – 214 с.

НИКИТИН 2010: Никитин Д.С. Структурно-функциональные особенности иноязычных заимствований в тексте современной газеты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2010. – 22 с. Режим доступа: <http://inf.yvspu.org/documents-open/dis/550/auto.pdf>;

НИКОЛАЕВ 2008: Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. – Санкт-Петербург: Нестор-История 2008. – 248 с.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка // <http://ruskorpora.ru>

ПАВЛОВСКАЯ 2003: Павловская А. Особенности национального характера, или Зачем немцы моют улицы с мылом // Вокруг света. – 2003. – № 10. – С. 92–110.

ПАДУЧЕВА 2003: Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии. Доклады международной конференции Диалог 2003 // <http://www.dialog-21.ru/media/2674/paducheva.pdf> [электронный ресурс] 30.06.19.

ПАНЧЕНКО 1973: Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. – Ленинград: Наука (Ленинградское отделение), 1973. – 281 с.

ПОЛОЗОВА 2008: Полозова С.В. Иноязычные заимствования как источник пополнения лексико-фразеологического состава современных русских жаргонов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 83 – 87.

ПОЛЯКОВ 2013: Поляков Ю.М. Бахрома жизни. Москва: АСТ, 2013. – 412 с.

ПОНОМАРИВ 2001: Пономарів О.Д.: Культура слова: мовностилістичні поради. – Київ: Либідь, 2001. – 240 с.

ПОРУС 2018: Порус В.Н. Тайна Климса Самгина // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 4. – С. 257–264.

ПРИВАЛОВА 2005: Привалова И.В.: Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – Москва: Гнозис, 2005. – 472 с.

ПРИХОДЬКО 2008: Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.

РАЙХШТЕЙН 1980: Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – Москва: Высшая школа, 1980. – 143 с.

РПИ 1988: Русские пословицы и поговорки / Отв. ред. В. Аникин. – Москва: Художественная литература, 1988. – 431 с.

САЗОНОВА 1992: Сазонова Л.И. Апофегматы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1992, вып. 3 (XVII в.), ч. 1. А-З. – С. 94-98.

СЕЛИВЕРСТОВА 2016: Селиверстова Е.И. Ум в паремийных манифестациях прошлого и современности // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Коллективная монография. Отв. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – Грайфсвальд – Санкт-Петербург: 2016. – С. 206– 2013.

СЕРГИЕНКО 2012: Сергиенко О.С. О норме и вариативности в паремиологии // OPERA SLAVICA, XXII, 4, 2012. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/125597/2_OperaSlavica_22-2012-4_2.pdf?sequence=1

СЕРОВ 2003: Серов В. Крылатые слова: Энциклопедия. – Москва: Локид-Пресс, 2003. – 831 с.

СЕРОВ 2004: Серов В., Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей. – Москва: Локид-Пресс, 2004. – 880 с.

СЕРОВ 2005: СЕРОВ В.: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – Москва: Локид-Пресс, 2005. – 852 с.

СИМОНИ 1899: Симони Павел. Старинные сборники русских пословиц и поговорок и проч. XVII – XIX столетий, вып. I – II. – Санкт-Петербург : Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук 1899. – 216 с.

СКЛЯРЕВСКАЯ – ВАУЛИНА 2004: Скляревская Е.Ю., Ваулина Г.Н. Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. – Санкт-Петербург, Москва: Изд-во филол. фак-та Санкт-Петерб. гос. ун-та, Академия, 2004. – 215 с.

СОКОЛОВА 2009: Соколова М.И. Народная мудрость. Русские пословицы и поговорки. – Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2009. – 622 с.

СОЛОДУХО 2008: Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения. – Москва: ЛКИ, 2008. – 296 с.

Спир. 1985: Спирин А.С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. – Ростов-на-Дону, 1985. – 208 с.

СТАВИЦЬКА 2009: Ставицька Л.О. Короткий словник жаргонної лексики української мови. – Київ: Критика, 2009. – 334 с.

СФУМ – Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: В.М. Білоноженко та ін. – Київ: Наукова думка, 2003. – 1104 с.

ТАРАНЕНКО 2001: Тараненко О.О. Українська мова і сучасна мовна ситуація в Україні // Мовознавство. – 2001. – Вип. 4. – С. 3–19.

ТВЕРДОХЛЕБ 2016: Твердохлеб О.Г. Рифмовка личных имен собственных в русских пословицах (преднамеренность рифмовки, грамматические особенности и модели пословиц) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2016. – № 7-1 (160). – С. 67 – 71.

ТЕЛИЯ 1996: Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 285 с.

УЖЧЕНКО, В.Д., УЖЧЕНКО 2007: Ужченко В.Д., Ужченко, Д.В. Фразеологія сучасної української мови. – Київ: Знання, 2007. – 497 с.

УШАКОВ 1935: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. – Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. – 1562 стб.

УШАКОВ 2009: Ушаков Б.Ю. Семантика и функции лексических заимствований в современной русской прессе: Дис. ...канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2009. – 212 с.

ФАСМЕР 1971: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Москва: Прогресс, 1971. – Т. III: Муза – Сят. – 827 с.

ФАСМЕР 1986: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. О.Н. Трубачев. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.

ФАСМЕР 1987: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Москва: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.

ФЕДОРОВА 2002: Федорова Л.Л.: Образы «новорусской» речи (о содержании культурно-языковой компетенции читателя современной прессы) // Лингвисти-

ческий беспредел: сборник статей к 70-летию А.И. Кузнецовой. – Москва: МГУ им. Ломоносова, 2002. – С. 28-33.

ФЕДОРОВА 2007: Федорова Н.Н.: Современные трансформации русских пословиц. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2007. – 22 с.

ФЕЙ 2015: Фей Г. Имена собственные в русской и китайской фразеологии (магистерская работа). – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2015. – 76 с.

ФИНК 2010: Финк Ж. О хорватских и русских фразеологизмах с компонентами *letvica* и *планка* // И вновь продолжается бой. Сборник научных статей, посвященных юбилею д.ф.н., проф. С.Г. Шулежковой. Гл. ред. В.М. Мокиенко. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет», Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина СПбГУ, Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2010. – С. 258–262.

ФОСРЯ: Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Баранова А.Н., Вознесенская М.М., Добровольского Д.О. и др.; под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – Москва: Эксмо, 2009. – 704 с.

ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. А.Н. Тихонова. Справочное издание: В 2 т. – Москва: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

ХЛЕБДА: Хлебда В. Бытуют ли русском языке польские крылатые слова? Режим доступа:
https://www.liveinternet.ru/community/moja_polska/post188115836/

ХМЕЛЕВСКИЙ 2017: Хмелевский М.С. «Языковой портрет» современной Украины // *Komunikacja specjalistyczna*. – Vol. 13. – Warszawa, 2017. – С. 79 – 105.

ХРУЩЁВ 2016а: Хрущёв Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 кн. Кн. 1. – Москва: Вече, 2016. – 895 с.

ХРУЩЁВ 2016б: Хрущёв Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 кн. Кн. 2. – Москва: Вече, 2016. – 894, [1] с.

ЧЕРНЫХ 2009: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Москва: Русский язык, Медиа, Дрофа, 2009. – Т. 1: А – Пантомима. – 621 с.; Т. 2: Панцырь – Ящур. – 559 с.

ШАНГИНА 2003: Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. – 688 с.

ШАНСКИЙ 1985: Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – Москва: Высшая школа, 1985. – 160 с.

ШАПОШНИКОВ 2010: Шапошников А.К. Этимологический словарь русского языка. – Т. 2. – Москва: Флинта, Наука, 2010. — 576 с

ШКЛЯРОВ – ЭККЕРТ – ЭНГЕЛЬКЕ 1977: Шкляров В.Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. Около 800 фразеологизмов. – Москва: Русский язык, 1977. – 256 с.

ШОВГУН 2000: Шовгун Н.О. Формування українського сленгу в мовленевій діяльності малих соціальних груп. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Київ, 2000. – 27 с.

ШУЛЕЖКОВА 1993: Шулежкова С.Г. Крылатые выражения-советизмы на страницах русской печати 1980-х – начала 1990-х годов // Диалектические процессы во фразеологии. Тезисы докл. межвузовской научн. конф. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1993. – С. 150–151.

ШУЛЕЖКОВА 1993–1994, 1-4: Шулежкова С.Г. Романские и оперные крылатые выражения. Материалы к словарю "Крылатые выражения из области искусства". Выпуск 1. – Магнитогорск, 1993. – 93 с.; Песенные крылатые выражения (XVIII век – середина 40-х годов XX в.). Материалы к словарю "Крылатые выражения из области искусства". Выпуск 2. – Магнитогорск, 1993. – 155 с.; Крылатые выражения из песен 2-й половины 1940-х – начала 1990 гг. Материалы к словарю "Крылатые выражения из области искусства". Выпуск 3. – Челябинск: изд-во ЧГПИ Факел, 1994. – 132 с.; Крылатые выражения из области искусства. Материалы к словарю. Выпуск 4. – Челябинск: изд-во ЧГПИ Факел, 1994. – 163 с.

ШУЛЕЖКОВА 2003: Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений. – Москва: Азбуковник, Изд. «Русские словари», 2003. – 430 [2] с.

ADAM 2012: Adam R. Anglicizace češtiny a českého komunikačního prostoru // Hasil, J. (ed.), Přednášky z 55. běhu LŠSS, 2012. – S. 21–36.

ANIĆ 2003: Anić, Vladimir: Veliki rječnik hrvatskoga jezika. – Zagreb: Novi Liber 2003. – 1881 s.

ARTHABER 1900: Arthaber, Augusto. Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali italiani, latini, francesi, spagnoli, tedeschi, inglesi e greci antichi, con relativi indici sistematico-alfabetici. Supplemento ai dizionari delle principali lingue moderne ed antiche. – Milano: Urlico Hoepli 1900. – 926 s.

BIERICH 2005: Bierich Alexander. Russische Phraseologie des 18. Jahrhunderts. Entstehung, Semantik, Entwicklung. (= Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. Band 16. Hsg.: Baldur Panzer). – Frankfurt am Main-Berlin-Bern-Bruxelles-New York-Oxford-Wien: Peter Lang Verlag, 2005. – 326 S.

BOZDĚCHOVÁ 1997: Bozděchová I. Vliv angličtiny na češtinu // Daneš, F. a kol., Český jazyk na přelomu tisíciletí, 1997. – S. 271–279.

BREHMER 2009: Brehmer, Bernhard. Äquivalenzbeziehungen zwischen komparativen Phraseologismen im Serbischen und Deutschen. <http://www.suedslavistik-online.de/01/brehmer.pdf>. Режим доступа: 25.02.2019.

BÜCHMANN 2007: Büchmann 2007: Büchmann Georg. Der Neue Büchmann – Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz. Berlin: Ullstein, 2007. – 695 S.

Cambridge International Dictionary of Idioms. Ed. E. Walter. – Cambridge: Cambridge University Press 1998. – 587 s.

CEYNOWA 1866: Ceynowa Florian. Skôrb Kaszébsko-słowjnskjè mové. – Świecie: J. Hauffe 1866. – 228 s.

CHLEBDA – MOKIENKO – SZULEŻKOWA 2003: Chlebda W., Mokienko V. M., Szuleżkowa S. G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. – Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. – 706 s.

CINCIAŁA 1885: Cinciała Andrzej. Przysłowia, przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku, w księstwie Cieszyńskiem. – Cieszyn: Henryk Feitzinger 1885. – 45 s.

DEMBOWSKI 1894: Dembowski Bronisław. Słownik gwary podhalskiej. „Sprawozdania Komisji Językowej Akademii Umiejętności” 5, 1894. – S. 339–444.

DOBROVOL'SKIJ 1992: Dobrovol'skij D. Phraseologie und sprachliches Weltbild (Vorarbeiten zum Thesaurus der deutschen Idiomatik) // Földes, Cs. (ed.). Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. – Wien, 1992. – S. 171-195.

DUDEN Bd. 12: Duden Bd. 12: DUDEN. Zitate und Aussprüche. Herkunft und aktueller Gebrauch. Rund 7.500 Zitate von der Antike bis zur modernen Werbesprache. 2., neu bearb. u. aktualis. Aufl. Hrsg. v.d. Dudenredaktion. – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag, 2002. – 959 S.

DZR 2007: DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen. Hrsg. v. d. Dudenredaktion. 2., überarb. und aktualisierte Aufl. Hrsg. v.d. Dudenredaktion. – Mannheim: Dudenverlag, 2007. – 895 S.

ECKERT – GÜNTER: Eckert Reiner, Günter Kurt. Phraseologie der russischen Sprache. Langenscheidt. Verlag Enzyklopädie. Leipzig –Berlin-München-Wien-Zürich-New-York 1992. – 176 S .

EISMANN 1999: Eismann Wolfgang. Phraseologie // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Hrg. von Helmut Jachnow. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 1999. - S. 321-366.

FAKT – Słownik dla babci i dziadka. Wasz wnuczek jest na prosiu. Nie da się disować. [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fakt.pl/wydarzenia/polska/fakt-pomaga-zrozumiec-babciom-i-dziadkom-mlodziejowy-slang/kvmeh12>.

FINK 2010: Fink Željka. Što se gura pod tepih i zašto? (kulturološka i sociolingvistička analiza hrvatskog i ruskog frazema) // Славянская фразеология и паремология в XXI веке. Сборник научных статей. Под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Издатель Змицер Колас, 2010. – S. 114–119.

FINK – MENAC 2008: Fink Željka, Menac Antica. Hrvatska frazeologija – staro i novo // Komparacija systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 3. Frazeologia. Red. W. Mokijenko, H. Walter. – Opole: Universität Greifswald, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2008. – S. 88–100.

FINK ARSOVSKI – KOVAČEVIĆ – HRNJAK 2010: Fink Arsovski, Željka; Kovačević, Barbara; Hrnjak, Anita. Bibliografija hrvatske frazeologije i CD s popisom frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim radovima. – Zagreb: Knjigra, 2010. – 98 str.

FINK ARSOVSKI 2016a: Fink Arsovski, Željka. Hrvatsko-romansko-germanski rječnik poredbenih frazema (u suautorstvu s E. Le Calvé Ivičević, D. Sarić, S. Soares, I. Lončar, C. Rouco Chao, S. Malinar, L. Zergollern-Miletić, R. Lučićem, A. Bierichom, B. Barčot, Z. Novoselcem i C. Bredenkamp). – Zagreb: Knjigra, 2016. – 387 str.

FINK ARSOVSKI 2016b: Fink Arsovski, Željka. Što čini razliku? Tri novija frazeološka kalka u hrvatskom jeziku. In: Slavenska filologija. Prilozi jubileju prof. em. Milenka Popovića. Ur. Ž. Čelić, T. Fuderer. – Zagreb: FF press 2016. – S. 80–88.

FINK, Željka: Što se skriva u ormaru? (o novom frazemu u hrvatskom i ruskom jeziku). In: Słowo. Tekst. Czas. X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych. Pod red. M. Aleksiejenki, H. Waltera. Szczecin: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Szczecińskiego – Greifswald: Instytut Filologii Obcych Uniwersytetu Ernsta Moritza Arndta 2010. S. 48–56.

GERHARDT 1975: Gerhardt D. „Vogelmilch“ – Metapher oder Motiv? // Semantische Hefte. II. Hamburg, 1975. – S. 1-79.

GODYŃ 1995: Godyń Jan: Od Adama i Ewy zaczynać. Mały słownik biblizmów języka polskiego, Warszawa – Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego 1995. – 180 s.

GOLUBOVIĆ 2009: Golubović Biljana. Aus der Welt der südslavischen Phraseologie. <http://www.suedslavistik-online.de/01/einleitung.pdf>. Режим доступа: 25.02.2019.

GRABIAS 2010: Grabias Stanisław. Środowiskowe i zawodowe odmiany języka – socjolekty. W: Współczesny język polski. Red. J. Bartmiński. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej 2010. – S. 235 – 253.

GRIMM: Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm <http://woerterbuchnetz.de/DWB/> [электронный ресурс] 30.06.19.

HRNJAK 2001: Hrnjak Anita: O utjecaju stranih jezika na stvaranje novih frazema hrvatskog jezika // Riječ. Časopis za filologiju, 2001, god. 7, sv. 1. – S. 25–34.

JANDA 1999: Janda Michael. Über „Stock und Stein“: die indogermanischen Variationen eines universalen Phraseologismus / Michael Janda. (= Münchener Studien zur Sprachwissenschaft: Beiheft; N.F., 18). – Dettelbach: Röhl, 1997. – 210 S.

JOHN 2005: John, J. Reclams Zitate-Lexikon. Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 2005⁶. – 592 S.

KAŠIĆ – PETROVIĆ – SPASIĆ 1984: Kašić Jovan, Petrović Vladislava, Spasić Želmira. Frazeološki rečnik srpskohrvatskog jezika. Srpskohrvatsko-slovački. – Novi Sad, 1984. – 115 s.

KEBER 1996: Keber Janez. Živali v prisodobah 1. – Celje: Mohorjeva družba, 1996. – 387 s.

KŁOSIŃSKA 2016: Kłosińska Katarzyna. Skąd się biorą frazeologizmy? Źródła frazeologizmów i mechanizmy frazeotwórcze // Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Geneza dawnych i nowych frazeologizmów polskich. Red. G. Dziamska-Lenart, J. Liberek. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2016. – S. 19 – 53.

KLUGE 1960: Kluge Friedrich. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 18. Auflage. – Berlin: Walter de Gruyter, 1960. – 917 S.

KOLBERG 1875: Kolberg Oskar. Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Krakowskie, cz. IV. – Kraków: Akademia Umiejętności 1875. – 224 s.

KOMORNICKA 1994: Komornicka Anna M. Słownik zwrotów i aluzji biblijnych. – Łódź: Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie 1994. – 229 s.

KOŚKA 2015: Koška Lidia: Lec. Autobiografia słowa. – Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny im. Emanuela Ringelbluma 2015.–780 s.

KOVAČEVIĆ 2007: Kovačević Živorad. Englesko-srpski frazeološki rečnik. Četvrto izdanje. – Beograd: Filip Višnjić. – 1860 str.

KOZIARA 2001: Koziara Stanisław. Frazeologia biblijna w języku polskim, – Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej 2001. – 343 s.

KRNJAIĆ 2016: Krnjaić Cekić Nada. Frazeološki nemačko-srpski rečnik. – Beograd: Jasen, 2016. – 226 str.

KRUPKA 1979: Krupka Peter: Wolności nie można symulować. Analiza „Myśli nieuczesanych” Stanisława Jerzego Leca // Przegląd Humanistyczny. 1979, nr 9. – S. 101–115.

KRZYŻANOWSKI 1960: Krzyżanowski Julian: U średniowiecznych źródeł przysłów polskich // Pamiętnik Literacki 1960, 51, nr 3. – S. 69–90.

LANGENSCHIEDT SPRICHWÖRTER 2001: 4000 Sprichwörter und Zitate. Von Elke Gerr. Berlin. Wien. Zürich. New York: Langenscheidt, 2001. – 320 S.

LAUER 1997: Lauer Reinhard. Die russische Seele. (= Burstfelder Universitätsreden. Hsg. von Lothar Perlitt. Abt von Bursfelde, N 15). – Göttingen: Verlag Göttinger Tageblatt GmbH&Co., 1997. – 31 S.

LEC 2006: LEC Stanisław Jerzy. Myśli nieuczesane wszystkie. – Warszawa: Noir sur Blanc 2006. – 699 s.

LENARTOWICZ-ZAGRODA 2014: Lenartowicz-Zagroda Anna: Czy warto jeszcze badań polsko-łacińskie kontakty językowe. Historyczny przegląd i ocena badań polsko-łacińskich kontaktów językowych // Acta Universitatis Lodzianensis, Folia linguistica 2014, 48. – S. 103–116.

LEVIN-STEINMANN 2009: Levin-Steinmann Anke. Što je to - frazeologizam? / Kakvo e tova - frazeologizām? oder Zum Dauerproblem der Phraseologismusdefinition und -einordnung. <http://www.suedslavistik-online.de/01/levin-steinmann.pdf>. Режим доступа: 25.02.2019.

LEWICKI 2000: Lewicki Roman. Obcość w odbiorze przekładu. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej 2000.–176 s.

LEWICKI 2017: Lewicki Roman: Zagadnienia lingwistyki przekładu. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej 2017.–362 s.

Lexico.com [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lexico.com/en>.

LICHTENBERG 2001: Lichtenberg Julia. Die bulgarischen Phraseologismen. Auswahlbibliographie mit einem Index zur Geschichte und Etymologie. (= Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Hsg. von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 8). – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2001. – 160 S.

MAŁEK – NIKOŁAJEW 2012: Małek Eliza, Nikołajew Siergiej. «Апофегматы» Беньяши Будного в переводе Петровского времени. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego 2012. – 417 s.

MAŁEK 2010: Małek Eliza. Собрание 4291 древних российских пословиц и Апофегматы Беньяша Будного (Из истории русской паремииологии). – Warszawa: Nowy świat, 2010. – 60 s.

MARTINCOVÁ 2013: Martincová O.: Neologické tendence v současné češtině // Hrdlička, M. (ed.), Přednášky z 56. běhu LŠSS, 2013. – S. 28–37.

MATEŠIĆ, Josip (red.) (1988): Hrvatsko-njemački frazeološki rječnik. – Zagreb: Nakladni zavod Matice Hrvatske. – 691 str.

MENAC - BLAŽEVAC 1988: Menac Antica, Blaževac Krešimir. Hrvatskosrpsko-francuski frazeološki rječnik. Mali frazeološki rječnici, 6. – Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 1988. – 128 s.

MENAC – FINK 2002: Menac Antica, Fink Željka. Nove pojave u frazeologiji hrvatskoga jezika // Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia v nowej Europie. Новая фразеология в новой Европе. Neue Phraseologie im neuen Europa. Pod red. M. Aleksiejenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, Instytut filologii słowiańskiej – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Instytut slawistyki 2002. – S. 303–308.

MENAC – FINK ARSOVSKI – VENTURIN 2014: Menac Antica, Fink Arsovski Željka, Venturin Radomir. Hrvatski frazeološki rječnik. – Zagreb: Naklada Ljevak 2014. – 794 s.

MENAC 2007: Menac Antica. Hrvatska frazeologija. – Zagreb: Knjigra, 2007. – 270 s.

METZLER LEXIKON 2005: Metzler Lexikon. Sprache. Dritte, neubearbeitete Auflage. – Hsg. Von Helmut Glück unter Mitarbeit von Friederike Schmöe. – Verlag J. B. Metzler, Stuttgart-Weimar, 2005. – S. 375. (782 S.).

MG: J. KRZYŻANOWSKI, Mądrej głowie dość dwie słowie. Pięć centuruj przysłów polskich i diabelski tuzin. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy 1975, I. – 348 s. II – 344 s. III – 360 s.

MIEDER 1998: Mieder, W. Verdrehte Weisheiten. Antisprichwörter aus Literatur und Medien. Gesellschaft für deutsche Sprache (Hrsg.). – Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1998. – 396 S.

MOCH 2004: Moch Włodzimierz. Język dresiarzy w powieści Doroty Masłowskiej *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną* // *Linguistica Bidgostiana*, 2004, Vol. 1. – S. 97 – 115.

MOKIENKO 1993: Mokienko Valerij M. Phraseologische Germanismen im Russischen // *Zeitschrift für Slawistik* 1993, 38 (3). – S. 346–360.

MOKIENKO 2002: Mokienko V. M. Prinzipien einer historisch-etymologischen Analyse der Phraseologie // *Wer A sagt, muss auch B sagen. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis*. Hsg. von Dietrich Hartmann und Jan Wirrer (= *Phraseologie und Parömiologie*. Hrg. von W. Eismann, Peter Grzybek, W. Mieder. – Bd. 9). – Schneider Verlag Hohengehren GmbH, 2002. — S. 231–254.

MOKIENKO 2018: Mokienko Valerij M. Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie. Hrsg. v. Wolfgang Mieder und Harry Walter. Burlington, Greifswald 2018. – 308 S. // *Zeitschrift für Slawistik* 1993, 38 (3). – S. 346–360.

MRAVENACOVÁ 2005: Mravenacová J. Přejímání cizích lexémů. In *Neologizmy v dnešní češtině*. (Kolektiv autorů pod vedením O. Martinové). – ÚJČ AV ČR, Praha 2005. – S.187–211.

MSSiMP – Miejski słownik slangu i mowy potocznej [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.miejski.pl/>.

NIKOLIĆ-HOYT 2005: Nikolić-Hoyt Anja: Hrvatski u dodiru s engleskim jezikom // *Hrvatski jezik u dodiru s europskim jezicima*. Prilagodba posuđenica. Ur. L. Sočanac. – Zagreb: Nakladni zavod Globus 2005. – S. 179–205.

NKPP: Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich, w oparciu o dzieło Samuela Adalberga oprac. zesp. red. pod kier. Juliana Krzyżanowskiego. Red. J. Krzyżanowski, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. I, 1969 – 882 s. II, 1970 – 1168 s. III, 1972 – 998 s. IV, 1978 – 630 s.

NSGU – Nowy słownik gwary uczniowskiej. Red. H. Zgólkowa. – Wrocław: Wydawnictwo Europa 2004. – 425 s.

ONDRUSZ 1960: Ondrusz Józef. Przysłowia i przymówiska ludowe ze Śląska Cieszyńskiego. – Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1960. – 340 s.

Onet – Slang młodzieżowy: zobacz co znaczą Janusz, koteł, nerdzić [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kobieta.onet.pl/dziecko/nastolatki/slang-nastolatkow-co-oznacza-te-slowa/059m13>.

PACZOLAY 1997: Paczolay Gyula. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. – Veszprem: Nyomda Rt., 1997. – 527 p.

PAUL 2002: Paul, Hermann Deutsches Wörterbuch. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. – 1243 S.

PERLIN 2016: Perlin, Jacek, O zmianie biernika w użyciach nieparadygmatycznych // *Linguistica Copernicana*, 2016, nr 13. – S. 293 – 299.

PETERMANN 1992: Petermann Jürgen. Kroatische und/oder serbische Phraseologieforschung. Ein Literaturbericht // Eismann, Wolfgang; Petermann, Jürgen (Hrsg.) // *Studia phraseologica*. Festschrift für Josip Matešić zum 65. Geburtstag. München: Sagner, 1992. – S. 407 – 430.

PETRONIJEVIĆ 2007: Petronijević Božinka. Srpsko-nemački prevodni frazeološki rečnik. – Beograd: Jasen, 2007. – 262 str.

Props – перевод [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://модные-слова.рф/1970-props-perevod.html>.

PWN: [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sjp.pwn.pl/ciekawostki/>.

RA: Redensartenindex. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache <https://www.redensarten-index.de> [электронный ресурс] 30.06.19.

RAK 2005: Rak Maciej. Słownik frazeologiczny gwary Dębna w Górach Świętokrzyskich. – Kraków: Scriptum, 2005. – 160 s.

RAK 2007: Rak Maciej, Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza. – Kraków: Scriptum, 2007. – 260 s.

RAK 2007a: Rak Maciej: Frazeologia gwar Podtatrza w kontekście frazeologii słowackiej (z zagadnień frazeologii porównawczej) // *LingVaria* 2007a, II, nr 1 (3). – S. 103–113.

RZECZPOSPOLITA – Gwara uczniowska: Dać suba, kol do frenda [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rp.pl/Styl-zycia/303319852-Gwara-uczniowska-Dac-suba-kol-do-frenda.html>.

SEDLIĆ 2001: Sedlić B. Lijepa lijepu donosi. Rječnik poslovice. Poslovice na dvadeset ratliučitih europskih jezika. Likness ends in likeness. Dictionary of proverbs. Proverbs in twenty different European languages. – Slavonski Brod: Europa House Slavonski Brod, 2001. – 379 s.

SEILER 1922: Seiler Friedrich. Deutsche Sprichwörterkunde. – München: Beck 1922. – 484 s.

SFGM – Nevzorova-Kmech, Elena: Польско-русский фразеологический словарь молодежного сленга / Polsko-rosyjski słownik frazeologiczny gwary młodzieżowej. – Łódź: Primum Verbum 2010. – 259 s.

SGM – Jendrzek, Anna – Pastwa, Justyna: Słownik gwary młodzieżowej. – Toruń: Wydawnictwo Literat 2006. – 175 s.

SKORUPKA 1949: Skorupka Stanisław. Przenośnie w języku potocznym // Poradnik Językowy 1949, z. 1. – S. 5–14.

SKORUPKA 1965: Skorupka Stanisław. Z zagadnień frazeologii porównawczej // Prace Filologiczne 1965, XVIII, cz. 4. – S. 119–130.

SPP – Czeszewski Maciej. Słownik polszczyzny potocznej. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2006. – 388 s.

SSWSC – MARKIEWICZ, Henryk, ROMANOWSKI, Andrzej: Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych. – Kraków: Wydawnictwo Literackie 2007. – 1215 s.

STAWNICKA 2002: Stawnicka Jadwiga. Gry słów i ich przekład (na materiale „Myśli nieuczesanych S.J. Leca tłumaczonych na język rosyjski) // Innowacje w językach wschodniosłowiańskich II. Red. B. Tichoniuk. – Zielona Góra: Wydawnictwo Uniwersytetu Zielonogórskiego 2002. – S. 225–235.

STEFAN 2016: Stefan Anna. Kilka uwag o wymienności dopełniacza i biernika w języku polskim i słoweńskim // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2016, t. LXII. – S. 131 – 143.

STĚPANOVA 1998: Stěpanova Ludmila. Historie a etymologie českých rčení. – Praha: Karolinum – nakladatelství Univerzity Karlovy, 1998. – 132 s.

STRAUSS 1994: Strauss Emanuel. Dictionary of European Proverbs. – London: Taylor & Francis. I, 1994 – 640 s. II, 1994 – 2200 s.

SUG – Slang UG. Słownik slangu studentów Uniwersytetu Gdańskiego. Red. M. Widawski. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2010. – 348 s.

ŚWIĘTEK 1893: Świętek Jan, Lud nadrabski, od Gdowa po Bochnię. Obraz etnograficzny. – Kraków: Akademia Umiejętności 1893. – 728 s.

TROKHIMENKO 1999: Trokhimenko Olga V. „Wie ein Elefant im Porzellanladen“. Zur Weltgeschichte einer Redensart. – „Proverbium“ in cooperation with the Graduate College. The University of Vermont. Burlington, Vermont, 1999. – 186 p.

TURK 1994: Turk Marija. Naznake o podrijetlu frazema // Fluminensia, 1994, god. 6, br. 1–2. – S. 37–47.

TURK 2013: Turk Marija, Jezično kalkiranje u teoriji i praksi. Prilog lingvistici jezičnih dodira. – Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada – Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci 2013. – 439 s.

USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego (wersja elektroniczna). Red. S. Dubisz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2003.

VAN DALE IDIOMWOORDENBOEK 1999: Van Dale Idiomwoordenboek: verklaring en herkomst van uitdrukkingen en gezegden. Hoofdred. H. de Groot. Utrecht: Van Dale Lexicografie; Amsterdam: The Riders Digest NV, 1999. – XIX+1049 p.

VAS: Vasisdas.pl. Slang. Neologizmy. Mowa potoczna [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vasisdas.pl/>.

WALTER 2013: Walter H. Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen. Red.: Martin Becker. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013. – 284 S.

WALTER 2018: Walter, H. Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren. – Greifswald: Universität Greifswald, 2018. – 158 S.

WEINBERGER 2012: Weinberger Helmut. Kroatisch/Serbisch-Deutsches phraseologisches Wörterbuch, angeordnet nach semantischen Gruppen. – Wien: facultas.wuv., 2012.

WEYSSENHOFF-BROŹKOWA 1997: Weyssenhoff-Brożkova Krystyna. Frazeologia staropolska w szacie łacińskiej // Polonica 1997, 18. – S. 175–182.

WITALISZ 2007: Witalisz Alicja, Anglosemantyzmy w języku polskim – ze słownikiem. – Kraków: „Tertium” 2007. – 342 s.

WSWO – Wielki słownik wyrazów obcych PWN. Red. M. Bańko. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 2003. – 1348 s.

WZ 2001: Wójcik A., Ziebart H. Słownik przysłów niemiecko-polski, polsko-niemiecki. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001. – 547 S.

WZ: Westdeutsche Allgemeine Zeitung.
<https://www.waz.de/staedte/gelsenkirchen/die-karriere-geht-ab-wie-schmitz-katze-id210031605.html>.